

2023

ТОМ: 4

■
ГОМЕР: 3

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

■

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 3. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 3. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 3. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Евдокименко А.С. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России

Кетс де Врис Манфред (Франция), Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Кранц Джеймс (США), Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Кречмер Томас (Германия), Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Лейкина А.С. (Россия), канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Лонг Сьюзан (Австралия), Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Мамедов Шираз (Россия), Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Медведев В.А. (Россия, Эстония), канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра

Мерски Роуз (США, Германия), Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рафаелли Дерек (Великобритания), Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рингер Мартин (Новая Зеландия), Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Россохин А.В. (Россия), д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования

Сиверс Бурхард (Германия), Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Стрижова Е.А. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Таккер Саймон (Великобритания), Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Уорд Грэм (Великобритания), директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шенкман А.И. (Россия), Доктор эконо. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Хиршорн Ларри (США), Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Сама Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шаповалова Е.В. (Россия), ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том IV
№ 3.2023**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

- Бран А.**
Возникновение Я и процесс символизации 6
- Уолкердайн В., Олсволдб А., Рудбергс М.**
«История входит в дверь»: значение работ Ф. Давуан
и Ж.-М. Годийера для исследования воплощенного опыта
и межпоколенческой травмы 23

ИНТЕРВЬЮ С ПСИХОАНАЛИТИКОМ

- Интервью с Давидом Розенфельдом**
Темы в психоанализе. Журнал Испанского психоаналитического общества 51

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОСОМАТИКА

- Фусу Л. И.**
От психосоматической медицины к психоаналитической психосоматике 64

КЛЮЧЕВЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

- Зелинская Е. С.**
Ненависть в диаде «мать – дочь» 75
- Белоусова И. А.**
Психоаналитический взгляд на проблему идентичности и ее кризиса 96

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Красильникова Е. В.

Адаптивность современных руководителей:
психоаналитический аспект

109

ПСИХОАНАЛИЗ ГРУПП

Фролова М. М.

От ложного Я к ложному Мы

125

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Захарова Л. В.

Инаковость в психоанализе. Судьба инаковости в фильме
Ф. Озона «Двуличный любовник»

153

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Лукьянова М. И.

Репарация внутренних объектов на примере
жизни и творчества А. П. Чехова

179

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Возникновение Я и процесс символизации

А. Бран

(Пер. с фр. и науч. ред.: О. В. Чекунова)

Анн Бран – психоаналитик, клинический психолог, профессор клинической психологии и психопатологии Лионского университета (Université Lyon 2), экс-директор центра исследований психопатологии и клинической психологии (CRPPC, 2009–2019), автор многочисленных работ, посвященных терапевтической медиации, расстройствам нарциссического и идентификационного спектра и проблематике архаического.

В данной статье рассматриваются современные теоретические психоаналитические концепции, позволяющие по-новому посмотреть на лечение «тяжелых случаев», в том числе психотических, аутистических и «нарциссических идентификационных психопатологий», в основе которых лежит проблематика архаического. Для лечения подобных пациентов необходимо использовать новые технические инструменты. В случае лечения тяжелых нарциссических психопатологий классическая техника модифицируется, большее внимание уделяется сенсорным, аффективным и двигательным аспектам, то есть тому раннему опыту, который лежит в основе формирования процессов символизации или, в случае неудачи, приводит к отсутствию или дефициту символизации. Новый теоретический и клинический подход при психоаналитической психотерапии пациентов с «тяжелыми состояниями» включает в себя не только фокус внимания на сенсорных аспектах, но и расширение техники в сторону «терапевтической медиации», в случае работы в группе психоаналитик в переносе играет роль «гибкого медиума».

Ключевые слова: архаический период, инфантильный период, психоз, аутизм, символизация, субъективация, перцептивные архаические следы, «нарциссические и идентификационные страдания».

Вопрос рождения Я и появления процессов символизации представляет собой королевскую дорогу для изучения различных видов современных клинических феноменов, в частности нарциссических и идентификационных патологий.

Какие «организаторы» способствует формированию Я в значении «Я как субъекта»? Было много дебатов в отношении перевода с немецкого введенного Фрейдом термина «Ich» (*Freud, 2011*). В данном случае речь идет о Я в смысле субъекта (*eu/sujeito*), о котором мы будем здесь говорить. Мы будем рассматривать вопрос о субъективации, анализировать процессы символизации как процесса субъективного присваивания (своего опыта).

И в самом деле, одно из основных изменений, введенных некоторыми современными психоаналитиками, представляет собой переход от традиционной парадигмы психоанализа, понимаемого как осознание бессознательного, к психоанализу, в центре интереса которого располагается процесс субъективации. «Wo es war, soll ich werden», – писал Фрейд в 1932 году, что переводится как «где было Оно, должно стать Я». Символизировать архаичные перцептивные следы – значит совершить переход от Оно, где влечения находятся в какой-то степени в сыром состоянии, к Я-субъекту. Согласно формулировке Рене Руссийона, это значит «перейти от процесса без субъекта к процессу с субъектом» (*Roussillon, 2015*). Но каким же образом первичный опыт Оно трансформируется и интегрируется в Я?

Мы сейчас раскроем различные процессы символизации, которые способствуют формированию Я/субъекта, а также интеграции и трансформации его первичного опыта. Какие факторы препятствуют или способствуют субъективному присваиванию первичного опыта, какие здесь могут быть «подводные камни» в процессе символизации? Именно запуск и восстановление этих процессов символизации будут лежать в основе нашей аналитической практики с пациентами, страдающими от нарциссических и идентификационных патологий.

Очень часто вопрос об истоках происхождения связывают с вопросом о начале, что в психоанализе называется «архаикой». Но, если мы вернемся к истокам языка, то мы увидим, что в греческой этимологии слово «архаика» не совпадает с понятием первоначала, или истоков происхождения: «archè» на греческом одновременно обозначает «начало» и «принцип». «Начало» обозначает в психоанализе первичные отношения ребенка с окружением, с объектами, а «принцип» – организационное и структурное измерение архаики по отношению ко всей психической жизни. Это предполагает отделение архаичного периода, примерно от 0 до 2 лет, когда младенец еще не располагает возможностью использовать вербальный язык, от инфантильного периода; это разделение является принципиально важным, так как символизация в архаический период может проявляться только в виде языка тела или языка действия, ввиду отсутствия возможностей для символизации с использованием вербального языка. В этой работе уделим особое внимание исследованию того, что мы будем называть формами сенсорно-двигательной символизации.

Через этот текст красной нитью будет проходить моя мысль о том, что процесс символизации, который лежит в основе появления Я-субъекта, уходят своими корнями в сенсорно-двигательную область, этот концепт, не считающийся психоаналитическим, становится таковым, если брать во внимание механизмы и трансформацию первичного сенсорного, аффективного и двигательного опыта младенца, который всегда проживается в отношениях с первичными объектами окружающей его среды.

Вы не найдете концепт сенсорной моторики ни в одном словаре психоанализа, однако в своих работах Фрейд нам дает ориентиры для того, чтобы осмысливать сенсорнику и моторнику психоаналитическим способом. Я еще вернусь к этому вопросу, а пока в двух словах объясню, что у Фрейда следы сенсорно-двигательного опыта инвестируются влечениями, то есть Оно запускает влечения, которые инвестируют то, что Фрейд называл перцептивными следами. Таким образом, сенсорная моторика в основе своей является связанной с влечениями.

Для начала следует отметить, что в истории фрейдовского психоанализа выделяются несколько важных вех касательно вопроса о появлении Я. Мы увидим, как Фрейд позволяет нам задуматься о телесных и сенсорных истоках, лежащих в основе появления Я.

Затем мы перейдем к обсуждению вопроса о роли, которую играют первичные формы символизации, начиная со вклада современных психоаналитиков, которые выделяют общую точку зрения о том, что в анализе нужно исследовать первичный сенсорный и эмоциональный опыт младенца, полученный во взаимодействии с объектами, которые играют ведущую роль в становлении процессов символизации или в их неудаче.

Завершение доклада будет посвящено Виктору Герра (*Guerra, 2014*). Мы увидим, что клиническая работа с психотическими и аутичными пациентами вносит значительный вклад в понимание процессов зарождения Я, перекликаясь с некоторыми феноменами, присущими творческим личностям.

Две опорные точки, лежащие в основании теории Фрейда

Традиционно считается, что вопрос о зарождении Я был поднят Фрейдом в 1914 году в его статье «Введение в нарциссизм» (*Freud, 2012*), но важно также открыть и другую линию в творчестве Фрейда: мысль о появлении Я находилась в самом сердце, в основании психоанализа Фрейда еще задолго до введения им понятия Я в 1914 году.

Фрейдистский концепт Я-либидо с характерными для него влечениями вводится в 1914 году и представляет собой настоящую революцию в метапсихологии: отныне теория либидо больше не будет сфокусирована исключительно на объекте, но и на инвестициях в Я. В этой второй теории влечений Фрейд устанавливает что-то вроде баланса между Я-либидо, где сексуальное направлено к Я-субъекту, и объектным либидо, где сексуальное направлено на объект. Он рассматривает Я как некий большой резервуар для либидо, которое частично ориентировано на объекты: Фрейд предлагает знаменитый образ нарциссизма как «тельца

маленького протоплазматического существа» (*Freud, 2012*), которое «выпускает свои псевдоподии в сторону объектов» и может их возвращать к себе обратно.

Эти идеи будут в дальнейшем развиваться в третьей теории влечений, где резервуар либидо будет располагаться в Оно. Фрейд отличает первичный процесс, который характеризуется сексуализацией психических процессов, от вторичного процесса, который состоит в десексуализации, однако не отменяет полностью либидинализацию первичной связи. Именно процессы сексуализации и десексуализации Я оказываются решающими, например, в отношении связей с эдипальными объектами.

Именно Я позволяет присваивать свой субъективный опыт. В 1920 году в статье «По ту сторону принципа удовольствия» (*Freud, 2013*) появляется понятие компульсивного повторения, которое представляет собой попытку связать травматический опыт, оно связывается с влечением к жизни, когда человек оказывается лицом к лицу с развязыванием влечений и с влечением к смерти. Появляется идея о возможности воссоединения пережитого опыта в Я, в терминах Винникотта (*Winnicott, 2016*) речь идет об идее «интеграции» несубъективированного опыта в Я.

Фрейд в своем Введении в нарциссизм всегда настаивал на существовании врожденных инвестиций в Я, первичном нарциссизме, который описывается как ощущение в самом начале жизни абсолютной самодостаточности и всемогущества, которое отсылает к первичной иллюзии отсутствия дифференциации между младенцем и внешним миром, предваряющей появление дифференциации с объектом. Основываясь на этом феномене, Винникотт устраивает метапсихологическую революцию, показывая, что структурирование первичного нарциссизма не может осмысливаться вне связи с объектом, и он описал функцию материнской заботы и присутствия окружения в выстраивании первичного нарциссизма.

Эта теория первичного нарциссизма Фрейда сегодня ставится под сомнение с учетом данных, полученных в результате недавних исследований младенцев: например, работы Десети (*Decety, 2005*) показывают, что младенец очень рано начинает различать то, что исходит от него самого, а что от внешнего мира; начиная с первых часов после рождения он может отличать лицо матери от других лиц, а также имитировать ее мимику. Известно также, что новорожденный способен сразу ощущать себя как субъект собственных действий, таким образом состояние первичной психической недифференцированности (Д. Штерн) отсутствует. Б. Гольс подчеркивает, что доступ к интерсубъективности не сводится к «все или ничего», а представляет собой динамический процесс, разворачивающийся между первичными мимолетными моментами межличностных отношений и моментами отсутствия дифференциации между Я и объектом (*Golse, 19992*). Рене Руссийон предложил идею «двойного зеркала» (*Roussillon, 2015*) между младенцем и его матерью. Мать ощущается одновременно как двойник и как другой, что позволяет в дальнейшем объединить субъективные состояния ребенка в «психический архипелаг». Таким образом, проблематика синтеза в Я находится в самой сердцевине зарождения Я. Мы еще к этому вернемся.

В своей работе «Введение в нарциссизм», вышедшей в 1914 году, Фрейд не рассматривает роль, которую играет то, что он называл «сенсорной жизнью», в построении первичного нарциссизма, однако его труды позволяют задуматься над телесными и сенсорными истоками происхождения Я, что будет нашим вторым пунктом исследования. В своей работе «Основы научной психологии» уже в 1895 году Фрейд (*Freud, 2011*) ориентируется на философскую традицию сенсуалитического эмпиризма, согласно теориям ассоцианизма конца XIX века, сенсорные впечатления соединяются друг с другом благодаря ассоциациям. Фрейд основывает свою теорию психической жизни на знаменитом афоризме философа Лейбница, перекликающемся с мыслью Локка: «Нет ничего в разуме, чего не было бы сначала в чувствах, если это не сама мысль» (*Leibnitz, 1996*). Проблема заключается в том, чтобы узнать, как произойдет трансформация сенсорного регистра в мысль. Известно, что Фрейд основывает рождение мысли на потребностях сомы, которые подталкивают к галлюцинаторному удовлетворению желаний: галлюцинация груди представляет собой первую форму репрезентации. Рождение Я-субъекта будет связано с сенсорным мышлением, вначале без отличия сомы от мысли, а затем произойдет переход к саморепрезентации этого процесса, который позволит выстроить мышление. Посмотрим, как этот пункт был разработан П. Оланье (*Aulagnier, 2003*). Как можно перейти от перцепции и галлюцинации к различным формам репрезентации?

В своем письме к Флиссу в 1896 году Фрейд (*Freud, 1985*) предложил модель различных типов мнестических следов в психическом аппарате и их связывания и ввел, в частности, концепт перцептивных следов для дифференциации репрезентации вещи и репрезентации слова. Но в дальнейшем Фрейд (*Freud, 2019*) будет склоняться, в частности в 1915 году в своем труде «Метапсихология», к смешению понятий перцептивных следов и следов бессознательных репрезентаций вещи; многие современные аналитики настаивают на необходимости сохранить различие между перцептивными следами и репрезентацией вещи, мы увидим, как это важно для того, чтобы уловить суть процессов трансформации, лежащих в основе происхождения Я. Именно эти перцептивно-аффективно-моторные следы, представленные Фрейдом в виде понятия «*fuegos*», станут объектом трансформаций, превратятся в сценарий, для того чтобы стать тем материалом, который сможет интегрироваться в субъективность, а также чтобы стать репрезентациями, распознаваемыми другим субъектом.

Поскольку архаика включает в себя организующие психику аспекты на протяжении всей жизни, это значит, что реактуализация перцептивных следов может осуществляться постоянно. В 1937 году в работе «Конструкции в анализе» Фрейд (*Freud, 2011*) поднимает вопрос о галлюцинаторном возвращении «забытого события первых лет жизни, чего-то, что ребенок видел или слышал в определенный период времени, когда он едва умел говорить», в процессе аналитического лечения. Фрейд в своей работе поднимает вопрос о реактуализации архаичного опыта в форме сенсорных галлюцинаций, которые отсылают к довербальному периоду: здесь мы можем увидеть присутствие линии, отделяющей архаичный

период от инфантильного периода, в котором символизация сможет осуществляться в вербальном регистре.

Каким образом будет осуществляться эта реактуализация перцептивных следов? Фрейд показал, что главную роль играют именно галлюцинации и первичные процессы. Галлюцинаторная реактивация сенсорно-перцептивного опыта отсылает нас к первичному процессу, который характеризуется идентичностью перцепции, тогда как процессы трансформации сенсорно-моторных следов отсылают нас к идентификации мысли с трансформациями в различных формах репрезентаций.

Чтобы понять, как рождается Я, необходимо поставить под вопрос упрощенную теорию, согласно которой воспринимаемое принадлежит только внешней реальности, с моделью системы перцепция – сознание, где субъект непосредственно регистрирует ощущения, которые он получает со стороны внешнего мира и придает им смысл позднее. Это первая модель Фрейда. Однако, опираясь на постулаты Лапланша, Руссийон (*Roussillon, 2015*) указывает на постоянное присутствие второй модели, в которой Фрейд отводит место двум крайним точкам психики полюсов – перцепции и сознания. Жизнь влечений, жизнь Оно коренится, таким образом, в соме: чтобы стать сознательной, перцепция должна в итоге пройти через весь психический аппарат и стать переведенной на язык различных логических структур, перцептивные следы, исходящие от сомы, трансформируются в репрезентации бессознательных вещей, а затем – в репрезентации слова предсознательной/сознательной системы.

Восприятие организуется на основе первых перцептивных следов, но особенно в связке с историей субъекта. Также можно отметить влияние первых схем, вписывающихся в психику, начиная с первого контакта тела младенца с материнским телом, двигательных паттернов или паттернов контакта. Ведущая роль в формировании Я отводится сенсорике и моторике, поскольку они занимают важное место в процессе трансформации, эти идеи в дальнейшем будут развиваться последователями Фрейда.

Роль первичных форм символизации в рождении Я

Опираясь на этот теоретический фундамент, заложенный Фрейдом, мы можем сейчас перейти к рассмотрению процесса символизации, лежащего в основе зарождения Я. Следует отметить, что большинство современных психоаналитиков стали уделять все больше и больше внимания телесным, сенсорным и двигательным аспектам, для того чтобы иметь возможность переосмысливать и работать со сложными клиническими случаями – психозами, психопатологией агрессивного поведения, а также «пограничными и экстремальными ситуациями субъективности». Последователи Фрейда предложили различные теории, для того чтобы исследовать трансформацию первичного сенсорного, аффективного и двигательного опыта младенцев, полученного при контакте с объектом.

В книге, написанной в соавторстве с Рене Руссийоном (*Brun, Roussillon, 2016*), мы предложили соединить различные современные концепции, обозначая их как «первичные формы символизации», в частности

«протоментальное» Биона (1975), «агглютинированные ядра» Блегера (1967), «пиктограммы» Оланье (1975), «формальное означающее» Анзье (1987). Эти первичные формы символизации в какой-то степени рассказывают аналитику об опыте взаимодействия с первичными объектами, но их называют «первичными формами символизации» не только потому, что они находятся у истоков происхождения на временной линии континуума, они проявляются в процессе любой терапии и в психической жизни субъекта на протяжении всей его жизни, они присутствуют и в репрезентациях других уровней. Мы рассмотрим, как происходит переход от одного уровня символизации на другой с помощью других процессов «метаболизации», согласно выражению Оланье (*Aulagnier, 2003*). Она подчеркивает, что репрезентативное функционирование укореняется в соматической модели, так как репрезентативная активность является эквивалентом метаболической работы, свойственной органичной активности.

Несмотря на то что появляются новые современные теоретические принципы, по-прежнему не уделяется должного внимания исследованию различных форм аналитического слушания и интервенций аналитика, направленных на проработку первичных форм символизации, в то время, как слушание первофантазмов продолжает оставаться в центре внимания аналитических школ.

Основная идея, которую мы хотим выдвинуть здесь, состоит в том, что различные формы изъятия субъективности, которые проявляются в процессе лечения, нуждаются в особом слушании, направленном на сенсорные и двигательные аспекты во время сеанса, для того чтобы позволить пациенту отделиться от тени объекта, которая как будто падает на его тело, будучи неотделимой от его психической жизни. В патологиях нарциссизма и идентичности именно это слушание первичных форм символизации позволяет вновь запустить процессы присваивания своего субъективного опыта.

Чтобы показать, какую роль играют эти первичные формы символизации в зарождении Я, я приведу небольшой пример из терапии взрослого пациента.

Пациент в возрасте около 30 лет обращается с запросом на аналитическую работу, так как он регулярно погружается в депрессию и все видит в черном цвете, несмотря на то что у него все хорошо, как на работе, так и в семье. В эти периоды он перестает себя узнавать, а обычно он очень активен, но может в такие моменты «больше себя не ощущать», он чувствует, что «исчезает». Регулярно случаются сеансы, когда он обрушивается на диван, сворачивается калачиком и лежит, не двигаясь. Тогда он говорит, что «поглощен пустотой» или чувствует себя «разлетевшимся на куски» или «пылью, летающей в воздухе». Иногда мне приходится напрягать слух, так как его голос становится еле слышным...

Я постепенно понимаю, что я делюсь с ним некоторыми сенсорными переживаниями: я оказываюсь в пустоте мыслей, становлюсь жесткой и ощущаю пустоту эмоций и образов...

В эти моменты психического отсутствия пациент исчезает в галлюцинаторных ощущениях, которые можно описать как: «это исчезает», «здесь обрушивается», «это улетает», «это разлетается на кусочки», «это стирается». В данном случае мы видим проявление формальных означающих, описанных Анзье, – это телесные впечатления, которые соотносятся с проторепрезентациями пространства и тела, это трансформация, «часто ощущаемая пациентом как инородная» (*Anzieu, 1990*). Таким образом, речь идет о формах в движении, появляющихся в виде галлюцинаторного переживания, которое не может быть присвоено субъектом, переживающим эти сенсорно-двигательные впечатления. Грамматически субъект обозначается в безличной форме как «изолированная физическая форма» или «кусочек живого тела», пишет Анзье, а «не целостная личность» (*Anzieu, 1990*). В данном случае речь идет не о фантазмах, поскольку здесь нет объекта, но о комбинациях форма – движение, состоящих из проприоцептивных, тактильных, коэстетических, кинестетических, постуральных, сохраняющих равновесие образов, – одним словом, это все то, что относится к сенсорному регистру. Анзье уточняет, что формальное означающее является первой формой символизации пиктограмм: пиктограмма – это галлюцинаторное ощущение, обладающее спекулярностью или абсолютным отсутствием дифференциальности между телом, внешним пространством и мышлением, например «осколки тела/пространства/мысли».

Архаичный травматический опыт отношений с объектом реактуализируется в виде сенсорных галлюцинаций. Аналитическая техника будет в данном случае направлена на соединение этих сенсорных впечатлений, не связанных ни с какой формой памяти, с фрагментами воспоминаний в связи с объектом.

Таким образом, при работе с пациентом, о котором я говорила, я пыталась объединить эти сенсорные галлюцинации в форме сценария в связке с историей пациента. Сначала Я соединила его ощущения того, что он перестает существовать, отсутствует, исчезает, с внезапным уходом матери, когда пациенту было четыре года. Он вспоминает, как рассматривал летящую в воздухе пыль и чувствовал, что разлетается на тысячу осколков. Он также вспоминает, как во время семейных обедов и ужинов взрослые с ним не разговаривали. Он помнит себя стоящим перед игрушками, не способным в них играть.

Работа аналитика состоит в том, чтобы трансформировать эти сенсорно-аффективно-моторные переживания в «сценические изображения», согласно выражению Оланье (*Aulagnier, 2003*), для того чтобы попытаться выстроить репрезентацию той части истории, связанной с объектом, в основе которой лежат процессы самоотчуждения, стирания себя, превращения в пыль или растворения в пространстве. Парадоксально, что именно аналитическая работа с теми моментами, когда пациент находится «вне себя», как пишет Ференци, позволяет нам переосмысливать различные аспекты зарождения Я.

Несмотря на различные мнения, можно прийти к заключению, что специфичность аналитического прослушивания первичных форм

символизации состоит в том, чтобы построить сцены, вызывающие воспоминания о связи с объектом, начиная с реактуализации галлюцинаторных ощущений у пациента; таким образом, согласно Оланье, должен произойти переход от пиктограммы к сценическому изображению или фантазму, согласно Анзье, переход от формального означающего к фантазму, согласно Биону, от О безличного к О личному с идеограммой протоментального. В общем и целом речь идет о трансформации перцептивных следов («*fueros*») в репрезентации вещи, о процессе, который Руссийон называет «первичной символизацией» (*Roussillon, 2015*). Таким образом тело постепенно вписывается в историю.

Клинический опыт нам показывает, что именно пограничные и экстремальные формы психопатологии находятся под воздействием первичных форм символизации.

Последовательный процесс зарождения Я, начиная с появления формальной ассоциативности

Именно исследование клинической картины психозов привело Фрейда к необходимости теоретизировать нарциссизм. Я предлагаю сейчас также начать с особенностей клинической работы с психотическими и аутичными пациентами, которая наиболее наглядно демонстрирует нам процессы символизации, происходящие при зарождении Я-субъекта. Речь пойдет о том, чтобы понять, каким образом происходит переход от сенсорной дезорганизации с островками распавшегося на части Я к процессам сенсорной интеграции, благодаря которым происходит интеграция пережитого опыта в выстроенное, целостное Я-субъекта, которое уже обрело способности к процессу рефлексивности.

Начну с того, что затрагивают очень редко в психоаналитическом обществе, но что является невероятно ценным источником для понимания самых архаичных процессов формирования Я-субъекта, процессов зарождения и трансформации галлюцинаторных ощущений в творчестве, в живописи, лепке... Я предлагаю ненадолго повернуться в сторону того, чему нас учат терапевтические медиации – поговорить о сенсорном медиуме: Марион Мильнер (*Milner, 1979*) предложила концепцию гибкого медиума, который всегда представляет собой одновременно материал – материал для символизации – и психоаналитика или клинического специалиста, который также представляет собой материал. Цель этих терапевтических медиаций состоит в том, чтобы дать нам возможность увидеть материализацию в гибком медиуме сенсорно-двигательных форм/движений, несущих в себе историю связи с объектом, как мы уже видели раньше.

Именно встреча с сенсорным медиумом в его реальной материальной форме вызывает у пациентов, как у детей, так и у взрослых, реактуализацию галлюцинаторных ощущений и делает возможной трансформацию галлюцинаторных ощущений, которые представлены в виде комбинации форма – движение, в регистр первичных форм символизации. Я задавалась вопросом о логике появления и трансформации этих сенсорных

галлюцинаций в виде формы – движения, которые вносят свой вклад в выстраивание психических оболочек.

С психотическими или аутистическими пациентами в начале терапевтической работы мы наблюдаем повторяющийся процесс разрушения форм. То, что компульсивно повторяется и часто является утомительным для терапевта, – это катастрофические переживания встречи с объектом, которые останавливают процесс трансформации форм, форм замороженных, окаменевших, обездвиженных, искаженных, разложившихся, рассыпавшихся и т. д. Бесконечное повторение одних и тех же форм и поступков обездвиживает процесс, делая трансформацию невозможной.

То, что символизируется при использовании гибкого медиума, – это прежде всего то, что лежит в основе десимволизации. Эти сенсорные и двигательные формы воплощают в себе историю встречи с объектом, а также представляют собой защитные механизмы для борьбы с возвращением того опыта, который Винникотт называл «примитивной агонией», например обездвиживание, окаменение, дифракция Я, замораживание и т. д.

Я предлагаю называть «формальной ассоциативностью» эту ассоциативную цепочку, рождающуюся при использовании сенсорного медиума, проявляющуюся в галлюцинаторных ощущениях, формах, движениях, часто в виде формальных означающих, которые ассоциируются у Анзье с концепцией Я-кожи и репрезентациями оболочек (*Anzieu, 1995*). Речь идет о том, чтобы выделить последовательность форм не только в том, что создает пациент, используя гибкого медиума, но и в его сенсорномоторном языке. И тогда на поверхность выходит архаичная психическая топика.

Чтобы описать логику, лежащую в основе процесса рождения Я-субъекта, я предложила выделить сначала в терапевтических медиациях с пациентами с психотической и аутистической проблематикой три важные позиции, в которых, согласно теориям Мелани Кляйн, можно организовать процессы вокруг трансформации материи, формы и психических оболочек: патологическая адгезивная позиция, позиция отделения от фона и позиция рефлексивности. Мы увидим, каким образом выделение этих позиций позволяет нам осмыслить процессы трансформации первичных форм символизации в фантазматические сценарии.

Первая позиция, или патологическая адгезивная позиция, появляется прежде всего у тяжелых аутистов, она состоит из «не-процессов», согласно выражению Блегера (*Bleger, 1967*), то есть из феноменов прилипания, неразличения разных форм, повторения одного и того же до бесконечности и преобладания неодушевленного: например, отстранение и отсутствие контакта с медиумом, прилипание или цепляние за сенсорного медиума, отсутствие разделения формы и фона, контакт без движения и следа, отсутствие ощущения третьего измерения, инвестиции в неодушевленные аспекты кадра. В контрпереносе терапевт ощущает отсутствие контакта и чувствует, что он не существует. У тяжелых аутистов первый этап соотносится с отсутствием первой ритмической оболочки.

Но она может соответствовать также феномену разрыва оболочки, особенно при психотической проблематике, с нескончаемым повторением формальных означающих в виде «дыра засасывает», «опора рушится». «Я-лист, дырявая кожа, оторванная кожа» или «Оно бесконечно плавится» с необратимым разрушением форм.

Вторая позиция – позиция отделения от фона, имеется в виду отклеивание, со всеобъемлющим присутствием деструктивности. Игра между формой и фоном появляется, например, в живописи, где сенсорно-двигательные формы выделяются на фоне, следы становятся ритмическими следами, обладающими смыслом, согласно выражению Х. Гаага, формируется петля возвращения к объекту, могут также появляться формы пунктира как конфигурация точек соединения с объектом...

В этой второй позиции эволюция формальных означающих характеризуется процессами трансформации и обратимости: появляется трансформация состояний материала, например, «дифференциация цветов и текстур» или возможность затвердевания материала, который до этого был жидким. Трансформация форм также становится обратимой, например, «это появляется, это исчезает, и это снова повторяется», «это уходит и это возвращается», «это прилипает и отлипает», и опоры смещаются с неодушевленного к одушевленному.

Эти игры трансформации форм появляются всегда в связке с терапевтической работой клиницистов. Именно ответные реакции терапевта запускают у пациента динамику возможных трансформаций этих сенсорно-двигательных форм и возобновление процесса символизации и трансформации. Важно описать особенности интерпретативных техник, используемых клиницистами, которые вновь запускают окаменевшие процессы символизации, так как они показывают, что объект играет основную символизирующую роль в рождении Я-субъекта.

Процесс символизации, лежащий в основе рождения Я-субъекта

Виктор Герра (*Guerra, 2014*) показал, что поле символизации открывается благодаря совместному творчеству с разделяемым ритмом. Он выдвигает оригинальную идею о том, что материнский закон обладает основной функцией совместного создания общего ритма, зеркальной функцией перевода и трансформации аффективных переживаний на базе процессов субъективации; в ранних психопатологиях наблюдается отсутствие общего ритма, рассинхронизация.

Процесс лечения связан с восстановлением настроек, согласно теориям Штерна, с перемещениями из одного регистра, относящегося к органам чувств, в другой, например от кинестетического к звуковому. Речь идет о том, чтобы восстановить то, что Штерн (*Stern, 1985*) обозначает как что-то подобное хореографии между младенцем и объектом, с взаимной подстройкой жестов, мимики и поз ребенка и первичного объекта. По этой причине при работе с психотическими пациентами терапевты главным образом используют язык тела и язык действия в форме

сенсорно-двигательного диалога, который состоит прежде всего в том, чтобы взаимодействовать с пациентом как зеркало; речь не идет о том, чтобы отражать то же самое, в «петле возврата», используя метафору Ж. Хааг (*Haag, 2005*), а чередовать то же самое и другое, «немного не то же самое».

Благодаря настройке и подстройке происходит выстраивание аффекта, появляется возможность перейти от регистра ощущений к тому, что Фрейд называет «образованием» аффекта. Речь идет о переходе от слияния репрезентации и аффекта, согласно Оланье (1975), или от того, что Грин называет «неразличением между аффектом и репрезентацией» (1999), опираясь на понятие психического репрезентанта влечения Фрейда. Аффект не остается при этом чисто соматическим, он может выстроиться в отношениях с объектом; это то, что ему позволяет интегрироваться в Я и одновременно формировать, организовывать Я. Здесь речь идет еще и о трансформации ощущения в способность аффекта к рефлексивности, благодаря которой можно ощущать и называть свои чувства.

Как формируется аффект? Через театрализацию эмоций в ходе терапевтической работы. Как и в случае с ребенком, речь идет о том, чтобы отразить пациенту его собственные аффекты ярости, тоски, бессилия или удовольствия, театрализуя их в мимике, звуках с ярко выраженной интонацией и в жестах. Работы Жержели (*Gergely, 1992*) показали, что ребенок при таком взаимодействии начинает понимать, что другой отражает его собственный аффект, и это формирует первый базовый уровень рефлексивности. Аффект формируется, если объект ему присваивает значение сообщения, адресованного другому, то есть если объект придает ему смысл.

Множество современных авторов, пишущих о ребенке, показывают, что формирование субъективности зависит от того, каким образом влечения ребенка были приняты или отклонены объектом, на который они были направлены, а также от того, как объект переводит и трансформирует субъективное «сообщение», находящееся в самом центре жизни влечений ребенка. Я вас отсылаю к работе «Рождение объекта» Бернара Гольса и Рене Руссийона (*Golse, Roussillon, 2010*), в которой авторы делают акцент на том, что рождение объекта неотделимо от рождения Я.

В основе процесса символизации лежит формирование общего ритма младенца и его первичного окружения, аффективных настроек, формирование аффекта и театрализация; на примере небольшого клинического материала я сейчас покажу и другие процессы.

Я сейчас опишу динамику терапевтической работы с ребенком-аутистом восьми лет, терапия проходила в специальном центре, в маленьком неглубоком бассейне для детей, стоящем у стены с большим зеркалом и душевыми лейками, встроенными в зеркало. Я супервизировала работу двух своих коллег-терапевтов в специальном учреждении.

Вначале ребенок ни на что не смотрит, не способен брать руками предметы, сидит в воде перед зеркалом и тяжело дышит. На первом этапе работа состоит в том, что терапевт также дышит тяжело, и дыхание постепенно становится разделенным, появляется общий ритм. Можно ли здесь

говорить о появлении ритмичной дыхательной оболочки? Ребенок будто ощущает воздушный столб. Одновременно терапевт делает ребенку массаж спины, они обмениваются взглядами. Происходит переход приятных ощущений от прикосновений в мягкие звуки, а более жестких – в более жесткие звуки, благодаря чему ребенок через два месяца уже оказывается способным вставать и брать в руки душевой шланг. На этом втором этапе ребенок будет на протяжении двух месяцев стоять, как будто приклеенным к зеркалу, однако он сможет играть с душем, прислоняя его к зеркалу и наблюдая, как течет вода и как она забрызгивает зеркало.

Мы интерпретируем этот язык тела ребенка как что-то подобное рассказу в действии о слипании с объектом, с еще не дифференцированными оболочками; эта позиция сильно отличается от распространенных представлений об аутоэротизме, при котором как раз и стирается связь с объектом. Напротив, речь идет о том, чтобы интерпретировать язык аутистов как «репрезентакты», согласно формулировке Ж.-Д. Винсена, как репрезентации в действиях, в теле, репрезентакты также представляют собой первичные формы символизации, укорененные в сенсорике и моторике.

Гааг показал, что особенно важно сочетать физическую опору на уровне спины с обменом взглядами, этот опыт создает первое ощущение оболочки; Буллингер указывает на этот аспект в своих работах, посвященных психологии развития; у ребенка-аутиста, который бьет себя по голове палкой, выстраивание заднего фона позволяет создать возможность использовать палку для того, чтобы трогать предметы. В общих чертах, эти сенсорные, ритмичные, дыхательные, «тактильные» настройки открывают пространство и позволяют переходить от ощущения тела/пространства, подобного ленте Мебиуса, к появлению первого чувства опоры и глубины.

Я уточню, что в процессе сенсорных медиаций, таких как живопись или лепка, начинают появляться другие элементы, не связанные с вертикальностью, например формирование первых ядер из твердого материала, первые организующие точки сборки или появление волнистости и складок, первый этап отклеивания от общей кожи. А сейчас вернемся к клиническому материалу.

На третьем этапе терапевт вводит театрализованную игру с варьированием интонации вокруг душевой лейки в руках ребенка. Ребенок чередует моменты поливания зеркала с попытками облить терапевта. Терапевт трансформирует то, что делает ребенок, в общую игру, «прикоснуться – не прикоснуться». Тогда ребенок впадает в ярость, нападает на терапевта, пытаясь его оцарапать, ущипнуть, окатить водой и окатить с силой водой зеркало. Терапевт не выходит из игры, а постепенно переводит игру в «ку-ку» с размытыми картинками на зеркале, которое поливает ребенок: «Ку-ку, ты меня стираешь, а я здесь, я вернулась».

Постепенно ребенок начинает ждать, когда отражение его самого и терапевта обретет форму в зеркале, перед тем как его снова размыть, и он радуется вместе терапевтом, когда отражение вновь становится четким. Он прекращает свои атаки на терапевта и периодически будет бросаться в объятия терапевта за пределами бассейна.

Винникотт прекрасно описал этот этап. «Эй, объект, я тебя разрушил. Я тебя люблю, – пишет он. – Я тебя люблю, потому что ты выжил, когда я атаковал тебя своей деструктивностью» (Winnicott, 2016). Иными словами, ребенок уже больше не ощущает себя всемогущим, появляется разница между субъективным миром репрезентации, фантазма и миром объективным, в котором объект выживает, появляется способность отличать объект фантазмов от объекта реальности. Момент, когда ребенок обнаруживает «другой объект», является также моментом, когда Я себя обнаруживает как субъекта. Таким образом рождается рефлексивность.

Цель терапевтической работы состоит в трансформации деструктивности в процессе разрушения объекта и его обнаружения, согласно теории Руссийона об объекте «разрушенном-найденном». Последний пункт: ответ терапевта позволил трансформировать атаки ребенка в процессе игры. Терапевт вложил в действие ребенка намерение играть, а не разрушать, это то, что остановило атаки ребенка. В выстраивании Я-субъекта существенную роль играет определение намерений, которые объект вкладывает в действия ребенка.

Мы видим, как появление самосознания связано со встречей с другим, открытие самого себя связано с открытием другого, субъект и «другой субъект» выстраиваются одновременно.

На следующем этапе терапии ребенок активно бросался в объятия терапевта, но, как только он поворачивается спиной к зеркалу, чтобы обнять терапевта, он поспешно возвращался к зеркалу, словно для того, чтобы начать искать потерявшееся отражение. Затем он пытался пойти к терапевту, пятясь назад, чтобы не потерять из виду их отражение в зеркале, что происходит, когда он отворачивается от зеркала. Затем, похоже, он понимает, что их отражение остается у него за спиной, даже если он его и не видит, и тогда он перестает его искать. Он теперь смог изучить отверстия в своем теле и дренажные отверстия в бассейне, и в этот период в девять лет он приучился к горшку.

И, наконец, тактильная оболочка стала постепенно отклеиваться от визуальной оболочки, процесс, который разворачивался в действиях, когда ребенок ходил туда-обратно между терапевтом и зеркалом, прикосновение к терапевту ассоциировалось у него с потерей своего изображения в зеркале, он отказался в итоге прикасаться к терапевту, он интериоризировал ее присутствие, а также тот факт, что их отражение не пропадает в зеркале, когда он поворачивается к нему спиной; пространство заднего плана выстроилось, и появился запрет на прикосновение.

Иными словами, первична работа символизации в присутствии другого, а не в его отсутствие – как мы знаем, символизацию зачастую определяют как «символизация отсутствия». В центре архаичного периода от 0 до 2 лет в меньшей степени находится сепарация, гораздо большее значение имеет встреча с объектом и соединение раздробленных «островков» Я в единое целое. На основании клинического примера мы увидели, как происходит совместное выстраивание сенсорно-двигательного языка между ребенком и терапевтом, которое является необходимым условием для субъективации телесного опыта.

Исследование этого сенсорно-двигательного опыта происходит посредством введения сенсорно-двигательных игр, обозначенных Герра (*Guerra*, 2014) как индикатор межличностных отношений, которые необходимы для процесса субъективации ребенка от 0 до 12 месяцев. Мы ведем в нашем исследовательском центре в Лионе международное исследование, основанное на терапевтических медиациях, действующих в работе типичные детские игры, которые не могли быть сыграны в раннем детстве. Например, игры для развития формального ассоциирования – это прежде всего игры сенсорно-двигательного исследования окружающего мира, игры, в которых соединяются ощущения из различных регистров, а также игры с сенсорно-двигательными формами, которые приводят к появлению первичных форм символизации. Затем идут сенсорные игры с зеркалом (тактильные, зрительные, звуковые), сенсорно-двигательные игры с двойником и, наконец, игры с фантазмами, с репрезентациями и со словами.

В заключение следует сказать, что мы отныне можем дать определение символизации как процессу трансформации опыта, в котором телесное и психическое неразделимо, в различные формы репрезентаций, в которых содержится индекс рефлексивности. Именно этот индекс рефлексивности, который обозначает процесс присваивания субъектом своего опыта, всегда включает в себя аспекты межличностных отношений. Сочетание различных процессов символизации, которые мы здесь рассмотрели, открывают доступ к рефлексивности, я постаралась представить здесь некоторые концепции, но они все не являются исчерпывающими. Основной момент в развитии современных теорий – это развитие исследований эмбриона, с современными концепциями развития можно ознакомиться в недавно вышедшей книге Сильвана Миссонье и Бернара Гольса «Эмбрион/новорожденный глазами психоанализа» (*Golse, Missonnier*, 2021).

И в заключение хотелось бы сказать несколько слов о творческом опыте. Многие современные художники обозначают свое творчество как попытку психического выживания. В таком случае можем ли мы сказать, что создание произведения искусства позволяет творцам попытаться создать конфигурацию своего психического опыта и символизировать архаичный опыт страдания, который не мог быть субъективно присвоен?

Некоторые творческие люди обращают внимание на сенсорно-двигательные основы их творческого процесса, в котором вначале соединяются ощущения, телесный опыт, импульсы движения, мир форм, который стремится родиться, а не быть ограниченным в образах: акт творения укореняется частично в сенсорных галлюцинациях.

Как и аналитическая работа, творческий процесс – это создание себя и присваивание опыта боли и страдания, как для творцов, так и для пациентов, процесс, в котором мы позволяем родиться наконец своему истинному Я, в творчестве или в терапии. Это парадокс: речь идет о том, чтобы сделать так, чтобы появилось то, чего еще не было, оживить еще не ожившие истоки (*Winnicott*, 1975).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Anzieu D.* (1990) *Psychic envelopes*. London: Karnac Books.
2. *Anzieu D.* (1995) *Le Moi-peau*. Paris: Dunod.
3. *Aulagnier P.* (2003) *La violence de l'interprétation*. Paris: PUF.
4. *Bleger J.* (1967) *Simbiosis y ambigüedad*. Estudio psicoanalítico. Bueno Aires: Paidós.
5. *Brun A., Roussillon R.* (2016) *Aux limites de la symbolisation*. Paris: Dunod.
6. *Decety J.* (2005) Une anatomie de l'empathie. *Psychiatr Sci Hum Neurosci* (Vol. 3), pp. 16–24. <https://doi.org/10.1007/BF03006827>
7. *Freud S.* (1985) *The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelmina Fliess (1887–1904)*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
8. *Freud S.* (2004) *Introduction à la psychanalyse*. Paris: Payot.
9. *Freud S.* (2011) *Constructions dans l'analyse*. Paris: PUF.
10. *Freud S.* (2011) *Esquisse d'une psychologie*. Paris: ERES.
11. *Freud S.* (2011) *Le moi et le ça*. Paris: PUF.
12. *Freud S.* (2012) *Pour introduire le narcissisme*. Paris: Payot.
13. *Freud S.* (2013) *Au-delà du principe de plaisir*. Paris: PUF.
14. *Freud S.* (2019) *Métapsychologie: 1915*. Paris: FLAMMARION.
15. *Gergely G.* (1992) *Developmental reconstructions: infancy from the point of view of psychoanalysis and developmental psychology*. *Psychoanalysis & Contemporary Thoughts* (Vol. 15), Madison: International Universities Press.
16. *Golse B.* (1992) *Le développement intellectuel et affectif de l'enfant*. Paris: Masson.
17. *Golse B., Missonnier S.* (2021) *Le fœtus/bébé au regard de la psychanalyse*. Paris: Presses Universitaire de France.
18. *Golse B., Roussillon R.* (2010) *La naissance de l'objet*. Paris: Presses Universitaire de France.
19. *Guerra V.* (2014) Ritmo, mirada, palabra y juego: hilos que danzan en el proceso de simbolización. *Revista uruguaya de Psicoanálisis (en línea)* (Vol. 119), pp. 74–97.
20. *Haag G.* (2005) *Reflections of Psychoterapists Trained As Psychoanalysts Dealing With Subjects with Autism*. *Revue Française de Psychosomatique* (Vol. 27), Paris: PUF.
21. *Leibniz W. W.* (1996) *New Essays on Human Understanding*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. *Milner M.* (1979) Le rôle de l'illusion dans la formation du symbole (1955). *Revue Française de Psychanalyse* (Vol. 5-6), Paris: PUF.
23. *Roussillon R.* (2015) Un processus sans sujet. *Le Carnet PSY 2015/4* (Vol. 189), pp. 31–35. Paris: Cairn International.
24. *Stern D. N.* (1985). *The Interpersonal World of the Infant: A View from Psychoanalysis and Developmental Psychology*. London: Routledge.
25. *Winnicott D. W.* (2016) *Introduction: Primitive Emotional Development*. Oxford: Oxford Academic Book
26. *Winnicott D. W.* (1975) *Jeu et réalité, l'espace potentiel*. Paris: Gallimard.

The emergence of the Self and the process of symbolization

Anne Brun
*(Translation from French and Scientific ed.:
O. V. Chekunkova)*

Anne Brun, psychoanalyst, clinical psychologist, professor of clinical psychology and psychopathology at the University of Lyon (Université Lyon 2), ex-director of the Center for Research in Psychopathology and Clinical Psychology CRPPC (2009–2019), author of numerous works on therapeutic mediation, disorders of the narcissistic and identification spectrum and the problems of archaic.

This article examines modern theoretical psychoanalytic concepts that allow us to take a fresh look at the treatment of "severe cases", including psychotic, autistic and narcissistic identification psychopathologies, which are based on the problems of the archaic; for the treatment of such patients, it is necessary to use new technical tools. In the case of treatment of severe narcissistic psychopathologies, the classical technique is modified, more attention is paid to sensory, affective and motor aspects, that is, to those early experiences that underlie the formation of symbolization processes, or, in case of failure, to the absence or deficit of symbolization. A new theoretical and clinical approach to psychoanalytic psychotherapy of patients with "severe conditions" includes not only a focus on sensory aspects, but also an expansion of the technique towards "therapeutic mediation"; in the case of working in a group, the psychoanalyst plays the role of a "flexible medium" in the transference.

Keywords: archaic period, infantile period, psychosis, autism, symbolization, subjectification, perceptual archaic traces, "narcissistic and identification sufferings".

«История входит в дверь»: значение работ Ф. Давуан и Ж.-М. Годийера для исследования воплощенного опыта и межпоколенческой травмы

*Валери Уолкердайн, Айна Олсволдб
и Моника Рудбергс*

*(Пер. с англ.: К. А. Барке, Н. П. Бусыгина,
С. В. Ярошевская;
Науч. ред.: О. В. Чекункова)*

Валери Уолкердайн – заслуженный профессор-исследователь в Школе социальных наук Кардиффского университета. На протяжении многих лет она занимается исследованиями гендера, класса и субъективности. Ее последняя книга – «Гендер, работа и сообщество после деиндустриализации: Психосоциальный подход к аффекту» (Palgrave Macmillan, совместно с Луисом Хименесом). В настоящее время она является стипендиатом программы Leverhulme Trust Major Research Fellowship «Корни и пути», исследуя передачу информации от поколения к поколению и «развитие». Она также художница, специализирующаяся на инсталляциях и перформансах.

Айна Олсволдб (Норвегия) – доктор философии, старший клинический психолог, прошедшая подготовку в области детской и подростковой психоаналитической психотерапии. В течение многих лет она является преподавателем детской и подростковой психоаналитической психотерапии в Центре психического здоровья детей и подростков Восточной и Южной Норвегии (R.BUP) и в Норвежской ассоциации психоаналитической психотерапии с детьми и подростками (NFPPBU).

Моника Рудбергс – профессор кафедры педагогических исследований Университета Осло, в течение нескольких лет занимается исследованиями молодежи и гендера. Ее последний проект «Гендер во времени – исследование трех поколений женщин и мужчин» (совместно с Харриет Бьеррум Нильсен) отражен в нескольких статьях и книгах, как на норвежском, так и на английском языках.

Работа французских психоаналитиков Франсуазы Давуан и Жана-Макса Годийера направлена на понимание того, как большие исторические травмы, связанные с войной, оживают в потомках, часто через несколько поколений, в опыте, который они не могут понять и который выливается в психоз. Давуан и Годийер разработали уникальный клинический метод, с помощью которого они вместе с пациентом исследуют то, что они называют недостающим «социальным звеном», звеном, разорванным в предыдущем поколении личным или семейным опытом экстремальной ситуации. Их работа, основанная на историческом переосмыслении и расширении подхода Лакана, перекликается с психосоциальными исследованиями в социальных науках и имеет для них большое значение. В этой статье мы показываем, как разработали метод интервьюирования женщин, которые были серийными мигрантками. На примере их историй мы также объясняем, как обращали внимание на сложные проявления в материале воплощенного опыта (embodied experience), связанного с историей рабства, колонизации, бедности и миграции. Наша цель состояла в том, чтобы предложить способ работы с межпоколенческой травмой, который бы не патологизировал, но все же признавал передачу страданий и дистресса, ее сложные пути, повороты и изменения между поколениями. При этом мы стремились обеспечить такой способ работы, который радикально отвергает любой раскол между психическим/личным и социальным/историческим.

Ключевые слова: травма, психоз, история, воплощение, социальные исследования, Давуан и Годийер.

Введение

В своем предисловии к спецвыпуску журнала «Тело и общество», посвященному теме аффекта, Лиза Блэкман и Куз Венн (2010) призывают к разработке новых исследовательских методов, которые позволили бы приблизиться к тому, как тело говорит и коммуницирует. Данная статья принимает этот вызов и предлагает разработать методы, которые будут задействовать невербальные и неосознаваемые измерения опыта для изучения воплощенного знания (embodied knowledge). Блэкман и Венн бросают вызов исследователям тела – предлагая подумать о том, как можно собирать данные, в которых в большей мере будет учтена воплощенная составляющая опыта (data of a more embodied kind). В ответ на этот вызов мы предлагаем собственную адаптацию для социальных исследований работы Франсуазы Давуан и Жана-Макса Годийера, двух парижских психоаналитиков, специализирующихся на психозах. В частности, их интересует, как ужасающий исторический опыт (например, переживание войны или геноцида) усваивается таким образом, что не может быть высказан, но тем не менее передается из поколения в поколение как воплощенный опыт (embodied experience), который невозможно понять, пока его историческое происхождение не будет буквально воплощено в жизнь.

Хотя клиницисты уже давно работают с идеей о том, что травматический опыт может быть пережит, но не осмыслен и передаваться из поколения в поколение без осознания (здесь мы имеем в виду, например, огромный объем работы по изучению последствий холокоста для разных поколений), социальным исследователям сложно найти методы, с помощью которых можно понять такой тип воплощенной передачи опыта (*embodied transfer*). Мы обращаемся к работе Давуан и Годийера, потому что они не только психоаналитики, но и ученые, которые, по сути, понимают работу с пациентами как совместное исследование. В свете этого можно поставить вопрос об адаптации и использовании в социальных исследованиях их метода и клинических результатов для понимания проблемы межпоколенческой передачи.

Мы понимаем, что вопрос о том, как исторические события проявляются в телесном опыте, очень сложен. Поскольку Давуан и Годийер считают неразрывность телесного и исторического центральным элементом своего клинического подхода, мы сочли целесообразным изучить, можно ли разработать исследовательский подход, используя их клиническую теорию и метод в качестве ориентира. Позиция, которую занимают эти клиницисты, как мы постараемся показать, очень интересна. Она заключается в том, что исторические события переживаются и передаются одновременно в больших исторических нарративах и как малые истории, которые воплощаются в отношениях. В силу постлакановской ориентации Давуан и Годийер сосредотачиваются на историзации регистров бессознательного, которые Лакан назвал Реальным, Воображаемым и Символическим. Их подход отличается от основной линии психоаналитической работы с исторической травмой, где ее представляют как то, что передается внутри семьи, а историческое рассматривают как своего рода фон (например, *Faimberg, 2005*). Все это, конечно, дискуссионно, и в плане клинического метода, и потому, что их взгляд на историческое состоит в том, что социальная связь держится на символизации. Именно потеря социальной связи означает, что она должна быть передана и сохранена в теле. Но поскольку рассматриваемые проблемы находятся в центре внимания современных социальных исследователей, мы предлагаем этот подход как вклад в дискуссию и надеемся, что он вызовет отклик.

Наше исследование началось, когда мы в составе исследовательской группы работали над спецпроектом в Институте перспективных исследований Норвежской академии наук. В частности, мы занимались темой межпоколенческой передачи; для этого мы разделились на небольшие группы, в которых рассматривали различные аспекты темы и различные методологические способы подхода к ней, используя уже имеющиеся данные из исследований участников группы. В нашем случае это были данные Энн Феникс из уже опубликованного ею (*Phoenix, 2008*) исследования серийных мигрантов из стран Карибского бассейна в Великобританию. Под серийной миграцией в данном случае понимается ситуация, когда родители маленьких детей мигрировали с Карибских островов в Лондон, а их дети воспитывались другими людьми, часто бабушками и дедушками, и присоединились к родителям позднее. Участниками исследования были

именно дети мигрантов, на момент интервью уже взрослые. Энн Феникс поделилась с нами отдельным случаем, материалом участницы по имени Анджела, интервью с которой Энн назвала трудным и отличающимся от всех остальных. Мать Анджелы эмигрировала в Великобританию, когда девочке было семь лет, а воссоединились они в ее 14. Все эти годы ее воспитывала бабушка по материнской линии. Сегодня Анджела – женщина с хорошим образованием, профессионал, живущая одна со своими взрослыми детьми. Интервью, которые проводила Энн, были нарративными по форме. Мы пытались подходить к работе над текстом интервью и дополнительным материалом (полевыми заметками, аудиозаписями) с разных сторон. Наша группа решила попробовать разработать подход, адаптирующий работу Давуан и Годийера, в основном опираясь на их книгу «История по ту сторону травмы» (2004), но и состояла в прямом контакте с ними самими. Они комментировали то, что мы написали, и поправляли нас, если считали, что мы неверно поняли какие-то их идеи. Хотя Энн Феникс не входила непосредственно в подгруппу, написавшую эту статью, мы постоянно обсуждали с ней свою работу и показывали написанное нами. Разумеется, то, что сделали мы, отличалось от сделанного ею, но в этом и заключалась цель – посмотреть, что другой подход может принести и проявить в данных.

Мы, конечно, прекрасно понимаем важные различия между клинической практикой, которой занимаются такие психоаналитики, как Давуан и Годийер, и психосоциальным исследовательским проектом, таким как проект «Феникс» и наш собственный. Цели в двух этих случаях будут различаться, поскольку клиническое вмешательство ставит целью достижение индивидуальных изменений и облегчения страданий, чего не делает исследовательский проект. Время, затрачиваемое на сбор информации, очевидно, также совершенно разного порядка, а возможности прямой проверки гипотетических интерпретаций в терапевтическом процессе, конечно же, таковы, что это недостижимо в исследовании. Ограничения в нашем конкретном случае еще более очевидны, поскольку наши интерпретации сделаны на материале расшифровки интервью, да еще и проведенного не нами. Хотя такие вторичные психоаналитические интерпретации текстов не редкость и их интратекстуальная валидность может быть обоснована (*Ricouer, 1991; Nielsen, 1995*), они явно иного толка по сравнению с теми, которые рождаются в ходе психоаналитической сессии *in vivo*. Все эти ограничения будут более подробно обсуждаться по ходу текста, как и причины наших (упрямых) попыток их преодолеть. Однако, поскольку Давуан и Годийер, как и мы, – социальные ученые и рассматривают свою клиническую работу как исследование, они приняли наш подход и помогли его реализовать. Давуан и Годийер разработали способ работы с передачей исторической травмы между поколениями и способ размышления об этой передаче, который не отделяет исторический опыт от семейных процессов и предлагает радикальный отказ от разделения социального и индивидуального. Именно этот бескомпромиссный

исторический подход к психосоциальным исследованиям стал главным источником вдохновения для нашей, признаться, спекулятивной попытки применить их метод в анализе случая серийной миграции.

Подход Давуан и Годийера

Чтобы понять разработанный нами подход, необходимо понять некоторые моменты теории и практики Давуан и Годийера. Основа работы Давуан и Годийера – понимание психоза как проявления разрыва того, что они называют социальной связью (*social link*), то есть разрыва в межпоколенческой передаче исторически обусловленных болезненных страданий, обычно связанных с войной. Их подход к исторической передаче исходит из радикальной переработки Лакана (*Racamier*, 1989, 1992). Социальная связь содержится в паттернах человеческих отношений и дает о себе знать во многих неформальных способах общения, рассказах, песнях, мифах, на которые люди опираются, чтобы понять свой опыт и поделиться им. Давуан и Годийер работают над микропроцессами под особым влиянием размышлений Жака Ревеля (1996) о микроистории. Если опыт не может быть передан за пределы социальной группы или через поколение, то связь будет разорвана. Она разрывается потому, что опыт настолько болезненный, что его невозможно передать, и поэтому он погружается в молчание социальной амнезии. Однако мы не можем просто считать, что то, что было разорвано или замолчано, переживается как вытесненное. Человек, переживающий последствия разрыва, может быть на одно или два поколения дальше от переживших опыт и может испытывать то, чего не вытеснял, потому что просто не знает, что именно знает и чувствует его тело. В начале книги «История по ту сторону травмы» авторы цитируют Винникотта (1974), рассказывая о страхе распада. Он утверждает, что страх пациента перед распадом в будущем как будто «уже был», но пациент не присутствовал при его возникновении. Согласно Винникотту, «то, что еще не пережито, тем не менее произошло в прошлом» (р. 105). Пациент должен пережить травму, прежде чем ее можно будет вспомнить. Травма не принадлежит вытесненному бессознательному невроза. Это означает, что ее нельзя просто вспомнить, потому что опыт был телесным, в нем тело зарегистрировало травму, но в тот момент она не могла быть помыслена. Во многих отношениях это центральный момент метода, используемого как в клинике, так и в отношении данных исследования. Что и как передается исследователю/читателю/аналитику? Если что-то известно, но не мыслимо, это может быть передано, но не прямым путем через механизмы мышления и репрезентации. Таким образом, необходимо найти способ осмыслить предлагаемую коммуникацию. Именно этим занимается аналитик в рамках переноса; однако, адаптируя методы, которые использует аналитик для понимания, исследователь тоже может быть чувствительным к формам коммуникации, отличным от тех, с помощью которых обычно интерпретируется речь в рамках социальных исследований. Таким образом, мы утверждаем, что ключевым вопросом является не действие или аффективный

метод, который исключает речь, а признание того, что коммуникация через речь может быть не прямой и говорить нам о чем-то непереработанном, непомысленном, но все же сообщаемом.

Поэтому центральный аргумент касается вопроса о подходе, который не делает акцент на вытеснении, а скорее фокусируется на межпоколенческой передаче посредством воплощенной передачи (*embodied transmission*) невыговариваемого и замалчиваемого опыта. Давуан и Годийер утверждают, что пока то, чего боятся, не пережито в настоящем, оно может передаваться и дальше. Другими словами, страхи, тревоги могут передаваться из поколения в поколение различными способами, при этом следующее поколение не понимает тревоги, которую оно так сильно ощущало в теле и передавало в культуре. Это не вытесненное, хотя люди могут, как предполагает Винникотт, бояться будущего распада – чего-то, что может произойти в будущем и что они пытаются предотвратить, на самом же деле то, что они пытаются предотвратить, уже произошло, «но пациента не было там, чтобы оно могло произойти с ним» (*Winnicott, 1974, p. 105*). Как мы увидим далее, очень важно понять, что для Давуан и Годийера это относится к событию, находящемуся в истории, и цель их работы – перенести эту историю в настоящее, поняв, как она присутствует в здесь-и-сейчас аналитической сессии.

Таким образом, повседневная семейная история («малая история», микроистория, *Revel, 1996*), в которой событие не может быть передано, является частью более широкого исторического опыта («большая история», макроистория), через который оно было прожито. В работе, которой занимаются Давуан и Годийер, это обычно военное время. Таким образом, они отказываются отделять текущее страдание или боль от изначального источника – заключения, депортации, смерти родственников, товарищей и так далее. Боль, однако, может передаваться детям и их потомкам различными способами, которые дети воспринимают и включают в свою жизнь, не понимая, что им передается, и впоследствии передают ее в неузнаваемом виде другому поколению, которое в итоге переживает ее как психоз в случаях, которые рассматривают Давуан и Годийер. Шрамы от первоначальной раны в текущем опыте могут проявляться, скажем, в отце, который страдает резкими перепадами настроения, депрессией, пьянством и которому дети должны уделять внимание; видя боль и дистресс, дети чувствуют тревогу, при этом не понимая смысла того, что происходит. Их тело испытывает последствия передаваемой боли как свой собственный дистресс, и этот дистресс может в дальнейшем передаваться их детям, которые опять же могут не понимать, почему они испытывают такую тревогу. Попытки предотвратить повторение боли могут также переживаться коллективно через то, как группа, семья или сообщество развивают практики и способы совместного существования, которые пытаются удержать членов группы от угрозы уничтожения (*Walkerdine and Jimenez, 2012*). Таким образом, работа аналитика заключается в исследовании вместе с пациентом, в работе над «анамнезом» в здесь-и-сейчас, то есть в совместном поиске того, что может быть передаваемым событием, которое воплощает пациент.

Социальная связь и доверие

Для дальнейшего объяснения их метода нам необходимо обратиться к тому, как они историзируют мысль Лакана, вводя доверие как основу социальной связи. Они утверждают, что лакановское представление о дискурсе и есть социальная связь: «мы говорим вместе», субъект и Другой. Социальная связь строится на доверии и взаимоотношениях более чем двух людей. Мы также можем понять это как указание на центральную роль отношений. Так, Блон (1959) в своей работе об атаке на связи также показывает значимость связи для воплощенной первичной коммуникации, создающей ощущение, что жизнь продолжается. Когда доверие нарушено, связь подверглась атаке, и мы можем ожидать в этом случае отторжения самой связи, которая больше не кажется безопасной. Таким образом, разрыв социальной связи переживается на уровне Реального при передаче из поколения в поколение. Реальное работает в напряженном несовпадении с Воображаемым и Символическим порядком. В понимании Давуан и Годийера Реальное – это опыт за пределами языка, и поэтому он не может быть вытеснен.

Для Давуан и Годийера отсутствие безопасности может проявляться в двух формах социальной связи, которые Лакан охарактеризовал в терминах Воображаемого и Символического. Хотя Воображаемое – место создания и удержания связи, это также пространство, в котором связь и, следовательно, доверие могут быть атакованы конкуренцией, сравнением, соблазнением и играми власти. Это означает, что связь легко нарушить, а вот Символическое, пространство альянса, создает больше возможностей для поддержания связи. В Символическом субъект не заперт в этих парных отношениях, не зависит от того, что думает о себе Другой, но может создавать альянсы или договоры, которые заключаются между более чем двумя людьми. Доверие – это «основа субъекта речи и истории» (*Davoine and Gaudillière, 2004, p. 45*). Таким образом, доверие проявляется не просто в аналитических отношениях, а в масштабных событиях через социальные и культурные договоры и доверительные отношения. Именно то, как малое входит в большое и наоборот, является главным в их подходе к материалу, и именно это мы считаем центральным посылом для социальных исследований.

Нарушенное доверие и связь, которые исследователи обнаруживают в случаях психоза, одновременно являются предательством малых и больших историй – одно, как мы покажем дальше, нельзя отделить от другого. Однако, по их словам, доверие стоит на хрупкой основе, и, как мы увидим на материале, который будем обсуждать в этой статье, это доверие постоянно предается на многих уровнях. В понимании динамики альянса или договора они обращаются к древнегреческой этимологии слова «символ» (*sym/bolon*). Оно отсылает к возможности соединения после разрыва, символизируемой разбиванием керамики и последующим соединением осколков (*Davoine and Gaudillière, 2004, p. 71*). Таким образом, возможность социальной связи, созданной через альянс, – это объединение тех, чья принадлежность была разорвана или разрушена предательством.

Следовательно, симптомы, появляющиеся в аналитической сессии, приводят аналитика к месту недоверия или месту, где доверие было подорвано, месту предательства. Поэтому предательство доверия принципиально для понимания того, как может быть повреждена или разорвана социальная связь, нарушено соглашение. Хотя мы можем воспринимать это как крах доверия в отношениях с Другим, это одновременно является частью социально-исторического процесса, в котором договоры и соглашения также были преданы. Именно на этом пересечении работают Давуан и Годийер, отказываясь отделять одно от другого.

Использование работы Давуан и Годийера как метода исследования

Анализ, который проводят Давуан и Годийер, характеризуется работой в здесь-и-сейчас через перенос с пациентом, чтобы восстановить эту социальную связь. То есть они работают с тем, что представлено, точно так же как исследователь работает с интервью или любым другим материалом исследования. Хотя мы признаем, что вторичный анализ данных интервью, созданных с другой целью, совершенно не похож на клиническую встречу, как мы отмечали выше, мы предполагаем, что между исследовательской встречей и клинической сессией больше сходства, чем может показаться на первый взгляд. Хотя Давуан и Годийер хотят избежать споров о клинической специфике и уникальности переноса (см. *Parker, 2010*), они утверждают, что мы регулярно оказываемся в ситуациях, в которых возникает тот или иной вид переноса. Однако их использование резонанса направлено на создание ситуации, в которой с человеком, потерявшим связи, можно связаться. Технический аспект их подхода к терапии заключается в том, что, создавая связь от материала пациента к своему собственному опыту, они возвращают пациента в социальную связь. Хотя в данном анализе мы не устанавливаем связь с участником, тем не менее мы утверждаем, что использование резонанса очень эффективно для привлечения нашего внимания к отрывку с очень высоким уровнем аффекта. Хотя, конечно, другие люди могли бы выбрать другое событие, вопрос скорее в том, что человек делает с этим событием, как он резонирует с ним, находит с ним коммуникативные и аффективные связи. Таким образом, хотя материал и анализируется, этот анализ не принимает поверхность речи или нарратив за всю коммуникацию. Таким образом, методологически это диалогический процесс, даже если в данном случае мы создаем диалог с неизвестным человеком.

Резонанс и непосредственное (immediacy)

На первой встрече с пациентом, говорят Давуан и Годийер, аналитик оказывается «близко к жуткому». При встрече с травмированными пациентами немедленной реакцией может быть желание отстраниться, чтобы не быть втянутым в страдания. «Это столкновение дестабилизирует нейтральность терапевта и приближает его (*sic.*) к аффектам, которые он

предпочел бы не испытывать. По крайней мере не сразу, когда работа еще не началась и он еще не может сориентироваться в истории – истории пациента, думает он осторожно» (*Davoine and Gaudillière, 2004, p. 122–123*). Встреча с пациентом в «жутком», не охраняемом ни доброжелательным сочувствием, ни теоретическими концептами, представляет собой почти жестокую угрозу. И все же именно в этом угрожающем опыте кроется возможность близости: «Насильственное принятие самой крайней инородности в этот момент тождественно установлению теснейшей близости: близости неизвестного, жуткого, которое не имеет шансов выбраться из своей укрепленной позиции, если только другой не придет его искать» (*Ibid, p. 123*).

Как мы можем встретить участника исследования в жутком? Конечно, мы делаем это постоянно и неизбежно. Обычно мы переживаем сильный внутренний отклик как реакцию на участников, нравится нам это или нет. Поэтому Давуан и Годийер предлагают нам обратить внимание на этот момент, прислушаться к тому, что говорят нам наши тела. Мы очарованы? Испытываем отторжение? На самом деле они описывают процесс, в котором аналитик хочет почувствовать «я не такой, как вы» (в данном случае – не психотик), но именно в этот момент становятся очевидны тесные сближения, которых мы предпочли бы не чувствовать. Именно в них мы можем максимально задействовать телесный разум (*bodymind*) этого другого, в нашем случае участника. Как аналитик пытается сохранить ощущение своего отличия как аналитика (и, следовательно, не пациента), так и в нашей борьбе за то, чтобы быть исследователем, а не участниками, мы можем обнаружить, если потрудимся посмотреть, что нам показывают именно то, что связывает нас с ними.

В отношении текста интервью вопрос, таким образом, заключается в том, какой резонанс, связанный с жизнью читателя, он в нем вызывает. Каким образом можно найти резонанс с историями, которые всегда так или иначе отличаются от наших собственных – найти близость в случаях «крайней инородности»? Задействуйте свои чувства, говорят нам Давуан и Годийер, потому что в аналитическом сеттинге такие чувства не принадлежат только аналитику, будучи «результатом совместной работы» (*2004, p. 58*). На наш взгляд, то же самое относится и к резонансу, вызываемому текстами интервью: он не принадлежит ни читателю (как более или менее личное замешательство), ни тексту в отдельности. Он является результатом связи между историями, которая проливает свет на интервью.

Важность фиксации «непосредственного» (*immediacy*) Давуан и Годийер противопоставляют поиску причин, который обычно имеет место в психоаналитической работе. Они предлагают выйти «за рамки принципа причинности», поскольку травмированный пациент – это также пациент, для которого время больше не «функционирует в привычном направлении»: оно стоит на месте, или, как произносит Шляпник в «Алисе в Стране чудес», выговаривая травму обезглавливающей Королевы, «теперь всегда шесть часов» (*Ibid, 2004, p. 163*). В этом контексте вряд ли имеет смысл говорить о прошлом, пишут они, поскольку «подобная катастрофа, не поддающаяся передаче, не может быть вписана во время»

(2004, p. 126). В безумии Я взрывается – это больше не отдельный человек, а непосредственное, здесь-и-сейчас, ищущее свидетеля, – и через этого свидетеля оно попытается установить новую социальную связь взамен оборвавшейся. Как аналитик вы должны эмоционально и телесно резонировать с этим непосредственным, дать знак (частичку себя), чтобы «запустить время» снова (2004, p. 164).

Опять же, текст интервью – не пациент. Тем не менее это также здесь-и-сейчас, которое, хотя часто имеет повествовательную (и хронологическую) форму, не говорит нам напрямую о том, как происходит то, что рассказывается. Читая интервью, мы находимся посреди чего-то – и именно с этого «посреди» мы должны начать наш поиск лучшего понимания происходящего. Этот подход отличается от нарративного прочтения, поскольку его целью является не понимание истории или ее структуры, а поиск аффективных моментов, которые можно рассматривать как точки доступа к пониманию (возможного) разрыва социальной связи. Участник может стремиться представить понятную историю своей жизни и таким образом создать ощущение «целостного Я». Тем не менее такое стремление к связности само по себе будет иметь пробелы и умолчания – разрывы, которые привлекут внимание интервьюера или читателя. Именно благодаря резонансу в читателе такие пробелы можно увидеть/услышать. И хотя читатель не присутствует рядом с респондентом, резонанс, который текст вызывает в читателе, этот аффективный контакт открывает.

Событие

Одна из ключевых задач, которую необходимо решить при разработке метода на базе работы Давуан и Годийера, – это понимание использования ими концепта «событие». Этот термин в последнее время стал широко известен в англосаксонском мире благодаря интересу к работам двух французских философов: Делеза (1990) и Бадью (2006). Давуан и Годийер используют этот термин иначе, чем Делез и Бадью, и нам не следует смешивать или путать эти различные употребления. Они используют его для понимания того, что происходит во время клинической сессии. Они отталкиваются от ощущения странности повествования, в котором есть сочетания, погружающие слушателя/читателя в чувство, что что-то соединено странным образом, что-то не стыкуется или выглядит бессмыслицей. Давуан и Годийер формулируют это следующим образом: пациент приносит событие, и то, к чему нужно прислушаться, – это детали, которые кажутся неуместными, которые коробят, что заставляет аналитика рассматривать их как возможное место разрыва, ключ к другим смыслам, которые еще не могут быть выговорены, потому что они являются частью «немыслимо известного» (*Bollas, 1987*), то есть тело знает их, но они пока слишком болезненны, чтобы дать им воплотиться в жизнь. Событие – это то, что приносит пациент, то, чем он является, он приходит с этой историей в поисках Другого. Слушатель и есть этот Другой,

и событие резонирует с ним. Резонанс события с собственным опытом терапевта – то, что дает пациенту ощущение, что его услышали. Это чувство «я понимаю, что вы хотите сказать» создает социальную связь.

Таким образом, цель клинической работы – вместе с пациентом понять эти связи и их травмирующее воздействие на пациента¹. Для Давуан и Годийера событие – это место истории. Это точка, в которую, безусловно, вмещивается Реальное, но это Реальное, Воображаемое, Символическое – историческое событие, которое прикрепляется к субъекту через процессы межпоколенческой передачи, через то, что называют малыми историями, то есть это микроопыты повседневности, переживаемые телесно, аффективно, бессознательно. Таким образом, событие приводит нас к тому, что выделяется – к тому, что не вписывается, переживается как аффект. Поэтому, когда детали в рассказе яркие, они приводят слушателя/читателя в точку повышенного сенсорного осознания того, что произошло нечто значительное. Какое чувство это создает у читателя? Какой резонанс это вызывает в нем? Именно здесь мы вступаем на территорию события. Событие изменчиво и динамично, оно создается в процессе рассказа и его восприятия слушателем, и поэтому нам нужно обратить пристальное внимание на воздействие рассказа на слушателя, чтобы получить подсказку о том, что в нем сообщается, хотя еще не может быть высказано.

Этот разрыв бытия – страдание, слишком сильное, чтобы его вынести или понять. Это место травмы и передачи исторического опыта. Задача аналитика – работать с пациентом, чтобы вместе исследовать то, что уже известно, но пока не может быть помыслено. Задача же исследователя – прочесть материал таким образом, чтобы понять содержащуюся в нем аффективную коммуникацию, чтобы мы могли увидеть попытку передать разрыв бытия, происходящий из истории, которая не была создана участником. Это еще не удалось сделать осознаваемым. Подчеркивая изменчивые, динамичные, аффективные и бессознательные аспекты события в психоаналитическом прочтении, можно сказать, что разрыв – это не просто рациональный пробел в знании, отделенный от бытия, но угроза самому бытию. Таким образом, знание не отделено от исторической ответственности и опыта субъекта.

В следующем разделе мы разберем отрывки из интервью с Анджелой, чтобы показать, как мы выбрали один фрагмент в качестве события, почему мы выбрали именно его, а затем – как мы продолжили анализировать разрыв. Далее мы обсудим наши соображения о материале с точки зрения соотношения микро- и макроисторий и возможного разрыва социальной связи.

¹ Мы можем также заметить, что Блон (1961) характеризует событие сходным образом, отмечая, что это место «катастрофы», или катастрофического разрыва бытия.

Анджела – резонанс и событие

В интервью Анджела рассказала о несчастливом детстве на Ямайке с бедной бабушкой-инвалидом. Мать не присылала денег из Великобритании; отец, никогда не живший с матерью, тоже не обеспечивал девочку. Ее воссоединение с матерью в Великобритании также было описано как тяжелое. Когда она приехала, мать снова была замужем и родила еще троих детей; отчим Анджелы ничего о ней не знал. Когда Анджеле было 16, мать уехала работать няней в США, и Анджела должна была заботиться об остальных детях.

Эта история рассказывалась в быстром темпе без заминок и пауз более пяти часов. Согласно полевым заметкам, интервьюер чувствовала, что ее бомбардируют и что она не контролирует ситуацию. Интервьюер также чувствовала, будто не имеет значения, есть она там или нет. Можно сказать, что Анджела бомбардирует Энн своим рассказом, потому что ищет Другого, социальную связь, желает быть услышанной; однако эта потребность настолько сильна, что Анджела пока не может ее сформулировать, и это затапливает Энн, которая чувствует перегрузку и отторжение. Таким образом, есть попытка установления связи и ее отталкивание. Можно сказать, что именно это чувство является ключом. Что же это такое, что требует быть услышанным, но его так трудно услышать, что слушатель не в состоянии установить связь? Дело в той истории, которую она рассказывает, или здесь замешана другая, более сложная история? Для Давуан и Годийера эта более сложная история – та, которая связывает ее повседневный опыт и историю (малую, или микроисторию) с более масштабными историческими событиями, такими как рабство, колонизация, бедность и миграция.

Резонанс

Пятичасовое интервью Анджелы, быстрый темп, чувство бомбардировки у Энн, наши собственные ощущения перегруженности, измотанности и даже отсутствие эмпатии к Анджеле у некоторых из нас сами по себе являются полезными данными. В терминах Давуан и Годийера все это – сообщения того или иного рода, попытки установить связь, которые вызывают определенные реакции у слушателя/читателя, как показывает работа Биона (1959) «Атаки на связь». Мы можем использовать эти реакции, чтобы попытаться понять, что именно сообщается, а не только или не столько произносимые слова.

Как уже упоминалось, нарратив Анджелы – история, полная предательства и подрыва доверия в ближайшем семейном кругу. И мы задаемся вопросом: служит ли манера рассказа Анджелы, быстрый темп без колебаний и пауз, еще одним способом передать опыт подрыва доверия в малой и большой истории? Когда Анджела все говорит и говорит, пытается ли она удержать Другого? Испытывает ли она тревогу, что как только она остановится, Другой покинет ее? Интересно, что исследовательница чувствовала, что Анджеле безразлично, есть она тут или нет. Можем

ли мы понимать говорение как способ «держаться» и «сдерживать» себя? Согласно Дж. Симингтон (1985), постоянные разговоры могут быть связаны с примитивной защитой (второй кожей) постоянных движений². Не можем ли мы считать рассказ сам по себе формой второй кожи? Является ли рассказ ее способом создания непрерывной неизменной психической кожи без каких-либо дыр или щелей, через которые могло бы просочиться Я (*Symington, 1985, p. 483*)? В тексте интервью есть места, которые подтверждают эту интерпретацию, и Анджела действительно использует термин «держаться»: «Я не помню, чтобы меня держали». И когда мы связываем малую историю отношений с большой историей серийной миграции, как это делает сама Анджела в интервью, мы можем сказать, что своим отношением во время интервью Анджела повторяет ситуацию, в которой она не получала эмоциональной поддержки и в которой ей приходилось все делать самой. В интервью Анджела говорит, что задавалась вопросом: не потому ли родители не заботились о ней, что она им не нравилась?

Резонанс – это реляционный концепт, который позволяет аналитику установить связь с пациентом и таким образом работать совместно. На наш взгляд, он также актуален для проведения социальных исследований, поскольку позволяет нам подходить к чтению активно и аффективно.

Согласно Давуан (2007), резонанс можно рассматривать как загадочного двойника в Другом. Поясним это на примере. Одна из нас, имеющая клиническую подготовку, сказала следующее о разнице между анализом отношений переноса/контрпереноса и работой с резонансом:

«Когда я делала это [анализ переноса/контрпереноса], я чувствовала контроль и власть. Я была интерпретатором, и у меня был этот мощный инструмент, инструмент чувств. При переходе от анализа переноса/контрпереноса к поиску точек резонанса, связанных с собственной жизнью исследователя, произошло нечто новое, что открыло возможности анализа. Когда я смотрела на расшифровку, держа в уме концепцию резонанса, больше всего проявлялось не отсутствие эмпатии, а совсем наоборот, чувство общности. И если говорить о связях – социальных связях, связях между малой и большой историей, связях между поколениями, то работа над резонансом действительно создала новую связь, связь между исследователем и текстом. Это, возможно, касается и отношений власти между исследователями и респондентами с некоторыми выводами об исследовательской этике. Мы больше не были нейтральными исследователями или терапевтами, "диагностирующими" отношения, но субъектами с собственной историей и повседневными проблемами, как и респонденты. И, к нашему удивлению, мы почувствовали, что во многом можем установить связь с Анжелой. Хотя наши истории не совпадали, мы разделяли схожие переживания и чувства».

² «Вторая кожа» – термин, предложенный Эстер Бик для понимания развития психической кожи, сдерживающей тревоги так же, как физическая кожа сдерживает тело (см. *Walkerdine, 2010*).

от других историй своими позитивными и чувственными описаниями³. Вернувшись на Ямайку и сидя на заднем сиденье машины отца, она, кажется, чувствовала себя как в раю, с манго повсюду. «Манго, о, это было чудесно». Но это событие поразило нас не только своей чувственностью и яркостью и не только тем, что она внезапно рассказала о положительном опыте. Было удивительно услышать, что именно отец встретил ее в аэропорту и что после стольких лет она остановилась в его доме. Из того, что она рассказывала о своем отце, мы представляли, что они не общаются. По нашему общему впечатлению, отец был никчемным – безответственным, безразличным и эгоистичным – и уж точно не человеком, который взял бы на себя труд встретить дочь, которой он так пренебрегал. Анджела так и не рассказывает, почему ее отец приехал встречать ее в аэропорт – она упоминает об этом небрежно, как будто только из практических соображений. Однако интересен способ, которым Анджела представляет своего отца, поскольку она фактически откладывает это: «Я расскажу вам об отце через минуту». И вместо этого продолжает и рассказывает интервьюеру об этом эпизоде с ее отцом. Это не та история, которую она рассказала бы, если бы ее спросили об отце (возможно, именно поэтому она говорит, что расскажет интервьюеру о своем отце через минуту). Это воплощенная история, наполненная чувственными описаниями – классная машина, езда по дороге, ведра манго.

Однако ее положительные чувства сохраняются недолго. Уже в следующем абзаце, когда Анджела размышляет о том, почему она остановилась у своего отца, в доме с коврами и душем с горячей водой, а не в доме своей бабушки, доме, полном бедности, где она выросла, ее разум наполняется негативными эмоциями. Это напоминает ей о бабушке, о бедности и о том, что ее отец не помогал им деньгами. Хороший отец, появившийся на мгновение, потерял, отец – подлый человек, который думает только о себе.

«Вы знаете, мой отец, он такой подлый человек – я не буду выражаться. Он всегда заботился только о себе».

Однако затем позитивные чувства возвращаются: в следующем абзаце Анджела рассказывает, как ей нравится, что у него хороший дом с двумя

³ Мы приводим пример того, как одна из нас резонировала с тем событием, которое мы выбрали. Это позволяет увидеть, что резонанс позволяет нам соединиться с тем, что говорится, с точки зрения нашего собственного опыта. При этом он позволяет нам приблизиться к некоторым, возможно, присутствующим бессознательным и аффективным отношениям с точки зрения субъекта, а не объекта, как в контрпереносе. «То, что Анджела рассказала о своем отце, вызвало во мне резонанс. Как мы увидим, в нашем выбранном событии у Анджелы были чувственные воспоминания о том, как она находилась в машине своего отца. Как и у Анджелы, мой отец не жил с нами, но когда он приезжал, то брал меня покататься на своей шикарной машине. Он всегда был в хорошем настроении, подшучивал надо мной и включал Тома Джонса на своем кассетнике. Мне казалось, что в жизни появлялись краски».

душевыми и что у отца хорошая работа в нефтяной компании. Таким образом, мы действительно посреди теплых чувств, пока в четвертом абзаце не оказываемся снова в машине вместе с Анджелой:

«...мы поехали в главный город, и, э, он типа выезжал обратно, и там была группа парней, молодых людей, стоящих на обочине, и он подозревал этого парня. Я сидела сзади, ела, набивала живот манго, знаете, и он сказал, он просто повернулся вот так и сказал: «Познакомься со своим братом»».

В рассказе Анджелы ее отец, похоже, игнорирует эмоциональное воздействие, которое окажет на нее такая новость, рассматривая появление брата как рядовое событие, но для Анджелы это было шоком.

Тогда же Анджела узнает, что они родились почти в одно и то же время от разных матерей, что подразумевает, что между ее родителями не было большой любви – вероятно, это была связь на одну ночь «за велосипедным сараем», как она лаконично описывает это. И все же то, как Анджела говорит о своем брате – как о хорошем парне, и вероятность того, что братьев и сестер еще больше, вызывает ассоциации с ее собственной восхитительной метафорой – «живот, полный манго». Несмотря на амбивалентность, мысль о братьях и сестрах не только обескураживает. Анджела считает, что приятно представлять себя давно потерянной сестрой. Анджела, кажется, на самом деле гордится своим отцом и его завоеваниями – признавая его желанным гетеросексуальным мужчиной.

«Но Р (отец) был весьма – он интересный, то есть он был очень эгоистичным человеком, он всегда был холостяком, в общем-то, потому что он любит женщин, а женщины любят его».

И все же в последнем абзаце ее отец снова становится мерзавцем. Сексуальная привлекательность сменяется размышлениями о последствиях такого рода мужественности и таких форм гетеросексуальных отношений, которые в истории Анджелы становятся новым предательством доверия.

«Эм, ни с одной из матерей его детей у него не было глубоких и значимых отношений в плане, знаете, принятия ответственности и выполнения отцовской роли, ни с одним из нас, ни со мной, ни с Ф-, ни с В-, э, ни с А-, который умер совсем молодым. И никто из нас, у нас четыре разные матери, и ни одна из наших матерей, вы знаете, не получила от него ничего подобного, и он не дал этого своим детям. Мне очень грустно, потому что (плачет) вы знаете, это почти как будто (плачет) вы совсем ничего не стоите. Он жил примерно как отсюда (Блумсбери) до Вест-Энда. Он жил не более чем в 5 минутах, 10 минутах езды, у него всегда была машина. Он работал представителем нефтяной компании, так что у него была хорошая работа (фыркает). И ему нужно было заботиться только о себе, и он заботился о себе, скотина. Эм, и у него всегда

была новая машина, ну, у него была хорошая машина, надо сказать, красивая, блестящая и все такое, хорошо, но он не заботился обо мне. Он знал, что я живу с бабушкой, а она не могла работать, потому что была прикована к постели, у нее не было денег и все такое, и он просто ничего (плачет), простите, это больно, потому что...»

Мы утверждаем и далее продемонстрируем, что отношения Анджелы с отцом ощущаются как разрыв доверия на многих уровнях. Согласно Давуан и Годийеру, «достаточно хорошее материнство» подразумевает достаточно хорошее «Имя отца». Они пишут, что «отцовская функция концентрирует в себе как воображаемые, так и реальные отношения, всегда более или менее не соответствующие символическим отношениям, которые, по сути, ее и составляют» (2004, р. 71). Если мы правильно их понимаем, то о предательстве отца Анджелы можно сказать, что оно происходит как на воображаемом, так и на символическом уровне. Его не было рядом, он не заботился о ней, не обеспечивал. Например, бабушка Анджелы однажды отправила ее к отцу просить денег. Анджела показывает интервьюеру себя маленькой девочкой, которая несколько часов сидит на ступеньках его дома одна, с сухой коркой хлеба, и ждет, что он придет и даст им денег. Есть также история о том, как ее бабушка обратилась в суд, чтобы заставить отца выплачивать алименты. Но он не признал отцовства; это подрыв доверия на символическом уровне, потому что он отказался заключить союз или договор с бабушкой и тем самым признать Анджелу своим ребенком. «Отец» приравнивается к голоду, покинутости, когда нечего есть, кроме засохшего хлеба. И тем не менее здесь одновременно задействованы манго и желание.

Понимание связей с другими событиями и большими историями

Парадоксальные/амбивалентные отношения с отцом можно связать с ее отношениями с мужчинами во взрослом возрасте, где вновь появляются похожие вопросы о мужчинах, заботе о ней и ее семье, беременности и детях. Было бы легко предположить, что патологические отношения повторяются, но это означало бы упустить принципиально важный момент истории, который мы покажем далее. Можно возразить, что наше настаивание на исторической взаимосвязи истории Анджелы и ее отца затушевывает важный феминистский тезис об угнетении женщин отцами. Мы ни на секунду не хотим сказать, что это не угнетение. Вовсе нет. Мы также не говорим, что у Анджелы какие-то проблемы или она в чем-то виновата. Любое из этих прочтений означает непонимание главного аргумента о том, как история передается из поколения в поколение и бессознательно входит в повседневные практики и отношения. Таким образом, мы считаем необходимым поместить гендерные и семейные отношения в историю, как предлагают Давуан и Годийер, а также не навязывать прочтение, которое не учитывает ее культурное происхождение и специфику. Эти истории настигают всех участников драмы, хотя, очевидно, с разными

последствиями. Подрывы доверия, которые переживает Анджела, – и микро- и макроисторические, то есть они одновременно содержатся в ее малых историях, о которых она рассказывает, и в больших историях, на которые указываем мы.

Колебания Анджелы между положительными и отрицательными чувствами к отцу в событии «в отцовской машине» (ризоматически) связаны с другими эпизодами в тексте – эпизодами, которые все включают в себя брошенность и подрыв доверия, не в последнюю очередь в ее отношениях с другими мужчинами – мужчинами, которых она любила, но которые покинули ее и никогда не были рядом, когда она нуждалась в них больше всего. В каждом случае есть история влюбленности в мужчин, которые так или иначе не были доступны или преданны, но были очень привлекательны. Это выглядит как часть паттерна, который также присутствует в практиках рабства, как мы покажем далее.

В первом случае Анджела встречает механика, к которому сразу же испытывает влечение и даже называет его любовью всей своей жизни, но ясно, что он спит со всеми подряд:

«..ты знаешь, оглядываясь назад, черт, я не ценю себя, когда дело касается мужчин, я не ценю, просто не ценю, потому что Джон, мы не жили вместе, у нас не было этого, мы не были партнерами, я всегда была в квартире, а он появлялся раз в неделю, когда ему хотелось, но я любила его, и тогда я решила, ладно, у меня будет ребенок, и я перестала принимать противозачаточные и сразу же забеременела, и вот появился Дэйв, и я подумала, что могу иметь что-то от него, что полностью мое и не запятнано всеми этими женщинами, с которыми он трахался по всему Лондону, конечно, он был женат недолго до этого, это было просто катастрофой, ладно, так что у меня родился Дэйв, и да, у меня родился Дэйв, сама пришла в больницу, когда начались роды, потому что Джон ушел на вечеринку, и потом пришлось (?) самой возвращаться, знаете, так что опять, и я подумала, оглядываясь назад, что то, что я пыталась сделать, если честно, – это разорвать цикл, вы понимаете, о чем я, но я только еще хуже зацикливалась, я только подпитывала цикл, который надо было разорвать, потому что я связывалась не с теми людьми, и тогда я подумала, хорошо, у меня будет только один ребенок».

Более того, мы можем услышать отголоски как ее истории с отцом-холостяком, его отказа материально поддерживать ее и ее бабушку, так и ее желания, чтобы отец поддержал ее, в другой рассказанной истории о том, как она обратилась к своему отчиму – «папе», когда у нее не было денег, чтобы прокормить ребенка.

«Я помню, как мне пришлось выйти в час ночи в телефонную будку позвонить, чтобы плакать папе, что Джон не побеспокоился, а у меня нет ни молока, ни подгузников. Папа был очень милым. Было ужасно, что приходилось говорить ему об этом, потому что мне было так стыдно, и знаете, у меня Тим в коляске Макларен, завернутый в свою пижамку и все

такое, (?) под дождем и все такое, и я подумала, боже, это как повторение того, как я, знаете, должна была разыскивать отца, чтобы найти деньги, а потом, э, я не знаю, он был совершенно шокирован, когда я сказала ему, чтобы он проваливал».

Затем она встретила другого мужчину, который казался «достаточно зрелым...». «В итоге он стал отцом двух моих детей. И это снова было очередным кошмаром». Это продолжалось недолго, потому что этот мужчина не был верен ей, завел интрижку и ушел. Это глубоко шокировало ее, и она попыталась покончить с собой. После этого она больше никогда не жила с мужчиной. С одной стороны, это история значительной отваги и, конечно, угнетения, но вместо того, чтобы рассказать простую историю сексизма или историю патологического или плохого родительства, или и того, и другого, мы хотим понять, как именно сложность и запутанность истории, большой истории, в данном случае рабства, являются тем, что в некоторой степени невольно разыгрывается здесь.

Однако паттерн не повторяется полностью: она поступила в университет, получила профессию и смогла содержать своих детей. Тем не менее есть важные межпоколенческие сходства, например, в том, как разделяются сексуальное влечение и дети. Сексуальная привлекательность является обязательным условием, а тот факт, что у привлекательного мужчины есть другие женщины или он не вовлекается в отношения, кажется само собой разумеющимся. Это очень тесно связано с тем, что она говорит о своем отце и о карибских мужчинах в целом. То есть ее отец – привлекательный для женщин мужчина, он никогда не женился и вступал в многочисленные отношения. В ее глазах это делает отца привлекательным. Как и ее мать и бабушка, она воспитывает своих детей одна. Таким образом, повторяются паттерны, связанные с сексуальностью и воспитанием детей. Аналогичным образом, необходимость того, чтобы женщины воспитывали детей в одиночку и становились достаточно сильными для этого, похоже, перекликается с жизнью ее бабушки. Далее мы хотим показать, каким образом эта история, ее связь с ее отцом, позволяет нам увидеть, как История входит в комнату.

Хрупкость доверия в случае Анджелы невозможно понять вне социальной истории, замешанной в это событие. То, как Анджела узнала о своем «неизвестном» брате от отца, – один из примеров повседневной истории отношений, которая переплетается с культурной практикой и большой историей. Этот подрыв доверия на самом деле зависит от гораздо более глубокого подрыва доверия – по сути, нарушенного договора, который помещает отца и, следовательно, Анджелу в большую историю, которую нам необходимо понять. В следующем разделе мы рассмотрим сначала аспекты истории рабства, связанные с карибской маскулинностью, а затем – то, как Давуан и Годийер включают большую историю в свою клиническую практику. Здесь важно понять, что Давуан и Годийер считают, что проблемы не исчезают, а воплощаются, и тот факт, что мы можем не знать, что произошло одно или два поколения назад, не означает, что эти события не имеют последствий. Их подход к большой истории –

это не простой детерминистский подход, а нюансированное прочтение, в котором конкретные исторические события и опыт могут быть настолько травмирующими, что они переносятся способами, которые невозможно определить, через тела потомков, особенно если они не могли быть сообщены в то время. В нашем случае главный вопрос – как практики, происходящие из времен рабства, передаются, запутываются и включаются в аффективные отношения и паттерны желаний.

Большая история

Культурная практика, в которой родилась Анджела, – это миграция, в основном из-за бедности, а также, конечно, в надежде на лучшую жизнь для себя и своей семьи. В случае Анджелы мы знаем, что ее мать мигрировала по экономическим причинам, когда Анджеле было примерно пять-семь лет (точный возраст не известен) и она осталась с больной бабушкой и двоюродным братом. Таким образом, ее мать была частью великого бума миграции в 1960-х годах, миграции, которая началась в конце 1940-х годов. Мигранты столкнулись с проявлениями расизма и предательством доверия: родина-мать не хотела их и в конце концов закрыла свою границу, полностью отказавшись от своих «иждивенцев», точно так же, как мать Анджелы отказалась заботиться об Анджеле. Миграция прямо и остро указывает на разрыв самой социальной связи, существовавшей со времен рабства.

Рабство было не просто этапом в истории Карибского бассейна; оно было главной причиной пребывания там большинства людей в XVIII и XIX веках и определило почти каждый элемент культуры региона. Благодаря управлению по принципу «разделяй и властвуй» этнические группы и языки были уничтожены, и язык хозяина должен был стать нашим, так же как и имя хозяина. Не только имена, но и женские тела принадлежали хозяевам. «Двойные браки», когда рабовладельцы имели белую жену в Англии и чернокожую «экономку» в колониях, были хорошо известны (*Green, 2007*). «Англия – для брака, Ямайка – для секса», как выразилась Кэтрин Холл (2002, p. 72).

Мнение о рабской семье обычно сводится к тому, что она была неорганизованной и хаотичной, не в последнюю очередь из-за того, что рабовладельцы были резко против крепких связей между рабами. Следствием этого были как свободные связи между мужчинами и женщинами, так и семейная «матрифокальность» (поскольку рабство передавалось по материнской линии). Женщины были единственным постоянным элементом семьи рабов, а нуклеарные семьи были невозможны в контексте самого рабства. Однако историки утверждают, что альтернативные системы родства были созданы на основе вырванного из своей среды и таким образом преобразованного африканского наследия. Хотя семейную систему невозможно понять в отрыве от травмы рабства, она также является «позитивным приспособлением» (*Green, 2007*), социальной связью, которая включает «творческий синкретизм» (*Craton, 1979*) перед лицом таких страданий. Это можно понимать как попытку переделать социальную связь

через развитие альтернативных общинных и семейных практик. Хотя, конечно, мы должны остерегаться патологизации таких практик, если мы серьезно относимся к позиции Давуан и Годийера, мы все же можем сказать, что они могут быть основаны на травматическом опыте и истории рабства, которые содержатся в них, и передаваться дальше.

Хотя понятие «матрифокальности» в карибских семьях представляется релевантным, не стоит, как подчеркивает Грин (2007), отождествлять его с «матриархатом». Это важно, и не в последнюю очередь в связи с событием, выбранным из интервью Анджелы. Это поднимает вопрос о конструировании карибской маскулинности как в результате рабства, так и в современных условиях. Если белая маскулинность во времена рабства ассоциировалась с властью, достатком, славой и удовольствием, то черная маскулинность «отрицалась и низводилась до чуждости» (Parry, 1996, p. 6). В стремлении к контролю над черными мужчинами белые работодатели использовали две ключевые стратегии: отрицание патриархальных прав и сексуальное присвоение черных женщин – насильственное и преднамеренное лишение черных мужчин власти, домашней или любой другой. Рабы, как правило, инфантилизировались и феминизировались.

По мнению исследователей, эта история связана с тем значением, которое карибские мужчины придают контролю над женщинами и «мужественности», проявляющейся в сексуальной удали и измеряемой серийностью и многочисленностью связей, а также количеством потомства (см., например, Parry, 1996; Linden, 2007). Таким образом, превращение в мужчину прочно ассоциируется с биологическим отцовством, что рассматривается как «неоспоримое доказательство того, что мальчик совершил переход к мужественности» (Linden, 2007, p. 6). Хотя связи между таким типом маскулинности и рабством убедительно документированы, эти отношения, очевидно, также представляют собой комплекс. Таким образом, некоторые из этих характеристик карибской маскулинности мы очень четко узнаем в отце Анджелы. Нет ничего постыдного в том, чтобы представить ей «неизвестного» брата, это может лишь доказать плодовитость и желанность отца – и так же это видит сама Анджела. Часто (справедливо) подчеркиваются проблемы, которые такие мужчины представляют для женщин и семьи. Однако в жизни Анджелы есть и «хорошие» мужчины. А поскольку история не является детерминистской силой, а проживается и воплощается по-разному, в других карибских семьях наблюдается иная картина.

Это подчеркивается в исследовании Трейси Рейнольд (2009), посвященном карибским отцовским ролям Великобритании. Она отмечает, что нормативное отцовство фактически изменилось во всех социальных группах и что отцы-нерезиденты едва ли являются «отклонением» в современных западных обществах. Более того, несмотря на то что «нерезидентный отец» имеет давние традиции в карибской культуре, многие отцы на самом деле не «отсутствуют», а скорее «вращаются вокруг», следуя особым моделям отношений. Существуют «гостевой союз» и «дружеские отношения», когда отец (а иногда и отчим) поддерживает контакт

с матерью и детьми, хотя и не живет с ними (ср. *Brunod and Cook-Darzens, 2002*). Как и Давуан и Годийер, Рейнольдс подчеркивает, что «сети доверия, ценностей и взаимности имеют большое значение для того, чтобы семейные и общественные отношения работали и поддерживали связи, которые скрепляют общество» (*Reynolds, 2009, p. 20*). В жизни Анджелы, вероятно, было трудно построить такого рода «доверие», поскольку семейные сети функционировали по-другому.

По мнению Рейнольдс, как нюансирование, так и культурная рамка карибского отца важны во избежание патологизации их практик. Хотя мы серьезно относимся к этому предостережению против патологизации, мы также видим, что то, как отец Анджелы обращается с ней, причиняет страдания и боль. Знание исторического контекста его мужского поведения само по себе не поможет Анджеле справиться с этим страданием⁴; однако, как мы покажем в следующем разделе, история, которую Анджела носила в своем теле, была заглушена, и если ее удастся осмыслить, она может стать местом доверия, которое выведет ее из диады. Вопрос в том, что происходит до тех пор, пока она не может установить эту историческую связь? И как эта связь может быть установлена в ее теле, а не интеллектуально? Будет ли травматический опыт рабства – здесь проявляющийся в особой версии маскулинности – так и передаваться из поколения в поколение, проживаться как лишённые контекста и потому недоступные для понимания психические раны? Эту ситуацию обсуждает Флетчман Смит (2000, 2011). На основе исторического анализа рабства и многочисленных клинических примеров с людьми из Карибского бассейна, живущими в Великобритании, она подчеркивает центральное значение ран, причиненных на протяжении поколений практикой рабства, для роли мужчин, о которой говорилось выше. Хотя она использует другую психоаналитическую рамку для понимания материала своего случая, ее анализ уверенно подтверждает интерпретацию, приведенную здесь: пытаясь понять современные практики и боль, мы должны обратиться к практикам рабства и тому, как с ними справлялись психологически, как они передавалась сложными путями из поколения в поколение без всякого упоминания рабства, но оказывали свое коварное влияние на мужчин и женщин, отцов, матерей и бабушек, сыновей и дочерей.

История входит в дверь

Мы выступаем за такой подход к социальным исследованиям, который в состоянии понять неразрывность психического и социального. Наша презентация большой истории придает смысл мелким историческим деталям, которые Анджела рассказывает в интервью, и показывает нам, как такой материал передается из поколения в поколение через своих невольных участников. В своей клинической работе Давуан и Годийер

⁴ В более поздней беседе с исследовательницей мы узнали, что Анджела не знала о рабстве, пока не оказалась в Великобритании.

устанавливают эту связь, сочетая исследование с пациентом и аналитические отношения, чтобы что-то можно было понять вместе. В нашем анализе расшифровки интервью этот путь недоступен. Мы можем провести связь между ее отцом и другими аспектами рассказанной ею истории, но на этом психоаналитические и другие психосоциальные подходы часто останавливаются. Связь с историческими процессами очень важна, потому что она создает модус объяснения, который не пытается свести сложные исторические силы и процессы к семье. Этот подход хорошо объясняется в клинической статье Давуан (2007), когда она описывает анализ, в котором пациентка, которой в детстве говорили, что ее мать была депортирована за участие в Сопротивлении, после проигрывания в переносе осознала, что историческая правда заключалась в том, что ее мать была отправлена в Освенцим. Давуан описывает следующий процесс: однажды пациентка входит в консультационную комнату и принимает облик старой еврейской женщины, пришедшей обвинить аналитика как квази-Менгеле в том, что она проводила над ней эксперименты. Давуан узнает в этой старухе мать пациентки, вернувшуюся из Освенцима. В этом сценарии аналитик чувствует, что она «стала» Гитлером, Менгеле, который пытал и ставил опыты над ней/ее матерью и заставил ее/ее мать испытать страдания, которые никогда не должны были быть испытаны. Используя теорию двойника, взятую из работы Арто (1958), Давуан утверждает, что некий аспект ее самой становится двойником, который резонирует с историей пациентки. Давуан это позволяет стать ближе к пациентке, а историческая правда разыгрывается здесь и сейчас во взаимодействии двух режимов. Следовательно, личная/историческая травма должна была быть пережита в переносе, прежде чем ее можно было вспомнить (ср. *Winnicott*, 1974). Или, как говорил Арто, иногда сценарий должен быть исполнен, прежде чем текст станет известен.

Рабство – это не то же самое, что война, но это то, что происходило в определенном месте и в определенный исторический период. Это содержало в себе огромный разрыв доверия, в понимании Давуан и Годийера, а окончательная отмена рабства приняла формы различных договоров. Как потомки рабства несут в своем теле невысказанное и, возможно, невыразимое знание о нем? Как оно передается в повседневных практиках гендера и сексуальности даже в момент его забвения, его ощущения как чего-то принадлежащего прошлому, которого больше нет с нами? Если наш анализ о чем-то говорит, то о том, что прошлое находится в настоящем и не может быть проработано до тех пор, пока вновь не будет создана социальная связь и не будет перезапущено время. В клинических условиях появление большой истории не форсируется, и рассказ пациентки об исчезновении ее матери – уже ощущаемый в переносе – может быть подтвержден проверкой исторических записей. В нашем прочтении Анджелы мы не имеем доступа ни к подобной клинической практике, ни к историческим свидетельствам. Каким образом мы можем тогда понять роль большой истории?

Что направляет аналитика или исследователя по определенному историческому пути? Для Давуан, как мы увидели в случае с женщиной,

чья мать была депортирована, это было ее прочтение того, что разыгрывалось в переносе. Для нас, исследователей, что-то в истории Анджелы указывало на то, что нам необходимо понять производство маскулинности в условиях рабства. Действительно, однажды после оживленной дискуссии, где обсуждалось место отца, одна из нас почувствовала необходимость узнать больше, убежденная, что найдет ответы в истории рабства. Нам нужно работать над такими догадками, думать, какие подсказки нам подбрасывают, даже если в тот момент это кажется хватанием за соломинку. На самом деле чтение о рабстве стало для нас откровением. Оно более чем подтвердило наши первоначальные догадки о сложных отношениях между Анджелой и ее отцом и их месте в большой истории. Однако, как мы уже видели, Анджела говорит, что не знала о рабстве до приезда в Великобританию. Поэтому давайте попробуем понять, каким образом мы можем сказать, что для Анджелы история входит в дверь.

Как мы уже говорили, знание большой истории само по себе ничего не лечит. Чем важна история, так это тем, что она дает возможность выйти за рамки двухмерного мышления, в котором представлены сложные и разрушительные отношения между отцом и дочерью. История входит в комнату, потому что можно утверждать, что тело Анджелы «знает» эту историю через воплощение малых историй, о которых она рассказывает. Что заставляет исследовательскую группу браться за изучение литературы о рабстве? Может ли это быть актом удвоения, подобным тому, о котором рассказывала Давуан? Как Давуан могла увидеть в своей комнате старую еврейскую женщину, пришедшую обвинить ее, так и мы, исследователи, могли увидеть историю, которую ни мы, ни Анджела не понимали до конца. Но она была там – она явилась нам через ее действия, ее чувства, ее малые истории. По мнению Давуан, возможность символизировать событие позволяет мышлению стать трехмерным, вывести его с рискованной арены разрывов в двухмерных отношениях – к трехмерному пространству договора. Аналитик и пациентка формируют альянс с историей – историей, которая охватывает пациентку, и теперь ее знание может быть помыслено. Давуан и Годийер излагают свою позицию следующим образом:

В культурном релятивизме различалось бы то, что нормально здесь, и то, что кажется невыносимым там. Было бы проведено хронологическое различие между войнами в прошлые времена и тем, что происходит сегодня. Мы же сделали противоположный выбор. Мы не можем, конечно, поддержать лживое представление о внеисторической и универсальной психической реальности. Постоянные изменения масштаба и временные парадоксы, с которыми мы сталкиваемся в приводимых нами примерах, подразумевают именно то, что они расположены с максимальной точностью в истории, пространстве и времени. Но мы подчеркнули критические моменты переноса, когда точность этих ссылок размывается и становится неуместной... Субъект и объект перепутаны: здесь и там, внутри и снаружи. Прошлое становится настоящим, мертвые возвращаются. Это голос ребенка, который говорит на сеансе устами взрослого, которым он стал, от имени целого общества, которому грозит исчезновение.

Убийства на далеких африканских берегах переходят в резню, которая произошла в горах, где родился аналитик, в то же время или годами ранее.

Наша работа вызывает к жизни зоны небытия, стертые мощным ударом, который действительно имел место. Однако, независимо от мер, выбранных для стирания фактов и людей из памяти, стирание, даже если оно идеально запрограммировано, только приводит в движение память, которая не забывает и стремится быть написанной заново... Следовательно, нам не нужно выбирать между мелкой деталью и глобальным фактом. Иногда приступ безумия говорит нам больше, чем все новостные сводки об оставленных фактах, которые не имеют права на существование (2004, с. 27).

В нашем случае карибская история рабства с ее последствиями для бедности, семейной жизни и маскулинности не просто служит фоном для такого анализа, а конкретно вплетена в событие, а значит, и в настоящее. Так, что касается отношений Анджелы с отцом, другими мужчинами, братьями и сестрами, детьми, мы можем начать понимать, как малые, или микроистории, рассказанные ею, появляются благодаря резонансу в исследовательской встрече. Мы считаем, что такая работа абсолютно необходима, если мы хотим разработать нюансированный и исторически чувствительный подход к психосоциальным исследованиям. Исследователь не находится в том же положении, что и психоаналитик, но что он может, так это сделать шаг в направлении иного способа понимания феноменов, и это само по себе потенциально меняет ландшафт, в данном случае предоставляя нам способ понять центральное значение истории и исторического опыта в создании субъективности.

Мы понимаем, что связь между малой и большой историей не может быть доказана в рамках данного материала, как она могла бы быть разработана в клинических условиях. Однако нашей целью было изучить методологию социального исследования, в котором потенциально как минимум невозможно отделить семейные отношения от истории, в которой они существуют и имеют смысл и в которой эта история не просто служит фоном для отдельно взятых семейных отношений. Если в нашем подходе что-то и есть, то травма, пережитая Анджелой, связана в настоящем с историей, которая произошла за несколько поколений до этого, когда говорить о ней и прорабатывать ее было невозможно. В лучшем случае это приходилось терпеть.

В таких обстоятельствах люди делают, что могут, из того, что есть. Но это не означает, что тело не помнит на каком-то уровне то, что не может быть произнесено. То, что передается, передается через тела и, как мы попытались продемонстрировать, через аффекты, стремления, желания, воспитание детей, гендерные и сексуальные практики, модусы и фантазии о маскулинности и фемининности. Таким образом, то, что передается, оседает в культурных практиках. Это можно понимать как дальнейшее развитие и выход за рамки таких понятий, как «постпамять» Марианны Хирш (*Hirsch*, 2012). Конечно, мы не видим, как Анджела обсуждает рабство в этом интервью. Наши доказательства принимают форму отношений между практиками и чувствами, о которых она говорит, и тем,

что известно о практиках, навязанных в условиях рабства, между малой и большой историей. Однако, как было показано многими авторами (например, *Fletchman Smith*, *op. cit.*), клиническая связь, безусловно, существует. Разумеется, в разработанном нами методе много спорных моментов, но мы предлагаем его ради исследования важных и сложных вопросов, в надежде, что он вызовет дискуссию. Мы предполагаем, что этот метод способен указать один из путей, которым социальные исследователи могут работать с хаосом, в который ужасные истории погружают не только тех, кто их переживает, но и тех, кто следует за ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Artaud A.* (1958) *The Theater and Its Double*. New York: Grove Press.
2. *Badiou A.* (1999) *Deleuze: The Clamor of Being*. Minneapolis: Minnesota University Press.
3. *Badiou A.* (2006) *Being and Event*. Translated by O. Feltham. London: Continuum.
4. *Blackman L. and Venn C.* (2010) *Affect. Body and Society* 16(1): 7–28.
5. *Bion W.* (1959) *Attacks on linking*. *International Journal of Psychoanalysis* 40(1959): 308–315.
6. *Bion W.R.* (1961) *Experiences in Groups*. London: Tavistock Publications.
7. *Bion W.* (1967) *Second Thoughts*. *Selected Papers on Psycho-analysis*. London: Maresfield.
8. *Bion W.* (1970) *Attention and Interpretation*. London: Tavistock Publications.
9. *Bollas C.* (1987) *The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known*. London: Free Association Books.
10. *Brunod R. and Cook-Darzens S.* (2002) *Men's role and fatherhood in French Caribbean families: A multi-systemic 'resource' approach*. *Clinical Child Psychology and Psychiatry* 7(4): 559–569.
11. *Craton M.* (1979) *Changing patterns of slave families in the British West Indies*. *Journal of Interdisciplinary History* 10(1): 1–35.
12. *Davoine F.* (2007) *The character of madness in the talking cure*. *Psychoanalytic Dialogues* 17(5): 627–638.
13. *Davoine F. and Gaudillière J.-M.* (2004) *History Beyond Trauma*. New York: Other Press.
14. *Deleuze G.* (1990) *The Logic of Sense*. New York: Columbia University Press.
15. *Faimberg H.* (2005) *The Telescoping of Generations: Listening To The Narcissistic Links Between Generations*. London: Psychology Press.
16. *Fletchman Smith B.* (2000) *Mental Slavery*. London: Rebus.
17. *Fletchman Smith B.* (2011) *Transcending the Legacies of Slavery*. London: Karnac.
18. *Green C.A.* (2007) *'A civil inconvenience'? The vexed question of slave marriage in the British West Indies*. *Law and History Review* 25(1): 1–60.
19. *Hall C.* (2002) *Civilising Subjects: Metropole and Colony in the English Imagination. 1830–1867*. Chicago: Chicago University Press.

20. *Hirsh M.* (2012) *The Generation of Post-memory: Visual Culture after the Holocaust.* New York: Columbia University Press.
21. *Kerlake C.* (2009) Deleuze and the meanings of immanence. Paper for 'After 68', Jan van Eyck Academy, Maastricht, 16 June.
22. *Kohler Riessman C.* (1993) *Narrative Analysis.* New York: Sage.
23. *Linden L.* (2007) *Man talk, masculinity, and a changing social environment.* Caribbean Review of Gender Studies 1: 1–20.
24. *Nielsen H.B.* (1995) Seductive texts with serious intentions. *Educational Reader* 24(1): 4–12.
25. *Parker I.* (2010) The place of transference in psychosocial research. *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology* 30(1): 17–31.
26. *Parry O.* (1996) In one ear and out the other: Unmasking Masculinities in the Caribbean classroom. *Sociological Research Online* 1(2): www.socresonline.org.uk.
27. *Phoenix A.* (2008) *Transforming Transnational Biographical Memories: Adult Accounts of 'Non-normative' Serial Migrant Childhoods in Ethnicity, Belonging and Biography: An Ethnographical and Biographical Perspective.* London: LIT Verlag.
28. *Racamier P.-C.* (1989) *Antoedipe et ses destins.* Paris: Apsygée.
29. *Racamier P.-C.* (1992) *Le Génie des origines: Psychanalyse et psychoses.* Paris: Payot.
30. *Revel J.* (1996) Microanalysis and the construction of the social. In: J. Revel, R. Nadaff and L. Hun (eds.) *Histories. French Constructions of the Past.* New York: New Press, pp. 492–502.
31. *Reynolds T.* (2009) Exploring the absent/present dilemma: Black fathers, family relationships, and social capital in Britain. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 624(1): 12–28.
32. *Ricoeur P.* (1991) What is a text? In: M.J. Valdes (ed.) *A Ricoeur Reader. Reflections and Imaginations.* New York: Harvester/Weatsheaf, pp. 45–64.
33. *Salmon T.* (1917) *The Care and Treatment of Mental Diseases and War Neuroses (Shell Shock) in the British Army.* New York: War Work Committee of the National Committee for Mental Hygiene.
34. *Segal H.* (1978) *The Work of Hanna Segal: Delusion and Artistic Creativity and Other Psychoanalytic Essays.* London: Free Association Books.
35. *Symington J.* (1985) The survival function of primitive omnipotence. *International Journal of Psycho-Analysis* 66: 481–487.
36. *Walkerdine V.* (2010) Communal beingness and affect: An exploration of trauma in an ex-industrial community. *Body Society* 16(1): 91–116.
37. *Walkerdine V. and Jimenez L.* (2012) *Gender, Work and Community after De-industrialisation: A Psychosocial Approach to Affect.* London: Palgrave Macmillan.
38. *Winnicott D.W.* (1974) Fear of breakdown. *International Review of Psychoanalysis* 1: 103–107.

Researching Embodiment and Intergenerational Trauma using the work of Davoine and Gaudilliere: History walked in the door

*Valerie Walkerdine, Aina Olsvold and Monica Rudberg
(Translation from eng.: K. A. Barke,
N. P. Busygina, S. V. Yaroshevskaya
Scientific ed.: O. V. Chekunkova)*

Valerie Walkerdine is Distinguished Research Professor in the School of Social Sciences, Cardiff University. She has undertaken research on gender, class and subjectivity for many years. Her latest book is "Gender, work and community after de-industrialisation: A psychosocial approach to affect", Palgrave Macmillan (with Luis Jimenez). She currently holds a Leverhulme Trust Major Research Fellowship, "Roots and Routes", exploring intergenerational transmission and "development". She is also an artist, specializing in installation and performance.

Aina Olsvold (Norway), PhD, is a senior clinical psychologist trained in child and adolescent psychoanalytic psychotherapy. She has been a teacher in child and adolescent psychoanalytic psychotherapy at The Centre for Child and Adolescent Mental Health, Eastern and Southern Norway (R.BUP) for many years and at The Norwegian Association for Psychoanalytic Psychotherapy with Children and Adolescents (NFPPBU).

Monica Rudberg, Professor at Department of Educational Studies, University of Oslo and has for several years been involved in both youth and gender studies. Her latest project: Gender in time – A three generational study of women and men (with Harriet Bjerrum Nielsen) has resulted in several articles and books, both in Norwegian and English.

The work of French psychoanalysts Françoise Davoine and Jean-Max Gaudillière centres on the understanding of the ways in which large historical traumas associated with war are brought to life by descendants, often generations later, who carry an experience that they cannot understand and that erupts as psychosis. They have devised a unique clinical method in which, together with the patient, they research what they term as the missing "social link", a link broken within an earlier generation by a personal or family experience of an extreme situation. Their work, which draws upon a historical reframing and broadening of Lacan, is deeply resonant with implications for psychosocial enquiry within the social sciences. In this article, we show how we developed a method for engaging with interviews with women who were serial migrants. In paying attention to their story, we show how we attended to the complex manifestations in the material of the embodied experiences associated with a history of slavery, colonization, poverty and migration. Our aim was to develop a mode of working, which did not pathologize but still recognized the transmission of suffering and distress in complex ways and its twists and turns across generations. In doing this, we sought to provide a way of working that radically rejected any split between a psychic/personal and social/historical realm.

Keywords: trauma, psychosis, history, embodiment, social research, Davoine and Gaudillière.

ИНТЕРВЬЮ С ПСИХОАНАЛИТИКОМ

Интервью с Давидом Розенфельдом¹ *Темы в психоанализе. Журнал Испанского психоаналитического общества*

*(Пер. с испанского: А. Р. Ахметовой
и К. А. Лемешко)²*

Давид Розенфельд – психиатр и психоаналитик, получил образование в Буэнос-Айресе (Аргентина) и в последующем жил и работал в Париже, Лондоне и различных городах США. Он является обучающим аналитиком Психоаналитической ассоциации Буэнос-Айреса (APdeBA), был вице-президентом МПА (IPA) и получил множество международных премий за свои работы.

В ходе своей профессиональной карьеры доктор Розенфельд интересовался теоретическими и клиническими исследованиями, а также психоаналитическим лечением психотических нарушений и других тяжелых психических расстройств. В 1992 году он опубликовал книгу «Психотическое. Аспекты личности» («Lo Psicótico. Aspectos de la Personalidad»).

ТвП: Доктор Розенфельд, мы знаем о вашей длительной профессиональной карьере, но хотелось бы узнать о тех людях, которые сопровождали ваш путь. Не могли бы вы привести некоторые биографические подробности?

Давид Розенфельд: Я родился в Буэнос-Айресе, в районе иммигрантов, выходцев из Генуи и с юга Италии, которые говорили в основном на итальянском, но также и на старом диалекте немецкого, на котором говорили мои дедушка и бабушка.

Затем я учился в начальной школе, которая находилась в маленькой деревушке в высокогорье Анд. Там я многому научился у индейцев мапуче,

¹ Темы в психоанализе. Журнал Испанского психоаналитического общества. 2018. 15 января. URL: <http://www.temasdepsicoanalisis.org/2018/01/28/entrevista-a-david-rosenfeld/>

² Перевод выполнен с разрешения Д. Розенфельда, который также любезно предоставил фото.

Фото 1. Давид Розенфельд с дочерью на мероприятии в его честь

например целебным словам и местным магическим обрядам. Я собственными глазами видел, как коза ухаживает за ребенком. Его мать, индианка мапуче, была недоступна в течение всего дня, и, когда малыш плакал, в дом через дверь входила коза, вставляла вымя в рот ребенку. Когда он успокаивался, коза уходила в лачугу, построенную из камней. Только представьте, что подобная сцена пробуждает в психике такого ребенка, как я, который приехал из города. Я также заинтересовался историей и археологией, собирая наконечники стрел в доисторических пещерах, кости динозавров, а также окаменелых моллюсков. Думаю, что это повлияло на мое последующее изучение археологии человеческой психики.

Я был первым мальчиком в семье иммигрантов, бежавших от голода и преследования в Польше. Семья отца происходила

из Нидерландов и приехала в Польшу, чтобы торговать какао. Родители и их родители были артистами и хорошо знали, как двигаться вперед, несмотря на жизненные невзгоды. В Польшу вторглись русские войска, и моего деда сослали в Сибирь, где он продолжал жить с улыбкой. В возрасте 16 лет отец самостоятельно перебрался в Аргентину. Я родился в окружении родителей, дедушек с бабушками, а также двух дядей, которые были очень любящими, но жили в очень простом доме. Надлом, связанный с сепарацией от бабушек и дедушек, а также дядей, может быть источником моего понимания того, что чувствуют маленькие дети, когда страдают в результате личных маленьких сепараций.

ТвП: Вы выучились и начали работать в Буэнос-Айресе. Затем поехали в Париж, а затем в США. Не могли бы вы рассказать о мотивах: с чем связаны эти переезды?

Давид Розенфельд: В Буэнос-Айресе я выучился на психиатра и затем работал в психиатрической больнице. Там я научился всему тому, чего никогда не следует делать. Там я открыл для себя все ужасы неговорения

Фото 2. Симона Бовуар и Жан-Поль Сартр

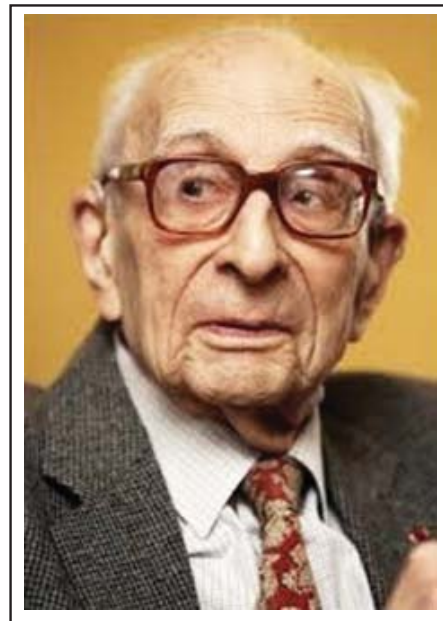

Фото 3. Клод Леви-Стросс

с пациентом, а также столь жуткие методы лечения, как инсулиновая и электросудорожная терапия.

Но я также научился не пугаться тяжелых психиатрических симптомов. И сугубо психиатрические исследования позже компенсировались семинарами по динамической психиатрии и психологии, проводимыми учителем [Энрике] Пичон-Ривьере, который заставлял нас включать в терапию семью. В то же время я начал личное психоаналитическое лечение на зарплату врача.

Поездка на учебу в Париж изменила мою жизнь. Мне посчастливилось найти великих мастеров психоанализа во Франции, которые приняли меня с распростертыми объятиями. Даниэль Лагаш, Серж Лебовиси, Рене Дяткин, Жан Лапланш и Жан-Бертран Понталис поддержали мое стремление изучать философию, которое началось еще в Буэнос-Айресе. И в итоге практически сбылась моя мечта – посещать занятия Жан-Поля Сартра, на которых присутствовала также Симона Бовуар. Затем я ходил на занятия к Клоду Леви-Строссу, оспаривавшему теории Сартра. Думаю, что это была золотая эра в Париже. Кроме того, Париж стал особой историей для меня, так как моя бабушка всегда рассказывала о сестре, которая там живет.

Затем я проводил психоаналитические семинары в Буэнос-Айресе, но каждый год ездил в Лондон, где в итоге мне посчастливилось супервизироваться и участвовать в семинарах великих клиницистов, работавших с тяжелыми пациентами, в том числе страдавшими психотическими расстройствами. Вся группа, связанная с Мелани Кляйн, горячо встретила меня и мою супругу. В течение 15 лет я проводил один месяц в Лондоне, в течение которого супервизировался.

В Лондоне я учился с Эстер Бик, создательницей метода наблюдения за младенцем и матерью. Это был новый курс, который очень сильно изменил

Фото 4. Эстер Бик

мою жизнь и психоаналитическое мышление. Затем я отправился учиться в Соединенные Штаты, где я некоторое время жил в Нью-Йорке и познакомился с рядом великих клиницистов, но они излагали свой клинический и теоретический материал на различных языках. Я находился в одном окружении с Отто Кернбергом, Гарольдом Сирлзом и Брайсом Бойером – мастерами клинической теории и лечения шизофренических психозов и пограничных расстройств. Я также имел удовольствие разговаривать каждую неделю с Маргарет Малер. Все они научили меня думать, что психотический эпизод может быть временным.

ТвП: Как, по вашему мнению, развитие вашей профессиональной жизни в разных странах повлияло на ваш опыт и психоаналитическое мышление?

Давид Розенфельд: Я обнаружил, что в Буэнос-Айресе, как и в Париже, Лондоне и Соединенных Штатах, есть превосходные клиницисты-психоаналитики, но они определяют один и тот же клинический факт разными словами или на другом теоретическом языке. Еще совсем молодым я обнаружил, что они спорят на съездах из-за различных слов, но говорят об одном и том же. Это помогло мне не стать фанатиком и обнаружить, что обозначение клинических фактов словами иногда бывает непостижимым.

ТвП: У вас долгая клиническая и профессиональная карьера. Читая ваши публикации, я могу сделать вывод о влиянии кляйнианской теории объектных отношений, а также о развитии ваших собственных представлений, основанных на собственном клиническом опыте. Что бы вы могли сказать относительно интеграции теории и клинического опыта?

Давид Розенфельд: Я стараюсь использовать лучшее из каждой теории, потому что не существует теории, которая могла бы объяснить всех пациентов. Я научился не быть фанатиком, но быть с пациентом, а не с книгой. Тот, кто лечит пациента и интерпретирует с помощью книги, не может быть аналитиком в эмоциональном контакте с пациентом. Но, отвечая на вопрос, могу сказать, что смесь стран, теорий и учителей была

Фото 5.
Отто Кернберг

Фото 6.
Гарольд Сирлз

Фото 7.
Брайс Бойер

Фото 8.
Маргарет Малер

отличным коктейльным шейкером в моей голове. И мне потребовалось много лет, чтобы очень медленно привести все в порядок.

Что я добавил от себя лично, так это мое любопытство и здравый смысл, которым не учат ни по книгам, ни на психоаналитических семинарах. Любознательность и здравый смысл исходят из моего детства и моей семьи, а также из способности контейнировать пациента с тяжелыми расстройствами, что во многом связано с тем, как обо мне заботились и контейнировали меня в раннем детстве.

Я пытался создать модели, которые бы объясняли поведение пациентов, которых я лечил. Эпистемологическая модель создается, чтобы попытаться объяснить тип пациента, и на эпистемологическом уровне ее можно трансформировать в теорию. Я всегда начинаю с клинического опыта, чтобы создать модель и теорию. Эта модель придумана и создана мной лично.

ТвП: Развитие психоаналитических исследований показывает, что определенные группы пациентов с шизофренией и другими патологиями с психотическим переносом и психотическими механизмами (пограничное расстройство личности, нарциссические расстройства, перверсии, зависимости, импульсивные расстройства, антисоциальные расстройства) могут получить пользу от психоаналитической психотерапии. Кроме того, за последние десятилетия накопились данные о том, что сочетание психосоциальных вмешательств с биологическими методами лечения имеет решающее значение для улучшения прогноза и течения шизофрении. Каково, по вашему мнению, место психоаналитической психотерапии в лечении психотических расстройств?

Давид Розенфельд: Все психотические эпизоды в принципе я считаю временными. Я стараюсь не приукрашивать пациента и диагноз,

не называя его хроническим шизофреником с первого интервью. Я думаю, что бывают психотические эпизоды в период полового созревания, юности, взрослой жизни, и во всех моих книгах можно найти многочисленные и подробные сеансы с пациентами, излеченными от психотических эпизодов, возникших в юности. Всем больным следует начинать психоаналитическую психотерапию одновременно с приемом лекарств, которые помогают пациенту слушать врача. Подобные размышления о психотических эпизодах на моей кафедре психиатрии в Университете Буэнос-Айреса вызвали бурную реакцию против моего учения со стороны психиатров, укоренившихся в средневековье, особенно когда я учил, что развитие ребенка от 0 до 5 лет является возможностью для профилактики психозов.

ТвП: А каковы, на ваш взгляд, психопатологические критерии и другие факторы, такие как время начала патологического процесса, психосоциальные факторы и семейные критерии и т. д., чтобы определить анализельность больного с психотическим расстройством?

Давид Розенфельд: Во-первых, следует думать, что каждый пациент поддается анализу и излечению, а не быть попугаем, который повторяет книги, написанные людьми, которые никогда не имели реального опыта психоаналитического психотерапевта с пациентами с психотическими эпизодами. Мы должны думать, что каждый пациент может измениться в процессе лечения, нет ничего ригидного, все нестабильно и изменчиво.

Каждый психотический эпизод может быть временным, и необходимо сочетать индивидуальную психотерапию и семейную терапию, а также направлять пациента в психосоциальное учреждение, если необходима госпитализация. Именно так я описываю лечение психотических пациентов, наркотической зависимости и детских психозов во всех своих книгах. Я всегда руководствовался такой позицией своих учителей, что с психотиками перенос возможен, возможно работать, улучшать и лечить аутичного ребенка, что мне удалось продемонстрировать в моей книге «Создание Я и языка» («*The Creation of the Self and Language*»). – ТвП). В фильме, который записан на DVD-диск и включен в эту книгу, показан ребенок, которого шесть больниц признали безнадежным, у которого я смог воссоздать структуру языка, его психику и продемонстрировать, что теперь он обычный ребенок, посещающий начальную школу. Если бы я не снимал на видео сеанс лечения за сеансом, публика никогда бы не поверила, что детский аутизм можно вылечить. Я всегда помню фразу Фрейда, когда он говорит, что даже в состоянии хронического галлюциноза, как это называлось до введения термина «шизофрения», «в каком-то уголке психики скрывается здоровый человек».

ТвП: Что вы можете сказать нам о рамке, необходимой для того, чтобы психоаналитическое лечение стало возможным?

Давид Розенфельд: Рамки не существует, рамка создается годами, это то, что делается в начале лечения с пациентом, это договор. И контракт не имеет ничего общего с эмоциональным переживанием в психике пациента, когда он чувствует, что у него есть установленные день и час, чтобы быть со своим терапевтом. Проходит много месяцев, пока пациент не почувствует в своем внутреннем мире, что у него есть этот день и время для него. Что касается рамки, которую я использую, то это 50 минут, выдерживаемых в одно и то же время и в один и тот же день, даже со стационарными пациентами, как, например, в случае с пациентом-наркоманом, о котором я писал в книге «*Душа, разум и психоаналитик*» («*The Soul, the Mind and the Psychoanalyst*». – **ТвП**), изданной «Карнак Букс» (Karnac Books). Пациент с тяжелым расстройством редко соглашается лечь на кушетку.

Рамка – это диалектическое творение между пациентом и терапевтом. Как учил нас философ Жан-Поль Сартр со словом «свобода». «Свобода» – это слово, которое создается диалектически с течением времени.

ТвП: Не могли бы вы рассказать нашим читателям о вашем вкладе в концепцию психотического переноса?

Давид Розенфельд: Мы называем перенос психотическим, когда трансферентные переживания, возникающие у пациентов во время сеансов, интенсивны и примитивны. Это всегда интенсивная регрессия и, прежде всего, абсолютная убежденность в психотической концепции интенсивного или агрессивного отношения к психоаналитику. Вот почему некоторые также называют это бредовым переносом. Концепция психотического переноса – это модель, которую мы используем, чтобы обнаружить в отношениях с аналитиком интенсивное, примитивное, недифференцированное переживание, состоящее из частичных объектов. Мои учителя и супервизоры в Лондоне учили меня, что в любом анализе в какой-то момент возникает момент бредового или психотического переноса. Я также опирался на Фрейда, который говорит, что даже в самых тяжелых случаях, которые видят психиатры, не исключен перенос, иногда он настолько силен, что некоторое время не используется. При психотических депрессиях, легкой паранойе и шизофрении мы получили неожиданные результаты анализа. Важно вернуться назад, изучить и перечитать одну из последних работ Фрейда «*Конечный и бесконечный анализ*», чтобы ответить на ваш вопрос. Вы можете прочитать ее в монографиях Международной психоаналитической ассоциации («*IPA's Monograph Series*». – **Прим. пер.**). Монография № 1: «*Анализ конечный и бесконечный*». Она содержит корректные правки редактора перевода с немецкого языка и комментарии пяти психоаналитиков. Этот том был подарен всем психоаналитическим ассоциациям.

ТвП: В своих работах вы подтверждаете важность понимания и контрпереноса для придания значения и

интерпретации психотических симптомов. Можете ли вы рассказать нам больше об этом?

Давид Розенфельд: Контрперенос – это будущее исследований пациентов с тяжелыми расстройствами и пациентов с психотическими эпизодами. Пациент заставляет нас испытывать очень сильные эмоции, которые восходят к тому времени в жизни пациента, когда не было слов, чтобы выразить эти эмоции. Эмоции, которые психоаналитик переживает во время сеанса, называются контрпереносом, но то, что вы чувствуете, нужно записать и принести на супервизию, никогда не выливайте это на пациента. Мы должны сдерживать контрпереносы и сильные эмоции, которые заставляют нас испытывать наши пациенты. Иногда мы получаем контрперенос через механизмы, о которых очень мало знаем, такие как семантическая структура языка, синтаксис, использование императивных глаголов, стилистика языка, музыка, голос или плач, запахи или неприятные запахи, с которыми к нам приходит пациент. И тишина тоже. Отсутствия коммуникации не существует. Поэтому важно довести все это до супервизии или до личного анализа терапевта. Важно отметить, что нам посчастливилось получить в Буэнос-Айресе первую в мире книгу, посвященную контрпереносу. Она была написана Генрихом Ракером и оказала большое влияние на всю аргентинскую школу в области контрпереноса.

ТвП: И какие, на ваш взгляд, условия внутреннего и внешнего кадра необходимы для контейнирования явлений переноса и контрпереноса, которые могут быть такими трудными?

Давид Розенфельд: Психоаналитик должен уметь контейнировать явления переноса и контрпереноса. Прочность рамок лечения помогает пациенту ощутить силу и твердость терапевта. Как говорит поэт, «путник, нет проторенных дорог, дорогу осилит идущий».

ТвП: Учитывая, что эти пациенты нуждаются в мультидисциплинарной программе лечения и институционализации во многих моментах процесса, каковы, по вашему мнению, необходимые условия для междисциплинарной интеграции и институциональной динамики, которые делают возможными психоаналитическое понимание и терапию?

Давид Розенфельд: В случае госпитализации в психиатрический стационар необходимы согласование с лечащим врачом, отвечающим за медикаментозную терапию семейным психотерапевтом, а также психоаналитическая работа в психиатрическом отделении. Персонал и администрация отделения дают мне знать, что происходит с пациентом, когда меня нет с ним. Достижение понимания психической динамики – задача психоаналитика с помощью команды. Важно относиться к семье как к группе, в которой возникло психическое заболевание пациента.

Фото 9. Генрих Ракер

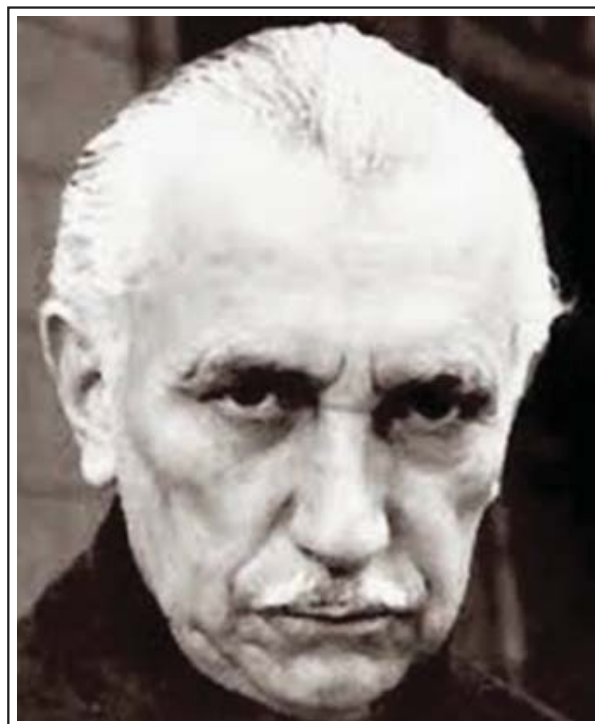

Фото 10. Энрике Пичон-Ривьере

ТвП: Не могли бы вы рассказать нам, как и когда можно установить терапевтический альянс со здоровым или невротическим аспектом психотического пациента?

Давид Розенфельд: Терапевтический альянс достигается годами, и необходимо, чтобы психотерапевт был способен долгие годы выдерживать ужасы и ненависть, что позволит пациенту получать что-то от психоаналитика. Спокойствие психоаналитика важно, так же как и теплый тон голоса, использование слов, лингвистика и особенно отсутствие интерпретирующей машины. Повторяю, нужно быть не машиной, которая интерпретирует, а скорее аналитиком, который вопрошает, а вопрошание включает в себя понимание психики пациента.

ТвП: Следуя этой технике, как вы понимаете использование интерпретации – содержание, стиль, момент – в работе с психотическим пациентом? Кроме того, что вы можете сказать нам о понимании и управлении негативными терапевтическими реакциями при работе с ними?

Давид Розенфельд: У каждого пациента в какой-то момент возникает негативная реакция насилия по отношению к терапевту, и терапевт должен быть к этому готов. Я не думаю, что негативная терапевтическая реакция объясняется теорией зависти. Иногда это плохие интерпретации психоаналитика. А иногда насилие – это способ показать на сеансе, как пациент подвергался жестокому обращению в детстве.

Техническое решение этой проблемы состоит в том, чтобы записать то, что вы чувствуете, и принести на супервизию или в личный анализ. Этим ответом я хочу сказать, что нельзя ответить на этот вопрос в какой-либо общей форме.

ТвП: Не могли бы вы объяснить свою теорию «защитной аутистической инкапсуляции» и клинические ситуации, из которых она вытекает? Чем этот вид аутистической инкапсуляции отличается от других типов аутизма?

Давид Розенфельд: В инкапсуляции сохраняются примитивные аффекты и идентификации, которые позже обнаруживаются хорошо сохранившимися во взрослом возрасте. Для объяснения я предлагаю модель диалектического взаимодействия двух систем: одна стремится инкапсулировать (то есть не диссоциирует, а сохраняет) и защитить себя. А с другой стороны, она (несмотря ни на что) утрачивает ценные идентификации из-за ужаса. От одного полюса к другому эти два механизма развивают внутреннюю драму.

В инкапсуляции сохраняются примитивные идентификации, аффективные связи и язык младенчества, который позже, во взрослом возрасте, обнаруживается хорошо сохранившимся. Например, владение итальянским языком у одного пациента и немецким – у другого пациента, бежавших от нацистских преследований. Во время сеанса они начинают говорить по-итальянски и по-немецки за один сеанс, сами того не осознавая. (*Эти два примера кратко рассмотрены ниже.* – ТвП).

Инкапсуляция внезапно раскрывается и не вызывает путаницы. С другой стороны, возвращение диссоциированных и спроецированных аспектов клинически всегда вызывает психическую спутанность. Для пациентов, чьи родственники были убиты или исчезли во время военной диктатуры в Аргентине, эта теория аутистической инкапсуляции помогает нам понять восстановление детских песен первых двух лет жизни, которые хорошо сохранились в капсуле – в инкапсуляции. И поэтому иногда казавшийся исчезнувшим язык детства оказывается хорошо сохранившимся.

Аутичная инкапсуляция – это теория или модель, объясняющая, как можно сохранить наиболее ценные связи младенчества в капсуле, закрытой мощными аутистическими механизмами. И это не диссоциация, это инкапсуляция. В клинической практике эта модель отличается тем, что переживания инкапсулируются и сохраняются, и появляется внезапно во время сеанса, например, когда пациент нечаянно начинает говорить на языке своего детства, который, как ему казалось, он утратил.

Примером может служить пациентка, которая бежала от нацизма в Германии и говорит, что не помнит большую часть языка своего детства, немецкого. Внезапно во время разговора в анализе она вспоминает и поет детские колыбельные на своем родном языке.

Другой пример – история, которую я рассказал в главе своей книги «*Душа, разум и психоаналитик*» («*The Soul, the Mind and the Psychoanalysis*»). – ТвП), в которой я показываю, как открывается аутичная

капсула. Это молодой пациент, родители которого «исчезли» во время репрессий военной диктатуры в Аргентине, когда ему было полтора года. Во время аналитического сеанса внезапно вновь появились колыбельные из его детства. Мы пели их вместе, он и я. Так восстановились музыка и эмоциональные связи, утраченные в полтора года. Другим примером является пациент, который восстановил свое детское имя, которое было не Марио, а Моше. Повторюсь, при инкапсуляции не происходит того, что происходит при диссоциации или расщеплении, которые, как известно, вызывают путаницу при возвращении ранее диссоциированных аспектов Я. В этом клиническая разница.

Аутичная инкапсуляция предназначена для сохранения связей в части психики и может быть открыта, если есть аналитик, который может эмоционально контейнировать. Развитие этой теории, появившейся при лечении пациентов, подвергшихся пыткам и бежавших из нацистской Европы или из концентрационных лагерей, показано в публикациях на каталонском языке в Каталонском журнале психоанализа (*Revista Catalana de Psicoanàlisi*. – ТвП) Испанского психоаналитического общества. Статья называется «11 сентября, военная диктатура».

ТвП: На основании клинических исследований психотических пациентов, наркоманов и психосоматических пациентов вы разработали теоретическую концепцию «примитивной схемы тела». Не могли бы вы описать нам эту теорию вместе с ее выражением в клинической работе и ее использованием в терапевтическом лечении этих пациентов?

Давид Розенфельд: Это психотическая схема тела. Как всегда, меня научили мои пациенты. Я просто дал этому явлению название, чтобы создать эпистемологическую модель, которая может быть полезна для пациента или для многих других. Это представление о том, что в моменты ментального разоружения они передают переживание разоружения, разжижения и исчезновения ментального Я, что выражается через схему тела. Повторяю, они выражают отсутствие ментальной плотности, транслируя воображаемое фантазийное тело, которое не является твердым, жидким или прозрачным. Что я делаю технически, так это думаю об этих фантазиях о схеме тела как о передаваемых сообщениях о психическом состоянии пациента.

Вы были так любезны, что прокомментировали мою новую книгу «Психотическое» на испанском языке в 14-м выпуске вашего журнала. Там я описываю фантазии о схеме тела пациента, который считал, что у него нет крови, у другого кровь закончилась, а третий считал, что он всего лишь мешок с кровью, без костей, ничего твердого, без внутренней силы, без твердого Я. Эти телесные фантазии передавали психическое состояние пациента.

ТвП: С тех пор как вы начали заниматься психосоматическими расстройствами и зависимостью от психоактивных веществ, каковы ваш опыт и критерии для наблюдения за этими пациентами в психоаналитической психотерапии?

Дэвид Розенфельд: Во всех случаях психосоматических расстройств и химической или компьютерной зависимости полезно начинать психоаналитическую терапию.

Я думаю, что все случаи поддаются изменениям, и я демонстрирую это на примере пациента-наркомана, начавшего лечение в 34 года. Или другой случай молодого человека, зависимого от компьютерных игр, который всю жизнь провел в психиатрической больнице средневекового типа.

Важно еще раз подчеркнуть, что психотическая часть личности иногда выражается в виде психосоматических расстройств или зависимостей. В случаях психоза и фрагментации проблема восприятия находится не в сознании пациента, а вытесняется и проецируется в другие пространства, в сознание других, или в объекты, или в само тело, как в случае психосоматического пациента. Точно так же «психосоматический» – это слово, которое используется для описания отсутствия слова или языка для выражения переживаний и конфликтов.

ТвП: Что касается интересубъективных отношений с психотическими пациентами и другими людьми с тяжелыми психическими расстройствами, что вы можете сказать нам об управлении и контейнировании эмоций пациента и терапевта? Как перейти от близкого эмпатического подхода к более отдаленной перспективе?

Дэвид Розенфельд: На этот вопрос сложно ответить в целом, как концептуально, так и общим ответом. Это зависит от пациента, на каком этапе лечения он находится, и от эмоционального состояния терапевта. Опять же, я настаиваю на том, чтобы сначала научиться спокойно слушать, отмечая контрперенос и принимая во внимание эмоции, переживаемые психоаналитиком, как молчаливые сообщения, которые заставляют нас чувствовать эмоции и страхи пациента. Всегда старайтесь спрашивать, а не быть машиной, которая интерпретирует, и слушайте, слушайте, как человек.

ТвП: При лечении психотических пациентов или других тяжелых патологий вам удалось сочетать строгость с открытостью и гибкостью. Как вы думаете, может ли это быть одним из путей, ведущих к прогрессу в психоанализе?

Дэвид Розенфельд: При лечении пациентов с тяжелыми расстройствами нужно быть открытым, чтобы слушать, а не просто повторять то, что написано в книгах, не цитировать книги пациенту. Часто мы разговариваем с пациентом, и только когда я понимаю, я делаю интерпретацию с тонкостью, любовью и мягкостью – не настаивая. Важнее всего то, что происходит в сознании психоаналитика: психоанализ – это размышления о переносе, внутреннем мире пациента и его детском мире, а также о том, что пациент заставляет нас чувствовать как терапевтов. Психоанализ находится не на кушетке или в мебели, психоанализ находится в психике терапевта.

ТвП: И, наконец, доктор Розенфельд, исходя из вашего обширного психоаналитического опыта, каким вы видите будущее психоанализа?

Дэвид Розенфельд: Я думаю, что психоанализ продвинулся вперед благодаря тем, кого поощряли исследовать клинические случаи, которые не рассматривались в прошлом или которые никогда не существовали раньше. Когда вы лечите наркомана семь дней в неделю и госпитализируете, вы открываете для себя глубины, которых раньше не знали. Во времена Фрейда никто не увлекался компьютерами и видеоиграми. Или возьмем новые теории об аутизме, потому что я лично наблюдал аутичных детей одиннадцать лет без перерыва, что позволило мне создать новые модели и новые теории об этих детях.

В странах, которые я посетил, я видел растущий энтузиазм в изучении психоанализа и молодых людей, готовящихся к психоаналитической карьере. Большой неожиданностью для меня стало увлечение психоанализом студентов в Турции, Украине, Армении и некоторых странах Латинской Америки. Очень приятно видеть так много студентов, заинтересованных в изучении психоанализа и начале карьеры психоаналитиков.

Психоанализ – это наука о передаче от человека к человеку, о контакте, который складывается между пациентом – терапевтом, супервизором – терапевтом и учителем – учеником. И это не только вычитывается из книг или из интернета. Это должен быть диалог вопросов и ответов. А чтобы быть психоаналитиком, нужно иметь основы, которые приходят из детства, а именно любознательность и здравый смысл.

ТвП: Спасибо за это интервью, доктор Розенфельд.

Фото 11. Дэвид Розенфельд слушает танго с друзьями. Буэнос-Айрес, 2017 г.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОСОМАТИКА

От психосоматической медицины к психоаналитической психосоматике

Л. И. Фусу

Фусу Лариса Ивановна – психиатр-нарколог, канд. мед. наук, психоаналитик, член SPP (Парижского психоаналитического общества), IPA (Международного психоаналитического общества), психоаналитический психосоматик, член IPSO, ректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Во второй половине прошлого столетия зародилась медицинская психосоматика. Пионерские работы Ф. Александера, Ф. Данбар, П. Сифнеоса выявили важные связи между особенностями личности, эмоциональной сферой и соматическими заболеваниями. Вскоре в Париже появляется IPSO (Институт психосоматики). Его представители описали особенности функционирования пациентов, которые соматизируют чаще других. При наличии системы «фиксация – регресс» благодаря регрессу появляются доброкачественные по течению, обратимые соматизации, в отличие от прогрессивной дезорганизации, ведущей к тяжелым заболеваниям и даже смерти.

Ключевые слова: соматизация, конверсионный симптом, оператуарность, алекситимия, «невроз судьбы», регресс, прогрессивная дезорганизация, влечение к жизни, влечение к смерти.

Согласно подходу парижской психосоматической школы, человек – это психосоматическая единица, функционированием которой управляет психика. Хорошо работающий психический аппарат защищает от соматизации. Психе и сома, пишет Жак Андре, как два сообщающихся сосуда: чем полнее один, тем свободней другой. Чем более ассоциативна психика, чем больше продукции она выдает (даже патологической), тем меньше поражается сома (Андре, 2022, с. 35).

Как известно, перед лицом тяжелых событий и возбуждения, вызванного ими, у каждого из нас есть три пути совладания с возбуждением:

- психический (подразумевается вся совокупность психических процессов, как сознательных, так и бессознательных);
 - поведение (активная и гиперактивная жизнь, много действий. Все виды поведения, от нормального до девиантного и патологического, от аддиктивного до «буйного»);
 - соматический (появление соматических симптомов и заболеваний).
- «Соматизацией» принято называть все неконверсионные соматические симптомы.

Когда человек становится таким же, как все (конформной биомассой, с их же слов, человеком толпы, «серой мышью», полуроботом, говорящим штампами: «все, что ни делается, к лучшему», «так должно было быть», «мир прекрасен», «информация к размышлению»), начинает одеваться серо и малозаметно, – велик риск, что он заболеет тяжелыми соматическими заболеваниями.

Почему?

Потому что мы наблюдаем появление коллективной психологии вместо индивидуальной. Потому что стирание, вплоть до исчезновения, психических симптомов и личных особенностей, уплощение личности, стирание уникальности, нивелирование индивидуальных особенностей и черт характера говорит о том, что 1-й, психический путь, затоплен, перегружен, выведен из строя; пси-аппарат уменьшил производство пси-продукции, а то и вовсе прекратил, и поэтому психика более не в состоянии защищать тело от всевозможных поражений. Остаются поведенческий путь и соматический.

Следует вспомнить, что соматизация и конверсионные соматические симптомы – не одно и то же!

Соматизация – плод 3-го, соматического пути, а конверсионные симптомы – 1-го, психического.

Однако есть ли хоть что-то в нас, что не создано психикой, задается вопросом Клод Смаджа (*Smadja*, 2016, р. 103). Даже в случае генетических мутаций они могут проявиться соматически только у одного из близнецов, а у другого – нет. Ничего не происходит без участия психики. В случае конверсии симптом создается при значительном участии психики и при незначительном содействии органов, при соматизации – при минимальном участии психики и при принятии сомой основного удара на себя, но любой симптом и любая болезнь (включая самую тяжелую, агрессивную и не поддающуюся никакому лечению) создаются психическим аппаратом.

Конверсионные соматические симптомы разнообразны, яркие, уникальны, потому что они созданы индивидуальным, сингулярным психическим аппаратом.

Соматические симптомы и болезни, наоборот, появляются из-за недостаточности функционирования психааппарата (изначально малоспособного выдерживать душевную боль), вплоть до его полного выведения из строя. Поэтому психосоматические пациенты так похожи друг на друга,

и нет в них никакой изюминки и даже намека на вычурность, безумие. Царят оператуарность и синдромность. У пациентов наблюдаются одни и те же симптомы и синдромы. Пациенты – разные, но симптомы – одинаковые. И внешне они становятся похожими друг на друга, потому что душевная, психическая жизнь затихает, а то и вовсе исчезает. Глаза – зеркала души – обычно у них ничего не выражают, так как душа замерла, притаилась и к ней нет доступа. Есть лишь тело, но и оно перестало быть эротическим и стало лишь местом для страдания. Из-за невыносимости страданий происходит «таинственный скачок из психики в сомум» (Фрейд, 1920, с. 57–62). Душевные страдания никуда не деваются, они просто перемещаются (и на это можно обратить внимание пациента). Когда, к примеру, пациент говорит о разлуке и добавляет: «Вначале мне было очень тяжело, но сейчас не больно. Язва желудка обострилась, это беспокоит меня», – мы можем ему сказать: «Вы говорите, что вам не больно, но похоже, боль просто переместилась. Вместо душевной боли – теперь телесная».

Вклад Франца Александера

В то время, когда зарождалась французская психоаналитическая психосоматика, в мире царила «теория психосоматической специфичности» Ф. Александера.

Отец психосоматической медицины Ф. Александер пытался найти личностную диспозицию («психодинамическую конфигурацию»). В поисках особенностей личностей, готовых дать соматический ответ, Александер отметил, что существует «определенная конституция – «соматическая подверженность» (Александер, 2006, с. 56–57). Этому, как он считал, способствует «неполноценность органа». Исследуя проблему психогенеза, он заметил, что эмоциональные переживания и события предшествуют болезни, и пытался определить, какие именно эмоции, жизненные ситуации провоцируют болезни. Также ему удалось отследить то, что позже было подробно описано представителями парижского института психосоматики (IPSO) – бессознательное подавление чувств приводит к хронической дисфункции органов (Александер, 2006, с. 95–98).

Концепция «личностных профилей» Хелен Фландерс Данбар (1943)

Ученицу Феликса Дойча, Хелен Фландерс Данбар, называли матерью психосоматики. Она попыталась интегрировать религию в науку и, наоборот, медицину в психиатрию, соединила медицину и психологию. Вела поиск корреляций между соматическими типами реакций и постоянными личностными параметрами (*Dunbar, 1935, p. 24–25*).

Она описала:

1) Личность, склонную к несчастьям. У 80% людей, переживших повторные несчастные случаи, она обнаружила характерный личностный профиль; ими оказались незрелые, импульсивные, ведущие неупорядоченный

образ жизни люди, склонные к авантюризму, живущие одним моментом, легко возбудимые, не контролирующая свою ауто- и гетероагрессивность. При этом они проявляли тенденцию к самонаказанию, исходящую из неосознанного ими чувства вины. Эти люди напоминают страдающих «неврозом судьбы», о которых писал Фрейд, и людей с психосоматическим функционированием, описанных позже представителями IPSO.

2) Коронарную личность, – склонную к ангинозным жалобам и развитию инфаркта миокарда. Выдержанные, целеустремленные, авторитарные, трудоспособные, агрессивные, способные к деятельности с большой последовательностью и самообладанием, которые в состоянии отказать от непосредственного удовлетворения своих потребностей ради достижения отдаленной цели.

3) Язвенную личность, – тревожную, нередко в сочетании с агрессивностью, недоброжелательностью, которую предпочитают скрывать.

Затем она описала целый ряд других личностей: артрическую, диабетическую и т. д. (*Dunbar, 1947, p. 35–36*).

Данбар описывает и общие особенности, присущие всем больным с психосоматическими расстройствами: инфантильность, недостаточную включенность в ситуацию, неспособность к словесному описанию своих чувств и переживаний (здесь мы обнаруживаем алекситимию, описанную позже Сифнеосом и Немиа).

Концепция алекситимии

Термин «алекситимия» (описан в 1968-м, предложен в 1973 г.) введен Сифнеосом и Немиа для обозначения ведущего психологического расстройства, лежащего, по их мнению, в основе психосоматических заболеваний, – ограниченной способности индивида к восприятию и описанию собственных чувств и эмоций, их адекватной вербализации и экспрессивной передаче, неспособности понять чувства другого человека, трудностями определения различий между чувствами и телесными ощущениями, фиксацией на внешних событиях в ущерб внутренним переживаниям. У таких пациентов обнаруживается бедность фантазий и воображения (*Sifneos, 1996, p. 9–12*).

IPSO

В начале 1950-х годов работы психосоматиков находились под влиянием психосоматической медицины и строились вокруг медицинских нозологических единиц. Так, они исследовали отдельные болезни: радикулиты, цефалгии, аллергии, глаукому, в основном проводились медицинские и медико-психоаналитические исследования некоторых синдромов.

Как отмечает К. Смаджа, после выступления Пьера Марти и Мишеля Фэна о причинах смертности в первой декаде 1960-х годов наметился поворот в сторону метапсихологического исследования. О них было заявлено на конгрессе в Барселоне, М. Фэн и К. Давид выступили с докладом «Функциональные аспекты онирической жизни», а П. Марти и

М. де М'Юзан – с докладом на тему: «Оперативное мышление». Затем, в 1963 году, вышла коллективная книга «Первичное интервью психосоматического пациента», которая ознаменовала рождение психоаналитической психосоматики, за ней последовала целая серия статей: «Исследование фантазмов» в 1964 году, «Генезис нарциссизма» в 1965 году, «Эссенциальная депрессия» в 1966 году, затем выходят в свет «Процессы соматизации» П. Марти в 1967-м (Смаджа К., 2014, с. 26–28).

На протяжении 20 лет П. Марти, М. Фэн, М. де М'Юзан, К. Давид работали вместе и выпускали коллективные работы. Затем каждый начал издавать свои собственные труды. Вместе они описали особенности психосоматического функционирования, в частности недостаточность, дефицитарность бессознательного, его низкую динамичность. Они отметили двойную нехватку. Тщетные поиски скрытого, бессознательного смысла у пациентов с ПСФ, как отметил М. Фэн, нанесли психоаналитикам немало тяжелых нарциссических ударов и причинили немало нарциссических страданий. Вначале психоаналитики чувствовали себя некомпетентными, ранеными нарциссически в работе с соматизирующими пациентами из-за того, что им никак не удавалось найти скрытый бессознательный смысл заболеваний, понадобились время и совместные размышления, прежде чем они поняли, что это не связано с их недостаточно хорошей работой, с неправильными интерпретациями, как они полагали, а всего лишь с тем, что невозможно было найти то, чего не было (речь идет о бессознательном смысле). Поворотным моментом стало выступление Мишеля де М'Юзана в 1973 году на Всемирном конгрессе психосоматиков в Амстердаме, его выступление стало эпохальным. Он отметил, что были исследованы пациенты, которые с первых интервью обратили на себя внимание. Эти пациенты сильно отличались от обычных невротических пациентов, с которыми привыкли работать аналитики. Их социальная адаптация была чаще всего хорошей, даже замечательной. У таких пациентов отмечалось очень мало невротической симптоматики или она вообще отсутствовала. От нормы они отличались лишь присутствием тех или иных соматических симптомов. Однако их объединяла одна особенность, и она обращала на себя внимание. Оказалось, что большинство пациентов было неспособно фантазировать. Так проявлялся дефект бессознательного. С тех пор дефицитарность фантазматических способностей является важным, если не основным семиологическим аспектом у таких больных (Смаджа, 2014, с. 78–81).

Ментализация

Как известно, работы аналитиков парижской психосоматической школы перевернули концептуально психосоматический подход, предложив в 1950-х годах изменение существующей в ту пору парадигмы. В то время чикагская школа во главе с Францем Александером была самыми известными на международном уровне, их психосоматические размышления проходили под эгидой медицинских и нейрофизиологических концепций.

Французские психоаналитики переместили психосоматический подход с медицинского, психологического на метапсихологический; с симптомов и болезней на больного человека, на его психическое функционирование. Вскоре появилось понятие ментализации, введенное П. Марти, а позже и дементализации, принадлежащее М. Фэну. Эти два концепта принадлежат новому психоаналитическому подходу к соматизирующим пациентам. С тех пор понятия ментализации и дементализации находятся в сердцевине всех статей и работ психоаналитических психосоматиков. Все они отмечают у соматизирующих пациентов ту или иную недостаточность, нехватку, неспособность к психической проработке, что мешает субъектам справляться с теми конфликтами, которые обычно появляются у каждого человека на пути его развития.

Понятие ментализации появилось у П. Марти под воздействием работы Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) – Марти вдохновился экономической точкой зрения, описанной в работе, в соответствии с которой избыток возбуждения может привести к появлению травматического состояния, если защитные механизмы переполнены или не срабатывают на тот момент (Фрейд, 2006, с. 24–26).

Пара ментализация – дементализация обнаруживается уже в работах Фрейда (несмотря на то что он не использовал подобную терминологию), а именно в работах, где он проводил параллель между защитными психоневрозами и актуальными неврозами.

В защитных психоневрозах Фрейд рассматривал симптомы как компромиссные образования между репрезентантами влечений, исходящими из бессознательного, и Я. Эти симптомы находятся в цепи психических событий, среди которых мы обнаруживаем страх кастрации, вытеснение и целый ряд других защитных механизмов Я. Такая конъюнктура обычно вписывается в эдипову организацию субъекта.

Актуальные неврозы, наоборот, описываются Фрейдом как результат прерванной траектории влечений, которым так и не удалось дойти до психизации. Такая конъюнктура приводит к появлению психопатологии, в которой преобладают диффузная или плавающая тревога и различные соматические симптомы, которые легко можно отличить от конверсионных соматических истерических симптомов.

Уже в 1950-х годах Пьер Марти и Мишель Фэн в целом ряде публикаций отмечают, что у соматизирующих пациентов присутствует нехватка невротических механизмов защиты и что эта нехватка замещается соматическими механизмами. Под этим углом авторы рассматривают и болезни, протекающие приступообразно (как правило, такие болезни появляются не вследствие прогрессивной дезорганизации, а вследствие регресса и характеризуются благоприятным исходом). Автор указывает на то, что неудача формирования невротической психической организации, или невроза характера, из-за отсутствия психических фиксаций ведет Я к регрессу на соматический уровень. Так постепенно развивается идея о том, что качество психической проработки сказывается на психосоматической экономии субъекта.

Известно, что П. Марти придавал особое значение травмам первых двух лет жизни и отношениям мать – дитя первых двух лет жизни. Мишель Фэн полагал, что ранние травмы и в целом качество родительского окружения, мешающее развитию нормальной эдиповой структуры у ребенка, ориентируют развитие влечений ребенка в сторону дефицитарной ментализации и эту нехватку ментализации можно обнаружить уже в раннем возрасте. Помехой в появлении ментализации является, разумеется, и неудача галлюцинаторного удовлетворения желаний (ГУЖ) в самом начале психической жизни ребенка. Для галлюцинирования (названного не случайно Фрейдом предтечей мышления) необходим удовлетворительный опыт хороших отношений. Галлюцинации потом сменяются мечтами, фантазиями, размышлениями. Такая неудача ГУЖ влечет за собой и другие недостаточности и дефекты, в частности нехватку фантазматической жизни, формирования репрезентаций, недостаточное появление и установление аутоэротизмов.

«Объект (внутренний) рождается в ненависти» (Фрейд), во время фрустрации, вызванной отсутствием матери. Следует отметить, что это возможно, лишь если фрустрация переносима для конкретного младенца. Отсутствие матери дольше определенного времени (оно индивидуально для каждого младенца) не может способствовать структурированию его психики, наоборот, травмирует младенца и приостанавливает его развитие. Не менее важно и другое – постоянное присутствие матери мешает галлюцинированию, являющемуся предтечей мышления. Как утверждает П.-К. Ракамье, невозможно мечтать и фантазировать о том, что находится рядом (*Racamier, 1992, p. 221–223*). Ребенок может галлюцинировать грудь, а позже и мать, лишь в ее отсутствие. Внутренняя психическая работа (галлюцинирование, репрезентирование, формирование фантазмов) возможна только при отсутствии восприятия (а значит, и объекта восприятия).

Как отметил Фрейд, мышление появляется вслед за галлюцинированием. Однако при оператуарных взаимодействиях толерантность к фрустрациям крайне низка, и даже непродолжительное отсутствие матери становится травматичным для ребенка. У младенца нет средств для того, чтобы справиться с резкой дезинвестицией, и ему удается интериоризировать лишь влечение к смерти, которое присутствует всегда в связки влечений и которое преобладает в момент расставания. Такой младенец интериоризирует только влечение к смерти, которое передает ему мать, желающая его оставить на время, покинуть, избавиться от него.

Дети-аутисты, психотические дети, как заметил Ж. Швек, не случайно любят играть со щеколдой двери (таким образом они повторяют вновь и вновь травматичную для них ситуацию ухода матери), с шуршащей бумагой (повторяя вновь звуки уходящей матери). Они навязчиво повторяют травму, поскольку травматические перцепции (внешние восприятия уходящей матери) так и не смогли быть репрезентированы (трансформированы во внутренние представления уходящей матери) и интегрированы (Швек, 2014, с. 7–58). Там, где предсознательное (следует отметить, что у пациентов с ПСФ предсознательное слабо функционирует)

не в полной мере, а то и вовсе не выполнило свою работу по репрезентированию, из-за недостаточности связывания срабатывает навязчивое повторение травмы.

Навязчивое повторение появляется вместо отсутствующей репрезентации. При таком повторении повторяется реально прожитая, но не пережитая внешняя сенсорно-перцептивная реальность. Если все повторяется идентично, такое повторение поддержано влечением к смерти. Если повторение лишь подобно пережитому, оно поддерживается влечением к жизни, потребностью в интеграции и способствует психической проработке, правда незначительной.

Дементализация

Размышляя о понятии дементализации в статье «Клиническая картина одного состояния дементализации», К. Смаджа отмечает, что исторически понятие дементализации связано с психосоматическими исследованиями французской школы (Смаджа, 2016, с. 12–14).

Дементализация является проявлением в негативе поля, которое не может быть проработано с помощью психических средств. Понятие дементализации невозможно понять без ее динамических отношений с ментализацией. В целом психоаналитические психосоматики согласны определять работу ментализации как способность формировать и прорабатывать психические репрезентации влечений в двух измерениях – количественном и качественном. Психоаналитическая клиника соматических пациентов показывает, что повреждение качества репрезентативной и фантазматической жизни ориентирует психосоматическую экономию к непсихическим путям и исходам, а именно к поведенческим и соматическим.

Термин «дементализация» является неологизмом. Он предполагает, что у ментализации что-то было отнято. Приставка «де» предполагает некое изъятие динамического движения. Дементализация указывает на нехватку, недостаточность (транзиторную или механическую) психических механизмов, способных к проработке влечений, как это происходит при невротических состояниях. Понятие «дементализация», отмечает Смаджа, предполагает, что некая форма ментализации была упразднена, деконструирована в какой-то момент. Во всяком случае, сила травматических ситуаций и время их появления (чем раньше, тем прогностически менее благоприятные) влекут за собой определенную дефицитарность ментализации и в дальнейшем играют важную роль в появлении дементализации.

В теоретическом корпусе теории П. Марти мы находим термин «ментализация», а «дементализация» отсутствует. Вместо дементализации П. Марти пишет о дезорганизации. Появление дезорганизации предполагает, что в психическом аппарате в некоторых случаях, особенно в травматических ситуациях, начинает орудовать деконструирующая сила, стирающая основы, на которых была построена психическая организация субъекта. Эта сила была названа П. Марти контрэволютивным движением, поддержанным индивидуальным влечением к смерти. Так, для Пьера Марти дементализация соответствует стиранию механизмов

ментализации. Мы также не находим понятие дементализации в работах Андре Грина, однако описанная им дезобъектализующая функция, свидетельствующая о присутствии влечения к смерти и о ее активности в психическом функционировании, очень близка к дементализации (*Green, 1993* p. 27–29).

Дезобъектализация предполагает радикальное и исключительное движение по дезинвестированию с потерей психических способностей к реинвестированию (*Green, 1993* p. 47–49). Дезобъектализующая функция приводит к тому, что объект утрачивает свои объектные качества, статус объекта. Как утверждает К. Смаджа, дементализация очень сильно и почти полностью совпадает с радикальной формой работы негатива А. Грина. По мнению М. Фэна, дементализация связана с незаконченностью влечений.

Обычно дементализацию можно заметить уже на первом первичном интервью. Красной лампочкой наличия оной является отсутствие наслаждения, удовольствия, радости жизни, психическое функционирование по ту сторону принципа удовольствия. Обычно у пациентов обнаруживается стремление к совладанию с собой: «я должна быть спокойной», «я это смогу», «я должна справиться», «у меня все получится», «я должен сохранять уравновешенность», «я не должен эмоционировать», «у меня всегда все норм.», – которое преобладает над символизацией и давит, в экономическом плане, тяжелым грузом, мешая психическому функционированию.

Регресс и прогрессивная дезорганизация

Как отмечает П. Марти, соматизации происходят либо из-за регресса, поддержанного влечением к жизни, либо из-за прогрессивной дезорганизации (ПД), поддержанной влечением к смерти, при отсутствии всякой либидинальной активности. Он полагал, что ранние травмы могли оставить точки фиксации только при условии достаточного инициального либидо, а оно, в свою очередь, зависит от качества ранних либидинальных отношений мать – дитя.

Особенностью пациентов с ПСФ является слабость системы фиксации – регресс; отсутствие точек фиксации и/или их слабость делают проблематичным регресс, и тогда травматическое событие запускает ПД, поскольку контрэволютивное движение ничем не останавливается.

У таких пациентов обнаруживается «либидинальная нехватка», из-за которой эффективные защитные системы не могут установиться. Марти обращает внимание на «недостаточность совокупности защитных площадок/точек», которые «составляют структуру субъекта и свидетельствуют о его либидинальной силе». Либидинальная сила зависит от количества и качества либидинального вклада матери. Поскольку материнский либидинальный вклад оказался недостаточным, защиты, способные остановить прогрессивную дезорганизацию (являющуюся движением по деконструкции, ведущей к анархии первичной мозаики), не смогли развиваться.

Эссенциальная депрессия и оператуарная жизнь являются клиническими проявлениями ПД, согласно П. Марти.

Примечательно, как заметил П. Марти, что нередко обнаруживается очень раннее появление оператуарного функционирования у ребенка. У маленьких детей и у новорожденных он отмечал «инициальную либидинальную слабость». П. Марти полагал, что основной причиной инициальной либидинальной слабости являлась нехватка любви в отношениях мать – дитя, а М. Фэн считал, что важным фактором явились проявления материнского влечения к смерти. Несмотря на разный взгляд на причины этого явления, и Марти, и Фэн были едины во мнении о том, что у таких детей отмечается преждевременно развитое Я, преждевременная самостоятельность. Именно от «материнской функции», которую выделял Марти, от «материнского управления» зависит формирование и запуск витальных функций младенца. Мать собирает функции, иерархизирует их и способствует формированию функциональной психической единицы. Речь не идет о простом приспособлении матери к ребенку и о соностройке, П. Марти подчеркивал важность материнского бессознательно-го в отношениях и эмоциональных обменах мать – дитя.

Известная техническая рекомендация П. Марти «от материнской функции к психоанализу», предложенная им в 1990 году, которая применяется при работе с пациентами с ПСФ по сей день, особенно при ПД, зиждется на его концепции о недостаточно либидинализованных отношениях мать – дитя, когда именно мать недостаточно их либидинализирует. Либидинальные инвестиции аналитика, особенно на первом этапе работы с такими пациентами, играют очень важную, если не решающую роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александр Ф.* Психосоматическая медицина. Принципы и применение / Пер. с англ. А. М. Боковой, В. В. Старовойтова; под научн. ред. С. Л. Шишкина. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006.
2. *Андре Ж.* 100 слов психоанализа. Когито-Центр, 2022. 165 с.
3. *Смаджа К.* Оператуарная жизнь. Москва: Когито-Центр, 2014. 256 с.
4. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. Психология бессознательного. Питер, 2006. 170 с.
5. *Швек Ж.* Добровольные галерщики. Москва: Когито-Центр, 2016. 200 с.
6. *Dunbar H. F.* (1935) Emotions and Bodily Changes, Columbia University Press (New York).
7. *Dunbar H. F.* (1947) Mind and Body: Psychosomatic Medicine, Random House (New York).
8. *Green Andre.* (1993.) Le travail de negative. Ed de Minuit Paris. P. 23–45.
9. *Racamier P.-C.* (1992) Le génie des origines Payot. P. 345–351.
10. *Sifneos P. E.* (1973) The prevalence of «alexithymic» characteristics in psychosomatic patients. Psychother. Psychosom. Vol. 22. P. 255–262.

11. *Sifneos P. E.* (1996) Alexithymia: Past and Present. *Am. J. Psychiatry.* Vol. 153. P. 137–142.
12. *Smadja C.* (2016) Une découverte de la psychanalyse: la psychosomatique. P. 11–14. *Revue française de psychosomatique.* № 49. PUF.

From psychosomatic medicine to psychoanalytic psychosomatics

L. I. Fusu

Fusu Larisa I., psychiatrist-narcologist, PhD in medical sciences, psychoanalyst, member of SPP (Paris Psychoanalytic Society), member of IPA (International Psychoanalytic Association), psychoanalytic psychosomatic, member of IPSO, rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy

The second half of the twentieth century saw the birth of medical psycho-somatics. The pioneering works of F. Alexander, F. Dunbar, and P. Sifneos revealed important links between personality traits, the emotional sphere, and somatic diseases. Soon IPSO (IPSO, Institute of Psychosomatics) appeared in Paris. Its representatives described the peculiarities of functioning of patients who somatize more often than others. In the presence of fixation-regression system due to regression there appear benign in course, reversible somatizations, as opposed to progressive disorganization leading to serious illnesses and even death.

Keywords: somatization, conversion symptom, operativity, alexithymia, «neurosis of fate», regression, progressive disorganization, attraction of life, attraction of death.

КЛЮЧЕВЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Ненависть в диаде «мать – дочь»

Е. С. Зелинская

Зелинская Евгения Сергеевна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Известно, что, с точки зрения психоанализа, материнская функция играет главенствующую роль в становлении психического фундамента и развитии всей психической жизни человека. Однако, как нам кажется, именно в паре мать – дочь материнская функция приобретает свои особенные черты, отличающие материнско-дочернюю диаду от прочих генеалогических пар. Причина этому не только в единой половой принадлежности матери и дочери, но также в самом физиологическом аспекте вынашивания и родов, бессознательных проективных и идентификационных конфликтах, нарциссических злоупотреблениях со стороны матери, а также трудностях, связанных с процессом сепарации дочери и обретением ею собственной идентичности. К. Эльячефф говорит об «угнетенном чувстве самости дочери» (Эльячефф, 2008) только лишь потому, что у нее есть мать, выдвигая таким образом на первый план идентификационную проблематику, однако тут же отмечает, что именно этой проблематике уделяется не так много внимания даже в пространстве психоанализа. Дочери действительно оказываются в более уязвимом положении, чем сыновья, по отношению как к матери, так и отцу – несмотря на одинаковый пол, диада «отец – сын» изначально разделена материнским телом, и только «мать – единственная из трех сторон треугольника Эдипа, кто имеет плотскую связь как с отцом ребенка, так и с ребенком» (Грин, 2007).

Говоря об актуальности темы данной статьи, стоит также упомянуть социально-культурные факторы. В современном обществе можно наблюдать, как особая форма близости между матерью и дочерью становится идеалом материнско-дочерних отношений. «Мама – моя лучшая подружка», «От мамы у меня никаких секретов нет», – такие слова нередко можно слышать от молодых женщин, для которых близость с матерью – выражение их совместного личностного достижения, предмет гордости. Совместный шопинг, отпуска и фотосессии нередко

откровенного характера – явление не только нормальное, но и модное, однако будто бы не замечается обратная сторона этой материнско-дочерней близости: размывание границ между поколениями и инцестуозный аспект отношений. В обществе много внимания уделяется вопросу инцестных отношений между отцом и дочерью, а также более редким, но имеющим место быть случаям инцеста между матерью и сыном, однако почти никто не говорит об инцестуозных отношениях между матерью и дочерью. В то же время именно эта генологическая пара более других подвержена «платоническому инцесту» (Наури, 1999) – менее очевидной, но, вероятно, не менее пагубной форме инцеста между родителем и ребенком. Видоизменяется также роль третьего – отца, присутствие которого необходимо для адекватных отношений матери с ребенком любого пола, однако именно пара мать – дочь в большей степени подвержена смешению идентичностей при отсутствии разделяющего третьего. Нравственные и социокультуральные изменения в обществе, ослабление института брака, прогресс в области репродуктивных технологий приводят к тому, что женщина нередко не только одна воспитывает ребенка, но и зачинает его, вообще не имея сексуальных отношений (например, с помощью ЭКО). Все это дает почву для размышлений о материнских партеногенетических фантазиях и материнском всемогуществе, которое в диаде «мать – дочь» приобретает наиболее архаичные и деструктивные формы.

Не каждая женщина становится матерью, однако у каждой женщины есть или была мать. То, какая это была мать и какими были отношения с ней, накладывает отпечаток на всю будущую жизнь и идентичность женщины, обнажая массивные бессознательные процессы, связанные с инцестуозной, идентичной, сепарационной проблематикой, которая нередко осложняет путь женщины к обретению собственной идентичности, материнству, взрослой сексуальности.

В данной статье предпринята попытка осмысления материнско-дочерних отношений с точки зрения вышеозвученных конфликтов в связке с чувством ненависти, которое неизбежно их сопровождает.

Ключевые слова: амбивалентность, женское, идентичность, развитие женщины, мать и дочь, сепарация, инцестуозность, Ракамье, материнство, женская сексуальность, Жаклин Шаффер, зависть, ненависть, конфликт амбивалентности, симбиоз, нарциссическое соблазнение, нарциссический объект, фетиш, расщепление, отрицание, всемогущество, женское наслаждение, инцест, первичное горе.

Родь доэдипального периода младенца-девочки

В статье «Женское чувство вины» Шассге-Смиржель пишет о груди – щедрой, нежной, теплой, оплодотворяющей утробе, мягкой, полной изобилием, груди-Земле и груди-Матери (Шассге-Смиржель, 1964). И тут же ее слова сменяются другим описанием груди – фрустрирующей, захватывающей, вторгающейся, груди, несущей зло, болезни, смерть. Однако и то, и то – это грудь-Мать (там же). Перед нами перечисления характеристик

двух противоположных имаго матери. Однако независимо от того, будет ли это имаго опекающей, хорошей матери или ужасной, внедряющейся, бессознательно оно базируется на имаго всемогущей архаичной матери. «Я считаю, что в действительности ребенок даже самой лучшей и нежной из матерей, независимо от его пола, имеет в бессознательном внушающий ужас образ этой матери как результат проекции на него своей враждебности, обусловленной собственным бессилием», – пишет она, отмечая, что имаго хорошей опекающей матери никогда не перекрывает образа ужасающего всемогущества.

Этими словами Ж. Шассге-Смиржель будто бы настаивает на мысли о заранее известном, безотлагательном и чрезвычайно сложном психическом процессе, через который приходится проходить каждому младенцу, и этот путь пролегает через совладание со страхом всемогущей архаичной матери, образ которой усилен собственными враждебными проекциями младенца. Мы можем предположить, что ввиду идентичности пола этот процесс более труден для диады «мать – дочь» и для каждой участницы он труден по-своему. Ж. Андре пишет, что отношения между матерью и дочерью... носят отпечаток первосвязи, архаической «цивилизации», «убеленной годами» (Андре, 2017). От чего же зависит результат выхода из этой «архаичной цивилизации» и не станет ли отпечаток этой «первосвязи» выжженным психическим шрамом в бессознательном дочери?

Как сказала британский психоаналитик Д. Пайнз, материнство – это опыт трех поколений и отношения матери со своим ребенком нельзя рассматривать отдельно от отношений матери со своей собственной матерью (Пайнз, 1980). Вероятно, если пол ребенка отличен от материнского, трансгенерационная передача имеет меньшее значение, и именно ребенок-девочка становится в тотальной степени носительницей мощных нарциссических и идентификационных проекций своей матери.

Крайне важное значение имеет, насколько мать готова инвестировать свою дочь, и здесь мы можем вспомнить слова Ж. Шаффер о том, что мать не инвестирует одинаковым образом сына и дочь (Шаффер, 2020). Если ребенок-мальчик автоматически становится отличным от матери, гетеросексуальным объектом, то рождение дочери открывает путь к ранним бессознательным ретравматизациям матери в отношениях с ее собственной матерью. К тому же встает вопрос о том, кому и от кого (разумеется, в символическом представлении) женщина-мать рождает ребенка: своему мужу или своему отцу, а может быть, собственной матери? Если женщина, будучи девочкой, благоприятно вышла из эдипова конфликта, отказавшись от инцестуозных притязаний на отца, она рождает ребенка от своего партнера (мужа). Если же она осталась фиксированной на любви к отцу, рожденный ею ребенок в ее бессознательном будет принадлежать ему. Но если имел место инвертированный Эдип или же если девочка вообще не дошла до эдипова конфликта в своем психосексуальном развитии, тогда ребенок бессознательно будет принадлежать ее матери.

Симбиоз и смешение идентичностей между матерью и дочерью понимается как защитный результат проективной и интроективной

идентификации. Как пишет Ж. Андре в статье «L'Empire du même», эти фантазии, являющиеся частью нормального развития, чаще всего активируются при угрозе разлуки и потери объекта. Так, когда ребенок-девочка вынуждена сменить объект с материнского на отцовский, это реактивирует в матери ее собственное чувство утраты, пробуждая в ней анаклитическую тревогу и способствуя еще большей путанице идентичностей (André, 2003). Можно полагать, что анаклитические тревоги покинутости в психическом матери часто пронизаны более ранними защитными механизмами: отрицанием, идеализацией, расщеплением, и это еще больше приводит нас к необходимости размышлять о ее первичной связи с собственной матерью. Таким образом, отношения матери с ее собственной матерью во многом будут определять характер ее отношений с собственной дочерью. Кроме бессознательных проекций матери на дочь, исходящих из ее отношений с собственной матерью, важно отметить и другие материнские страхи и конфликты, упоминаемые, например, Ж. Шаффер: страх так называемого фантазма женской кастрации, страх инцеста и женского наслаждения (Шаффер, 2012). К этим архаичным материнским тревогам мы вернемся позднее.

Как мы знаем, зависть к пенису – это знак, под который З. Фрейд помещал всю женскую психосексуальность. И несмотря на то что этот постулат является предметом споров многие десятилетия, мы не можем отвергать как сознательное, так и бессознательное разочарование матери, производящей на свет дочь. Рождение девочки может пробуждать вытесненные в бессознательное ее собственные фантазмы, связанные с неспособностью иметь пенис (быть мужчиной), либо быть и тем и другим (и мужчиной, и женщиной), ведь, как говорила Дж. Макдугалл, однополость – одна из главных нарциссических ран человека (Макдугалл, 1995).

Страх инцеста и женского наслаждения – архаичные бессознательные страхи женщины, которые активизируются, когда она становится матерью и возвращается в своих фантазмах к бессознательному симбиотическому слиянию со своей собственной матерью и женскому инфантильному эротизму. К. Скюре в статье «Et si c'est une fille?» пишет, что первичная связь матери и дочери остается спящей, затемненной Эдипом, замаскированным латентным периодом юности, до того момента, пока не наступят роды женщины – именно тогда вновь возродятся инстинктивные импульсы (Squires, 2003). Беременность женщины становится ключевым моментом, помогающим постичь эволюцию связи между матерью и дочерью, которая сама становится матерью. И если у женщины рождается девочка, это еще больше сближает ее с собственной матерью. Эта доэдипальная привязанность, богатая фантазиями и сохраняющаяся на протяжении всей жизни, описана З. Фрейдом в труде «Женская сексуальность» (1931). Эта связь влияет на развитие женской сексуальности и женского наслаждения как «тень, едва способная выжить, практически не поддающаяся анализу».

Страх инцеста возвращает женщину к бессознательным тревогам быть поглощенной собственной матерью. Страх женского наслаждения, напротив, может актуализировать тревогу пассивизации и способности

принимать в себя большое количество либидинального возбуждения (концепция Ж. Шаффер). В любом случае, эти архаичные страхи и тревоги продиктованы бессознательными следами и оттисками отношений женщины со своим первичным объектом.

Аспект инцестуозности в диаде «мать – дочь»

Говоря об инцестуозности в отношениях матери и ребенка, А. Наури отмечает, что это «малоизученная, но очень нежная и волнующая тема» (Наури, 1999). Действительно, как можно практически посягать на святое, уподобляя связь матери с собственным ребенком с инцестом, пусть и платоническим? Однако, как отмечает А. Грин, потенциальный инцест с матерью для детей обоих полов является обязательным пассажем, которого невозможно избежать (Грин, 2007). Он пишет, что инцестуозные желания ребенка сильно подкрепляются матерью, влюбленной в своего ребенка, однако это измерение обоюдной инцестуозной связи остается недооцененным (Грин, 2007). Кроме того, в треугольной позиции Эдипа мать – отец – ребенок мать – единственная, кто имеет телесную связь с обоими участниками, в то время как отец и ребенок связаны друг с другом лишь опосредованно и опять же – через мать. Сам факт телесной связи между ребенком и выносившей его матерью априори подтверждает инцестуозное отношение, которого лишены в данном контексте отношения ребенка с отцом.

Несмотря на негативную коннотацию понятий «инцест» и «инцестуозность», инцестуозность диады «ребенок – мать» заключается в самой их сути, неважно, какого пола ребенок. Начало этой инцестуозной связи проистекает из внутриутробной жизни: физиологический симбиоз между плодом и матерью во время беременности – естественный процесс. Первая сепарация происходит во время рождения ребенка: он покидает материнское тело, происходит запуск пищеварительной и дыхательной функций. Но в статье «L'Empire du même» Ж. Андре задает вопрос: откуда взяться уверенности в том, что акт рождения и правда разделит мать и дочь, что история возможна и новая жизнь не станет простым воспроизведением? (André, 2003.) И другой вопрос, который мы обязаны задать: где в случае матери и дочери проходит граница между инцестом и симбиозом? Инцест относится к аспекту сексуальности, а симбиоз – к способу отношений с объектом, но эти два понятия очень пересекаются, когда дело касается отношений ребенок – мать и особенно когда речь идет о диаде «мать – дочь». Нормальная чувственная связь, «материнское безумие» (А. Грин), которое охватывает мать к ребенку любого пола, – естественное состояние, вписывающееся в нормальную физиологическую ситуацию, однако в отношениях мать – дочь эта связь приобретает особое значение. Как отмечает А. Грин, мать и дочь находятся в зеркальной нарциссической связи, в которой подобная говорит с подобной (Грин, 2017). Когда ребенок женского пола, матери легче идентифицировать себя и создать взаимную, иллюзорную и паразитическую бессознательную связь с дочерью.

Таким образом, анатомический фактор, а именно одинаковость гениталий матери и дочери, становится важнейшим и, пожалуй, первоочередным фактором инцестуозной связи в этой диаде. Половая принадлежность младенца-мальчика, его пенис устанавливают границу между ним и его матерью сразу после рождения, а возможно, и до рождения, по факту обнаружения пола на УЗИ. Но с девочкой все иначе: подобное воспроизводит подобное, как выражается Ф. Эриксон, «аккумулируя идентичное», рискуя низвести таинство рождения к простому воспроизведению, партеногенезу. Поскольку гениталии дочери являются идентичными материнским, дочь не может ощутить ценность материнских инвестиций в отличие от ситуации с мальчиком.

Платонический инцест, или инцест, не реализуемый в сексуальных действиях, – понятие, неразрывно связанное другими важными концептами, такими как «материнское захватничество» и «нарциссические злоупотребления» в отношении ребенка, а также «нарциссическая (психотическая) вселенная» (П.-К. Ракамье).

Остановимся подробнее на каждом понятии. Термин «захватничество», принадлежащий Ф. Кушар, наводит на мысль о рабском отношении со стороны матери. Материнское захватничество распространено и в отношении сыновей, но именно в диаде «мать – дочь» это явление приобретает наиболее жестокие и архаичные формы. Мать становится зеркалом для дочери, а та, в свою очередь, – нарциссической проекцией первой. «В таких случаях наблюдается почти телепатическое, если не бессознательное общение, которое потворствует смешению идентичностей между матерью и дочерью <...> вплоть до ощущения, будто у них одна кожа на двоих, а все различия и границы между ними стерты», – пишет К. Эльячефф в книге «Дочки-матери. Третий лишний», ссылаясь на Ф. Кушар (Эльячефф, 2016, с. 67).

Невозможно говорить об инцестуозности без обращения к концепциям французского психоаналитика Поля-Клода Ракамье. Глубоко изучавший проблему нарциссизма, Ракамье ввел понятия «нарциссического соблазнения» и «нарциссической (психотической) вселенной», ядром которой являются тотально симбиотические отношения с первичным объектом. Нормальное «нарциссическое соблазнение» знаменует собой первичное слияние младенца с матерью, однако если оно не отступает (как правило, в возрасте шести-семи месяцев младенца), отношения в диаде оказываются во власти «нарциссической вселенной». В этой вселенной действует закон слияния, объединения и закреплённости друг на друге, а топливом и защитой для ее «функционирования» призываются психические механизмы: всемогущество, расщепление и отрицание.

В таких симбиотических отношениях между матерью и дочерью особое значение приобретает пронизывающая и окутывающая атмосфера некоего секрета, тайны, того, о чем не говорят вслух, но что будто бы витает в воздухе. П.-К. Ракамье называет это инцестуальное измерение не просто добавлением к психоаналитической теории или неисследованным уголком психопатологии, но отдельным, специфическим регистром с корнями, углубляющимися в семейные секреты, и атмосферой,

которую невозможно передать (*Racamier, 2021*). Однако, как отмечают К. Эльячефф и Н. Эйниш, часто матери и дочери даже необязательно формировать общий секрет, достаточно уже того, что для отца, угрожающего симбиотическому единству матери и дочери, не остается никакого пространства внутри их диады, он оказывается буквально вытесненным за ее пределы. Мать как будто покидает свое место жены в генеалогической паре, и нередко место ее мужа (отца) занимает дочь, и больше никто и ничто не должно нарушить могучее нарциссическое единство.

Роль идентификационных процессов и спутанность идентичностей

Ребенок, будь то девочка или мальчик, становится поверхностью для разного рода проекций, нагруженных многочисленными «теньями прошлого», и родителям приходится вести постоянные переговоры со своими собственными внутренними родительскими объектами и неудовлетворенными инфантильными желаниями и потребностями. Младенец-фантазия пробуждает конфликтность, представленную под видимостью родительской заботы – амбивалентной и конфликтной изначально. Проецируя свой собственный инфантильный нарциссизм, родители неосознанно проецируют также негативные и конфликтные части себя в детстве или части родительских образов, которые конфликтны по отношению друг к другу: «тень Я родителей, проецируемая на ребенка, и тень Я объекта родителей, проецируемая на ребенка» (*Palacio-Espasa, 1988*).

Однако, как отмечает Анник Ле Нестур, ребенок-девочка берет на себя двойную задачу по бессознательным идентификациям в отношениях с матерью (*Le Nestour, 2003*).

1. Идентификация младенца-девочки со своей матерью, со стороны бабушки по материнской линии, согласно позитивным и негативным аспектам маленькой девочки, которой эта мать когда-то была;

2. Идентификация младенца с ее собственным образом младенца-девочки со стороны собственной матери.

Это двойное движение содержит эдипальные тревоги и их реактивно-защитные формирования, но также оно пронизано анаклитической тревогой покинутости с более архаичными механизмами: отрицанием, идеализацией и расщеплением. И тогда эта путаница идентичностей кажется хорошей защитой против анаклитической тревоги – и в первую очередь материнской. Возникает вопрос: кто больше нуждается в этой связи – младенец-дочь или мать? В идиллическом периоде первичного симбиоза со своей дочерью мать обнаруживает свои собственные инфантильные страхи быть покинутой собственной матерью. Анник Ле Нестур в статье «*Quelques réflexions sur les premières relations*» приводит виньетку, в которой молодая мать хотела, чтобы ее собственная новорожденная малышка заботилась о ней так же, как терапевт (*Le Nestour, 2003*). Особенное счастье эта женщина испытывала, находясь в отделении для недоношенных детей, в котором вынуждена была находиться долгое время со своей дочерью, родившейся сильно раньше срока со множеством

осложнений. Эта молодая мать рассказывала на сеансе терапевту о том, как за ними ухаживали нянечки, как они баловали, укрывали, кормили и заботились о ней и ее ребенке, – и эти слова будут звучать так, как будто она сама – недоношенная новорожденная малышка, родившаяся раньше срока, чтобы быть докормленной и догретой во внешнем мире. После выписки и возвращения домой эта женщина окажется захваченной тревогой: ей будет казаться, что ее маленькая дочь не любит ее, отказывается от груди и сна. Этой матери потребуется несколько месяцев, прежде чем она поймет, что сама вызывает у своей дочери нарушения сна, не давая ей спать и без конца предлагая грудь. Анник Ле Нестур отмечает, что часто на сеансах психотерапии от матери можно услышать, что она уже не знает, кто ее дочь и кто она сама. Эта путаница идентичностей является защитным механизмом, направленным на борьбу молодой матери с ее дефицитами и агрессивными чувствами, которыми были насыщены ее отношения с собственной матерью. Как отмечает Анник Ле Нестур, защитная борьба против тревоги покинутости, пробуждающей внутреннюю деструктивность, затем либо мазохистически оборачивается против нее же самой, либо ребенок становится тотально преследующим объектом и, благодаря проективной идентификации, успешно реализует бессознательно возложенную на него роль. Бывает, когда массивная проективная идентификация принимает совершенно паталогические формы, надевая ребенка в бессознательном матери всеми качествами ее собственной матери. «Она хочет поставить меня в неловкое положение, хочет унижить меня, она считает, что я никудышная мать», – так говорит одна женщина про свою маленькую дочь на сеансе психотерапии (*Le Nestour*, 2003, р. 31). Интервенция психотерапевта приводит женщину к ассоциативной связи происходящего в ее диаде с дочерью со своими подавленными детскими чувствами вследствие многочисленных унижений от своей собственной матери. Несмотря на то что эта генеалогическая и идентичностная путаница разыгрывается бессознательно в психическом матери, мы можем себе представить, как эти материнские тревоги и конфликты приводят дочь к нарушению собственной природной идентичности.

Процесс обретения собственной идентичности неразрывно связан с процессом сепарации от матери, который мы рассмотрим в следующем параграфе. П.-К. Ракамье формулирует парадокс идентичности: «Я находит себя в том, что теряет», но ценой за нахождение объекта будет проработка «первичного горя», о котором мы говорили выше. Если же процесс сепарации и проработка «первичного горя» невозможны, ребенок не может покинуть «воды материнского нарциссического соблазнения», соблазненный ребенок остается как будто бы нерожденным, закованным в материнской монаде. Сепарация – индивидуация (Малер, 1983) – залог развития психики субъекта, движения к Эдипу и возникновению кастрационных тревог, необходимых для формирования нормальной агрессии, самости и женской здоровой сексуальности.

Возможности сепарации

Мать:
«Мы спаяны одна с другой
любовью подлинной одной.
Любовью материнской, дитя мое, с тобой.
Мать не отдаст свое дитя.
Она с ним скована навек
И не отпустит никогда.
А коль одна из них уйдет,
Другая тотчас же умрет.
Они обречены на смерть.
И за разлукой – сразу смерть.
Ведь правда ты поймешь меня.
Ведь создана ты для меня,
Произвела тебя на свет я только для себя <...>».
 (Из пьесы «До конца», Томас Бернхард, 1981)

В статье «Défaut de transmission du maternel» С. Фор-Пражьер говорит о том, что определенные трудности сепарации в диаде «мать – дочь» объясняются силой дуальных чувств в отсутствие разделяющей третьей стороны. Обычные механизмы, позволяющие матери и дочери разделиться, дают сбой, и дочь оказывается во власти первичного объекта – исходная инцестуозная связь сохраняется в своем практически первозданном виде. Зависимость субъекта (дочери) возрастает, провоцируя борьбу и враждебность, тщетно пытающуюся оправдать разрыв, на который надеется субъект. Но чем более он желанен, тем более невозможен (Faure-Pragier, 2003).

Ребенок – первый в этой диаде, кто реализует инициативу к разделению с матерью, однако мать должна поддержать ее и быть готовой перейти от инвестирования первичного нарциссизма ребенка к инвестированию его движения в сторону от нее. Как пишет Ю. Кристева, мать владеет ключом к свободе своего ребенка (Кристева, 1987). Если же мать не поддерживает инициативу ребенка к разделению с ней, он остается в оковах материнского обладания. В пьесе «До конца», фрагмент которой выведен в эпиграф к данной главе, Т. Бернхард описывает крайне насильственную и перверзную связь матери со своей дочерью, экстремальный материнский захват, возведенный в наивысшую степень.

По мысли К. Скюре, гомосексуальная чувственность в диаде «мать – дочь», приправленная зеркальной агрессивностью, рождает еще большее напряжение в тот момент, когда маленькая девочка поворачивается от матери к отцу (Squires, 2003). Как мы знаем, причинами этого поворота к отцу З. Фрейд считал открытие девочкой кастрации и вызванное этим открытием разочарование в матери. Этот поворот от любимого первичного объекта отмечен меланхолическим движением, даже деструктивностью. Так, К. Скюри задается вопросом: не ведет ли это, помимо враждебности

к матери, спровоцированной эдипальной ситуацией, к бессознательным матереубийственным желанием? (Squires, 2003.)

Сильнейшее желание инцестуозного слияния и единства с матерью сопряжено у дочери с таким же сильным желанием отделиться от нее и с такой же сильной ненавистью, необходимой для этого отделения. «Ненависть, конечно, разделяет, но никогда не насыщается», – пишет К. Эльячефф (Эльячефф, 2008, с. 119) и отмечает, что ненависть, необходимая дочери, чтобы отделиться от матери, становится не только скальпелем, но и прорвой, страстью, которую невозможно удовлетворить (там же).

Как пишет Ю. Кристева, дочери необходимо совершить «матереубийство», это становится жизненной потребностью, непременным условием индивидуации (Кристева, 1987). Самый первый акт этого «матереубийства» выражен в процессе срыгивания – «выблевывании» материнского молока. Срыгивание, свойственное всем младенцам, буквально выблевывание матери, устанавливает первую границу между младенцем и первичным объектом. Кристева уточняет, что «матереубийство», знаменующее собой разделение, становится более трудной задачей именно для девочки. «Для женщины <...> такое обращение влечения к матереубийству на смертоносную материнскую фигуру оказывается более сложным, если вообще возможным. В самом деле, как может Она быть этой охочей до крови Эринией, если я есть Она (в сексуальном смысле и нарциссическом), а Она есть я?» (Кристева, 2012, с. 120). Кристева будто говорит о том, что отделение от матери становится невозможным, так как оно означает потерю той части себя, которая была интроецирована как материнский объект. И здесь мы приходим к размышлениям о меланхолическом компоненте, как будто изначально свойственном связи мать – дочь. Реакция на потерю любимого объекта, отстранение от матери к отцу приводит дочь к интроекции материнского имаго. Ю. Кристева отмечает, что сама по себе скорбь не патология, однако, смешанная с ненавистью, она может стать меланхолией.

Выражение ненависти к матери, необходимой для разделения, кажется совершенно невозможным, потому как вследствие интроекции материнского объекта на место агрессивных влечений («матереубийства») заступает меланхолическое умерщвление Я: чтобы защитить мамочку, я убиваю себя. Чрезвычайно поэтично Ю. Кристева пишет о том, что ненависть, направленная на мать, не уходит вовне, но запирается в ней самой (дочери). Она отмечает, что ненависти тут и нет, есть только взрывное настроение, которое замуровывается внутри и убивает, поджаривает на медленном огне, постоянно жжет кислотой и печалью. Однако нет никакой надежды на выход из этого меланхолического пути, ведь надежда на обретение... никого восполнится лишь смертью, в которой она получит свое завершение (Кристева, 1987).

«Скальпель ненависти» к первичному объекту необходим для того, чтобы суметь от него отделиться, однако это становится возможным, только если потерянный объект обнаружится в реальности. З. Фрейд говорит, что мать и материнская грудь должны быть потеряны ребенком как

представление о его собственной части и рождены им как отдельный объект. Когда это происходит, субъективный опыт ребенка уступает место объективной реальности, а принцип удовольствия, которым руководствовался ребенок до этого момента, переходит в принцип реальности. И тогда первичная инцестуозная связь с матерью сохраняется в виде мнестических следов, вытесненных в бессознательное. Таким образом, запрет инцеста побуждает девочку вытеснять телесные удовольствия, связанные с уходом за ее телом и гениталиями со стороны матери. Однако, несмотря на необходимое вытеснение, в жизни каждой девушки и женщины всегда будут существовать моменты, когда ее связь с матерью будет реактуализироваться, возрождая в бессознательном идентификационные тревоги и страхи. Эти жизненные этапы М. Курню-Жанэн называет «инцестуозной зоной» (2017). Эти тревоги проявляют себя уже во время эдипальных конфликтов, когда наряду с ними актуализируется доэдипальный – архаический – период, а также во время появления первой менструации, вступления в брак и особенно в период беременности, которая делает окно в бессознательное будто бы менее проницательным, возвращая женщине все старые нарциссические раны, травмы, утраты и трансгенерационное наследие, ставшее отныне доступным благодаря возвращению вытесненного. Далее «инцестуозные зоны» проявляют себя в период старения самой матери, когда нередко происходит инверсия ролей и мать становится дочерью собственной дочери, и, наконец, в период старения самой женщины. М. Курню-Жанэн отмечает, что все эти этапы в жизни женщины, в которых бессознательно воспроизводится запрет на инцест, актуализируют в психическом женщины амбивалентные чувства ненависти и вины за эту ненависть. Подытожить фундаментальное значение инцестуозной связи матери и дочери хочется словами А. Грина о том, что связь между матерью и дочерью не прерывается никогда. Дочь может вырасти, выйти замуж, переехать на другой край земли, но в ее памяти инцест не знает границ (Грин, 2007). И конечная точка – смерть женщины-дочери – как бы символически возвращает ее снова в материнскую утробу: круг замкнулся. Тот, кто дает жизнь, представляет и ее противоположность, то есть смерть.

Роль и влияние *третьего* в диаде «мать – дочь»

Роль отца, разделяющего третьего, неоспорима и колоссальна в симбиотическом аспекте взаимоотношений матери и дочери. Если место отца пусто в психическом матери, все ее либидо, выраженное как влечениями жизни, так и влечениями смерти, направляется на дочь. Однако, как отмечает С. Фон-Пражье, не присутствие пениса вызывает у дочери отделение от кастрированной матери, а любовь матери к третьему лицу, обычно к отцу (Фон-Пражье, 2003).

Ранний период материнской озабоченности в жизни младенца, согласно Д. Винникотту, – это период, когда мать и младенец удаляются от внешнего мира и вступают в блаженный симбиотический союз, который Д. Винникотт описывает как своего рода болезнь, от которой матерям

приходится рано или поздно выздоравливать (Винникотт, 1956). Однако что происходит, если отец оказывается не способен разделить мать и ее младенца, если мать настолько не способна инвестировать отца своего ребенка, что он оказывается буквально вытеснен из диады с дочерью? Ж. Спикер отмечает, что знакомство со своим отцом для девочки означает прежде всего знакомство с тем отцом, каким его представляет себе мать (Спикер, 2012). Иными словами, образ отца в психическом матери передается и младенцу, и через этот образ он начинает внутри себя фантазировать о родительской паре – с этого момента начинается процесс терциальности. Отец уверенно заявляет о своем желании, однако его можно назвать любовником только потому, что у матери существует эротическое желание, направленное на него. Именно из-за того, что мать желает кого-то и сама является для другого объектом желания, благодаря цензуре любовницы она может помочь ребенку создать преформу репрезентации некоего третьего объекта, *другого* – того, к кому она испытывает желание и о котором можно галлюцинировать. В таком случае ребенок может фантазировать о том, что те ощущения, которые он испытывает в отсутствие матери и которые он переживает как покинутость, происходят не из-за того, что он является плохим объектом, объектом страха, ненависти или отвращения матери, а потому, что существует еще один объект желания матери (Шаффер, 2016). Эти фантазии – прообраз первичной триангуляции. Таким образом, функция отца состоит в том, чтобы сдерживать и усмирять материнское безумие, которое в отсутствие отца направляется на ребенка и затапливает его. Символическая отцовская функция позволяет ему отделить ребенка от матери и открыть ему таким образом доступ в социальный мир. Однако если этого не происходит, диада «мать – дочь» остается неразделенной, сращенной воедино, нарциссическое соблазнение продолжается. Любопытно, что мнение психоаналитиков относительно будущего места отца в триаде в большинстве своем сводится к прерогативе матери. Будто бы воля матери оказывается главенствующей не только в том, чтобы поддержать импульс младенца в первом стремлении к отделению, но также и в том, чтобы допустить разделяющую функцию отца. Это подтверждают слова К. Эльячефф и Н. Эйниш, которые, ссылаясь на К. Оливье в своей книге «Дочки-матери. Третий лишний», отмечают грустную связь плачевной ситуации с отцовством и женщиной, которая просто не дает ему права быть таким же отцом, какой она является матерью (Эльячефф, 2016, с. 66). Таким образом, женщина становится полноправной и тотальной владчицей и распорядительницей не только физических, но и психических движений внутри триады: мать, отец, младенец.

Ж. Шаффер также отмечает, что выстраивание женского начинается для девочки тогда, когда ночи матери наполняются сексуальностью и сама она начинает развивать новый вид цензуры – цензуру любовницы. Уложив ребенка спать, мать поворачивается к объекту своего желания, к отцу ребенка, к *третьему* – именно в этот период происходит, согласно концепции П.-К. Ракамье, переход от фантазма взаимного созидания к фантазмам первичной триангуляции и впоследствии к Эдипу. С этого момента

эрогенность полового органа девочки «замолкает» – находясь под воздействием «первичного вытеснения вагины» (Шаффер, 2016), это молчание будет защищать девочку не столько от желания отца, сколько от инцестуозного влияния материнского наслаждения и первосцены. Таким образом, благодаря «первичному вытеснению вагины» все тело девочки становится вместилищем диффузных эрогенных зон, пока будущий любовник не разбудит ее, открыв девочке-женщине ее способность к наслаждению. Однако мать должна передать девочке способность инвестировать это ожидание в виде бессознательного послания о том, что наступит день и ее принц явится (Шаффер, 2021). Таким образом, вместе с этим посланием мать как бы передает дочери символическое разрешение на отделение, «проходной билет» в будущую взрослую сексуальную жизнь.

Но что если в психическом матери нет третьего, который разделит бы мать и дочь? При отсутствии объекта материнского желания не образуется также и пространства для формирования психики младенца, той самой «комнаты воображения» (термин Бриттона), в которой, согласно фантазму о первосцене, происходит соединение – тел, психик, а значит, и мысли. «Ребенок ночи» – это тот ребенок, который был чрезмерно инвестирован материнским либидо. Его тело и его Я становятся заменителем отца как объекта материнского желания. Мы можем говорить о преисполненности такого ребенка примитивными страхами дезинтеграции и потери идентичности, а также желанием еще большего слияния с матерью. В силу одинакового пола и иденциональных особенностей младенец-дочь еще больше подвержена риску стать объектом материнской потребности и разворачивания инцестуозных отношений в паре с матерью.

В статье «Женское чувство вины» Ж. Жасге-Смиржель пишет о необходимости для девочки идеализировать своего отца, чтобы иметь возможность отделиться от всемогущей фаллической матери. Если же поддержки и инвестирования со стороны отца недостаточно либо если отца нет или его образ стерт, процесс идеализации невозможен, а значит, невозможно создание эдиповой ситуации. В этом случае отец не становится носителем отцовских функций, он «играет роль заместителя матери, носителя анального разрушающего фаллоса» (Жасге-Смиржель, 1964). И тогда девочка, не сумевшая переработать страх внедрения в страх пенетрации, может испытывать трудности в своей взрослой сексуальной жизни, связанные со страхом проникновения в нее материнского фаллоса.

Бесплодие, трудности с деторождением – частое следствие чрезмерно амбивалентных отношений между матерью и дочерью, дуальность которых усилена отсутствием разделяющего отца. Как пишет С. Фон-Пражье, тогда у женщины нередко появляется желание иметь ребенка как выход, который позволил бы ей освободиться от матери, породив свое собственное потомство. Одна из пациенток С. Фон-Пражье сказала ей однажды, что нужно быть матерью, чтобы быть женщиной, подтверждая тем самым гипотезу необходимого для женщины защитного чередования катексиса между материнским и женским. При недостатке третичности в

отсутствие инвестированного образа отца чрезмерная материнская близость занимает репрезентативное пространство, которое необходимо для зачатия – и беременность либо не наступает, либо заканчивается выкидышем.

Влияние нарциссических отношений в диаде «мать – дочь» на идентичность женщины

«Исключение отца, ведущее к инцесту, – не единственная характеристика путаницы между матерью и дочерью. Даже если девушка дойдет до треугольных отношений, ей все равно может быть трудно стать женщиной», – считает К. Скюри (*Squires*, 2003, p. 131).

Как девочка становится женщиной? Согласно психоаналитической концепции, мальчику легче стать мужчиной: достаточно просто отказаться от любви к матери. Девочка же должна проделать двойную задачу: сначала она идентифицируется с матерью по принципу первичной идентификации (быть как мать), затем она отворачивается от матери, обращаясь к отцу, назначая его в качестве своего идеала Эго и либидинозного объекта, и после она проделывает путь вторичной идентификации с матерью, выбирая уже путь не быть как мать, а иметь те качества, которые имеет мать. Однако, если доэдипальный период девочки был окрашен сильной амбивалентностью в отношениях с матерью, если мать чрезмерно нарциссически инвестировала свою дочь, девочка рискует остаться идентифицированной с матерью по принципу первичной идентификации – и тогда в бессознательном мать навсегда остается для нее главным объектом даже при наличии мужа и собственных детей. Чрезмерное нарциссическое соблазнение со стороны матери приводит к запрету на развитие и отделение дочери, барьеру для эдипова комплекса, делает невозможными развитие собственной идентичности и приобретение взрослой сексуальности.

Мы можем поразмышлять, как в этом случае будет строиться идентичность девочки и женщины, если она осталась заложницей материнских нарциссических пут.

Ранее мы уже обращались к концепциям Ракамье, но не упоминали его неологизм «жизни в нежизни», олицетворяющий психическое «нерождение» нарциссически соблазненного ребенка. Вспоминается цитата Д. Винникотта: «Смерть» в психическом измерении выражается в невозможности дочери-заложницы развивать свою аутентичность, «истинную самость» (Винникотт, 1960). Вся ее самость – в залоге у матери, и тогда, будучи захваченной в «материнский плен», дочери, как правило, остается лишь два пути для самоидентификации: быть полностью похожей на мать или быть полностью противоположной. И в том, и в другом случае существует риск выстроить то, что Д. Винникотт называет «ложной самостью».

Швейцарский психоаналитик А. Миллер раскрывает суть нарциссических злоупотреблений, являющихся одной из форм материнского захвата. Она подтверждает большую деструктивность этих злоупотреблений именно в материнско-дочерних отношениях из-за принадлежности к

одному и тому же полу, усугубляющей массивные нарциссические проекции на дочь, которая воспринимается матерью как ее продолжение (Миллер, 1978). В случае нарциссических злоупотреблений дарования ребенка используются матерью не ради его собственного счастья и развития, а для удовлетворения потребности в признании и нарциссизма самой матери – и в этом А. Миллер видит настоящую драму жизни, которая приводит к потере и спутанности собственного Я ребенка – его драматичном растворении в Я материнского имаго.

Кажется важным рассмотреть аспект Женского и эротического – эти психические процессы «замораживаются» в условиях нарциссического захвата дочери собственной матерью. Ж. Шаффер говорит, что девочка может стать женщиной, только восстав против женского и материнского своей матери. Девочке необходимо на определенных стадиях либидинального развития превратиться в антагониста и соперницу своей матери в отношении ее женского материнского и женского эротического (Шаффер, 2021). Девочка может стать женщиной, только отделившись от матери и признав собственное автономное женское и сексуальное. Отделиться от матери, потерять ее – значит начать думать о ней как о женщине, и это происходит в период поворачивания девочки к отцу. Таким образом, главная задача девочки – выйти из захвата доэдипальной матери, опираясь на фаллические защиты и используя свою зависть к пенису. Но если этого не происходит, тиранический материнский объект – фаллическая архаичная мать – так и останется главным действующим лицом на внутренней сцене дочери. Ребенок-девочка не сможет выполнить работу по смене объекта – материнского на отцовский, и после вновь повернуться к матери, завершая эдипов конфликт вторичной идентификацией с ней.

Период Эдипа также связан с пассивацией. По словам Ж. Шаффер, спецификой женского эдипова комплекса является поворот с активности в активную пассивность, то есть развитие женского мазохизма. Именно благодаря ему все процессы, связанные с эротическими фантазмами девочки и ее сексуальными желаниями, должны будут подождать до того момента, пока не будут разбужены ее собственным эротическим партнером (Шаффер, 2021). Женский эрогенный мазохизм связан также со способностью женщины открываться и отдаваться во власть другого сексуального объекта и большого количество либидинального возбуждения. Как говорит Ж. Шаффер, истинная цель эрогенного мазохизма – наслаждение. И благодаря ему же мужчина побеждает женщину, а она оказывается побежденной. Недостаток эрогенного мазохизма происходит из недостатка материнских инвестиций своей дочери и приводит к путанице между потерей объекта и всецелой нарциссической потерей. Таким образом, любая нарциссическая потеря отсылает женщину к травматичному открытию разницы полов и открытию отсутствия у нее пениса. Женщина стремится справиться с этой потерей с помощью фаллических защит – и это мы часто можем наблюдать среди социально успешных женщин, достигших внушительных профессиональных успехов, но ощущающих большую психическую пустоту и страдание. Фаллическое инвестирует видимое и внешнее, мазохизм инвестирует внутреннее и интериоризированное.

Итак, согласно З. Фрейду, у девочки нет кастрационной тревоги, так как ее кастрация уже случилась, однако у нее есть кастрационный комплекс в виде зависти к пенису. И, как мы только что выяснили, этот комплекс обнаруживается каждый раз, когда девочка-женщина сталкивается с нарциссической угрозой. Точно так же, как фаллические притязания становятся защитой против кастрационной тревоги, любые внешние достижения становятся эквивалентом пениса. Женщина, чей нарциссизм основывается на фаллических ценностях, как правило, очень успешна в области профессиональных достижений, ее женственность и способность к пассивации заменены агрессивностью и обилием анальных защит.

Однако возможна и обратная ситуация. Ж. Шассге-Смиржель пишет о торможениях в умственной, профессиональной, творческой деятельности, в которой любой успех может приобретать бессознательный смысл фаллических завоеваний. И тогда, как отмечает Ж. Шассге-Смиржель, эдипово чувство вины женщины, связанное с превосходством над матерью, дублируется чувством вины перед отцом (Шассге-Смиржель, 1964). Достижения в профессиональной деятельности в бессознательном эквивалентны владению пенисом, и тогда те женщины, которые испытывают специфическое женское чувство вины, могут иметь тенденции к самокастрации, лишая себя возможности добиваться успеха. Интересно, что бессознательное владение пенисом означает для женщины, что она лишает этого пениса отца мать, а также то, что она кастрирует своего отца. Мы можем также рассматривать творческий процесс в контексте фантазма о первосцене, а творческий продукт как результат полового акта родительской пары. В книге «Тысячеликий Эрос» Дж. Макдугалл также связывает торможения в творческой деятельности с догенитальными отношениями субъекта со своими первичными объектами. «Пожалуй, нет такого творческого акта, который не переживался бы бессознательно как акт насилия и греха», — пишет она и связывает этот акт и продукцию собственного творческого «отпрыска» субъекта с кражей детородных органов родителей и использованием догенитальной сексуальности во имя собственных либидинозных, садистских и нарциссических целей (Дж. Макдугалл, 1999, с. 81). Разрешением для этого эдипального конфликта может стать интеграция бессознательных агрессивных импульсов к отцу (фактически деидеализация), менее амбивалентное отношение к матери, позволяющее девочке идентифицироваться не со всемогущей садистичной фаллической матерью, а с реальной.

В завершение этой главы хочется отметить трудности, с которыми неизбежно придется столкнуться женщине, чьи первичные отношения с матерью строились по принципу симбиотической нарциссической связи, были наполнены амбивалентными чувствами. Для женщины с тоталитарным материнским имаго навсегда сохранится риск либо воспроизводить в своей взрослой жизни сплавленную в единое целое, сращенную в неделимое диаду, наполненную мучительными чувствами зависимости и ненависти. Либо, напротив, маниакально не допускать близости, так как для нее близость будет означать внедрение и захват. Дочь, находящаяся в симбиотической связи со своей матерью, неизбежно наполнена

материнскими проекциями, не имеет ничего своего. Соответственно, она не может строить свою собственную жизнь, пока не разделится с матерью, не освободится от этих проекций. В некоторых случаях такое разделение приводит впоследствии к заболеванию матери и даже смерти. Этот исход снова подтверждает размышления о том, что при мощных симбиотических отношениях сепарация будет эквивалентна буквально смерти объекта. Кроме того, женщина с симбиотической проблематикой с первичным объектом может испытывать трудности с зачатием и вынашиванием ребенка. В предыдущей главе мы немного касались взаимосвязи недостатка третичности в отсутствие третьего – отца – и невозможности формирования репрезентативного пространства, необходимого женщине для зачатия новой жизни. Однако С. Фон-Пражье говорит также об образе архаичной матери, который неизбежно будет проецироваться женщиной на будущего ребенка. В отсутствие триангулярности в собственной инфантильной ситуации ребенок становится для женщины единственным мыслимым третьим, однако в то же время он не может быть зачат без того, чтобы эта перспектива не воспроизвела тревогу разрушения, которая реализует себя в буквальном «разрушении» беременности либо вообще невозможности зачатия. И мы снова возвращаемся к размышлениям о всемогущей архаичной матери, которая становится в бессознательных фантазиях женщины единственной, кому позволено зачать и выносить ребенка. Их бесплодные дочери снова оказываются маленькими завистливыми и беспомощными девочками, которыми были когда-то.

Заключение

Итак, в данной статье нами была предпринята попытка рассмотреть основные компоненты нарциссических, а потому окрашенных деструктивными чувствами взаимоотношений в диаде «мать – дочь». Мы постарались охватить наиболее значимые бессознательные аспекты, влияющие на формирование таких взаимоотношений, а также сконцентрировались на их последствиях для самости взрослой дочери, ее женской идентичности, а также профессиональной самореализации.

В разделе **«Роль доэдипального периода младенца-девочки и его влияние на будущие отношения с матерью»** мы рассмотрели значение бессознательных страхов и фантазмов матери, а также место мощнейших идентификационных процессов, включающих не только отношения матери с дочерью, но также ее отношения со своей собственной матерью в ранний период жизни.

Тема деструктивности в отношениях матери и дочери неизбежно затрагивает аспекты инцестуозности как подтверждение симбиотической проблематики и ненависти субъекта в ответ на переживание своей зависимости от объекта. Поэтому аспекту инцестуозности в диаде «мать – дочь» мы уделили отдельное внимание в одноименной части **«Аспект инцестуозности в диаде "мать – дочь"»**.

В разделе **«Роль идентификационных процессов и спутанность идентичностей»** была предпринята попытка описать психодинамический аспект взаимодействия матери и дочери в разрезе сложных идентификационных процессов, наделяющих эту пару. Мы обратились к размышлениям и виньеткам французских психоаналитиков, иллюстрирующим трудности обретения ребенком-девочкой собственной идентичности. Этот процесс неразрывно связан с сепарацией от первичного объекта, которая изначально более затруднена в связи с отсутствием половых различий – эти трудности были подробно описаны в параграфе **«Возможности сепарации»**. Важной частью этого раздела стали размышления о трудностях сепарации с плохим объектом: отношения, окрашенные ненавистью, становятся неразрывными, и сепарация в них бессознательно воспринимается как угроза целостности как субъекта, так и объекта.

Раздел **«Роль и влияние третьего в диаде "мать – дочь"»** очень важен для понимания причин и предпосылок развития симбиотических и деструктивных взаимоотношений матери и дочери. В «нарциссической материнской вселенной» отец часто оказывается физически или психически исключенным из диады «мать – дочь», не инвестированным матерью как объект желания. Это приводит к недостатку третичности в психическом дочери, что в свою очередь влияет на ее зрелую сексуальность и идентичность как женщины и будущей матери.

Наконец, статья завершилась разделом о **влиянии нарциссических отношений в «диаде – мать» дочь на идентичность женщины**, в которой мы постарались упомянуть наиболее важные последствия нарциссических отношений матери и дочери, окрашенных сильными деструктивными чувствами последней и потому тотально затрудняющих сепарацию и автономную психическую жизнь.

В завершение кажется важным еще раз остановиться на состоянии противоречивости и некой тенистости, покрывающей тему материнско-дочерних отношений. В современном обществе довольно распространены тенденции, поощряющие чрезмерно близкие отношения между матерью и дочерью, тенденции, которые между тем способствуют сокрытию обратной стороны этой близости – нарциссического и идентификационного злоупотребления со стороны матери. Деструктивность, выражаемую видимым экстремальным способом, заметить легче, чем ту деструктивность, которая скрыта под личиной материнской любви и заботы, однако обе формы подобной «материнской любви» несут в себе паталогическое воздействие для психического мира младенца-девочки, девушки и будущей женщины. Нередко дочь становится заложницей не только своей матери, но и общества в целом, зачастую замалчивающего эту проблематику.

Мы надеемся, что различные формы патологии материнской любви и деструктивного взаимодействия в диаде «мать – дочь» привлекут большее внимание со стороны психоаналитиков как с точки зрения научного интереса, так и с позиции общественно-социального явления, обладающего своими особенностями и «слепыми пятнами».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андре Ж.* 100 популярных концептов психоанализа.
2. *Винникотт Д.* Игра и реальность. (Серия «Теория и практика психоанализа»). М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002.
3. *Грин А.* Отношение «мать – дитя», несомненно, инцестуозное // Ж. Андре, А. Бир и др. Инцесты. М.: Когито-Центр, 2017.
4. *Кристева Ю.* Черное солнце меланхолии. М.: Когито-Центр, 2012.
5. *Курню-Жанэн М.* Формы инцеста. История и предыстория // Ж. Андре, А. Бир и др. Инцесты. М.: Когито-Центр, 2017.
6. *Лебовичи С.* Во взрослом – младенец. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008.
7. *МакДугалл Д.* Тысячеликий Эрос. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1999.
8. *Миллер А.* Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. М.: Академический проект, 2006.
9. *Наури А.* Инцест, не переходящий в действие: взаимосвязь матери и ребенка // Ф. Эритье, Б. Цирюльник и др. Инцест или кровосмешение. М.: Кстати, 1999.
10. *Пайнз Д.* Бессознательное использование своего тела женщиной. М.: Корвет, 2016.
11. *Спикер Ж.* «Образ отца». Источник: Психоанализ: от теории к практике.
12. *Фрейд З.* О женской сексуальности // Сексуальная жизнь. Т. 5. М.: Фирма «СТД», 2006.
13. *Фрейд З.* Лекция 33. Женственность // Введение в психоанализ. (Часть 4, лекции 29–35). М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
14. *Шассге-Смиржель Ж.* Женское чувство вины. О некоторых специфических характеристиках эдипова комплекса // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005.
15. *Шаффер Ж.* Женское: один вопрос для обоих полов / Пер. А. И. Коротецкой. [Электронный ресурс] URL:<https://psychic.ru/articles/modern/modern05.htm> (дата обращения 10.03.2022).
16. *Шаффер Ж.* От не-отца первобытного племени к отцу-любовнику и эдипальному отцу // Журнал клинического и прикладного психоанализа, № 1.
17. *Шаффер Ж.* Женское: один вопрос для обоих полов. НИУ ВШЭ, 2021.
18. *Эльячефф К., Эйниш Н.* Дочки-матери. Третий лишний? М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016.
19. *André J.* (2003). L'Empire du même. Mère et fille: la menace de l'identique. P. 11–22.
20. *Balestriere L.* (2003). Entre mère et fille: hystérie ou mélancolie? Mère et fille: la menace de l'identique. P. 77–94.
21. *Cyssau C.* (2004). Les dépressions de la vie. Presses Universitaires de France. P. 232.
22. *Faure-Pragier S.* (2003). Défaut de transmission du maternel. Absence de fantasme, absence de conception. Mère et fille: la menace de l'identique. P. 53–57.

23. *Le Nestour A.* (2003). Quelques réflexions sur la relation précoces entre mère et bébé fille. *Mère et fille: la menace de l'identique*. P. 23–51.
24. *Palacio-Espasa F.* (1988). Considérations sur lenarcissisme à la lumière de l'agressivité et de la destructivité de la vie psychique. P. 41–42.
25. *Racamier P.-C.* (2021). *L'inceste et l'incestuel*. Dunod. P. 192.
26. *Squires C.* (2003). Et si c'est une fille? *Mère et fille: la menace de l'identique*. P. 119–140.

Hatred in the mother-daughter dyad

E. S. Zelinskaia

Zelinskaia Evgeniia S., psychologist (HSE), psychoanalytically oriented psychotherapist.

It is known that from the point of view of psychoanalysis, the maternal function plays a dominant role in the formation of the mental foundation and the development of the whole mental life of a person. However, as it seems to us, it is in the mother-daughter pair that maternal function acquires its peculiar features distinguishing mother-daughter dyad from other genealogical pairs. The reason for this lies not only in the single gender of mother and daughter, but also in the very physiological aspect of carrying and giving birth, unconscious projective and identity conflicts, narcissistic abuses by the mother, and the difficulties associated with the process of separating the daughter and her acquisition of her own identity. K. Eliacheff speaks of a daughter's «oppressed sense of self» (Eliacheff, 2008) simply because she has a mother, thereby bringing the identity issue to the fore, but immediately notes that not much attention is paid to this very issue even in the psychoanalytic space. Daughters are indeed in a more vulnerable position than sons in relation to both mother and father – despite the same sex the father-son dyad is initially divided by the mother's body, and only «the mother is the only one of the three sides of the Oedipus triangle who has a carnal connection with both the child's father and the child» (Green, 2007).

Speaking of the relevance of the topic of this article, it is also worth mentioning socio-cultural factors. In today's society, one can observe how a special form of intimacy between mother and daughter becomes the ideal of the mother-daughter relationship. «Mom is my best friend», «I have no secrets from my mother» – such words can often be heard from young women for whom closeness with their mother is an expression of their joint personal achievement, a point of pride. Joint shopping, vacations and photo shoots, often of an explicit nature, are not only normal but also possible, but the flip side of this mother-

daughter intimacy is seemingly overlooked: the blurring of generational boundaries and the incestuous aspect of the relationship. Society pays a lot of attention to the incestuous relationship between father and daughter, as well as the rarer, but still present, cases of incest between mother and son, but almost no one talks about the incestuous relationship between mother and daughter. At the same time, it is this genetic couple that is more susceptible to «platonic incest» (Naury, 1999), a less obvious but probably no less pernicious form of incest between parent and child. The role of the third father, whose presence is necessary for an adequate mother-child relationship of either sex, also changes, but it is the mother-daughter pair that is more susceptible to identity confusion in the absence of a separating third. Moral and socio-cultural changes in society, the weakening of the institution of marriage, progress in reproductive technology lead to the fact that women often not only raise children alone, but also conceive them without having sexual relations at all (for example, through IVF). All of this gives rise to thoughts about maternal parthenogenetic fantasies and maternal omnipotence, which in the mother-daughter dyad acquires the most archaic and destructive forms.

Not every woman becomes a mother, but every woman has or had a mother. What kind of mother she was, and what kind of relationship she had with her, affects the whole future life and identity of a woman, exposing massive unconscious processes related to incestuous, identity-based, separational problems, which often complicate a woman's path to finding her own identity, motherhood, adult sexuality.

This article attempts to understand the mother-daughter relationship from the perspective of the above-mentioned conflicts in conjunction with the feelings of hatred that inevitably accompany them.

Keywords: ambivalence, feminine, identity, development of a woman, mother and daughter, separation, incest, Racamier, motherhood, female sexuality, Shaffer, envy, hatred, ambivalence conflict, symbiosis, narcissistic seduction, narcissistic object, fetish, splitting, denial, omnipotence, female pleasure, primaryambivalence, feminine, identity.

Психоаналитический взгляд на проблему идентичности и ее кризиса

И. А. Белоусова

Белоусова Ирина Андреевна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант, врач-психиатр-нарколог, психотерапевт, член Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК), член Российского общества психиатров (РОП).

Феномен идентичности в общепринятом социально-психологическом понимании рассматривается как отражение понимания себя и опыта коллективной принадлежности, выраженное в селекции индивидуальных норм внутри разных категорий жизни: «Как кто я?», «Достаточно ли во мне качеств, чтобы считать себя тем-то?» Внимание психоаналитического взгляда уделяется не только категориям и нормам, но еще и процессу возникновения субъективного опыта идентичности. И взаимодействию этого опыта с другими переживаниями и силами внутри разума и тела индивида. Рассмотрим взгляды классического психоанализа, лакановской школы и школы объектных отношений на проблему идентичности, чтобы связать их с клинической картиной переживания кризиса идентичности клиентами разной структуры личности. И создать представление о сути терапевтических стратегий при работе с ними.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, Фрейд, Лакан, Фонаги, пограничные состояния, невроз, психоанализ, объектные отношения, самость, Эго.

Фактически психоаналитическая перспектива предлагает ответ на вопросы «как осмысляется опыт переживания самого себя?» и «какие силы ограничивают полноту осмысления опыта идентичности?» (Vanheule, Verhaeghe, 2009). Можно сказать, что психоанализ и идентичность (с учетом процессуального аспекта) – братья-близнецы в своей

конструктивистской сути (Frosh, 2011). Они конструируются – и объединяют категориальное и процессуальное понимание.

Идентичность – конструкт, характеризующий единство великого множества элементов жизни человека, рисующий ядро сознательно распознаваемой самости и определяющий субъекта во взаимодействии собою-с-другим.

Психоанализ – также конструкт, но только нарративный, создаваемый при опросе и интерпретации со стороны психоаналитика. Это проявляющий субъекта в языке конструкт пересечения внутренних динамических сил при встрече с актуальной реальностью и догадкой о ней. Внутренняя согласованность, ощущение плотной идентичности при этом достигается путем объединения воедино различных аспектов опыта человека в аналитическом процессе. Можно сказать, что в психоаналитическом процессе субъект конструирующим-в-речи способом наделяется идентичностью, познавая себя, осмысляя опыт своего бытия. Он узнает, каким социальным группам он идентичен в своем «ядре», в противовес не-идентичности всем другим людям. «Как кто я?» и «На кого я не похож, кем я не являюсь?»

В психоаналитическом взгляде идентичность постоянно конструируемая. То есть мы можем к ней стремиться, но не можем ее достичь полностью.

В свете аналитического прожектора **нарушения идентичности** могут быть охарактеризованы как ситуация утраты индивидом приватной безопасности ментальной конструкции при расхождении с его бессознательной жизнью, внутренней сценой. То есть «что внутри» не соответствует тому, «что снаружи» и «отражениям того, что снаружи», другими. Разрыв с реальностью – это континуум деконструкции идентичности. И аффективная аранжировка такой утраты/деконструкции/разрыва – чувство тревоги.

Кризис идентичности рассматривается психоанализом как процесс, когда внутренний и внешний миры, спозиционированные в социальных связях с другими «похожими на меня» людьми, переживают трансформацию этих связей. То есть процесс деконструкции чего-то старого и конструирования чего-то нового в идентичности. Транзиторное состояние, временное увеличение диффузии идентичности вокруг процесса ее ресинтеза, сопровождающееся нарастанием и последующем снижением тревоги. Рассмотрение психоаналитического видения конструирования идентичности может помочь глубже понять этот процесс.

Фрейдистская перспектива в вопросе идентичности

Теория Фрейда времен первой топки рассматривала идентичность практически как синоним Эго. Филогенетически это фокусированное на восприятии и сознании развитие адаптивного аппарата для выживания. С онтогенетических позиций Эго – результат последовательных идентификаций с объектом привязанности, обладающее лишь относительной

автономией из-за необходимости интегрировать требования реальности, Ид и Суперэго.

С динамических позиций Эго – сторона невротического конфликта, где реализуются защиты и сигнальная тревога (*Freud, Breuer, 1955*). С экономических – организация ассоциативно связанных репрезентаций, наделенных эндогенной энергией, реализующая синтетическую функцию и подавляющая первичный процесс во избежание неприятных ощущений (*Freud, 1966*).

Априорной идентичности, по Фрейд, нет: она развиваемая в процессах идентификации. Вначале Эго нет, есть только аутоэротические влечения. Это Фрейд описывал в своих работах, посвященных нарциссизму, меланхолии и Эго (*Freud, 1957b, 1957c, 1961*). В этих работах Эго предстает как бесконечная попытка вернуться к первичному нарциссизму через идеальные критерии, выдвигаемые Другим. То есть Эго происходит из и от Другого, интерактивно конструируясь во взаимодействии через репрезентации.

Эго начинается с первичной идентификации – ребенка с родителем, это самая ранняя форма эмоциональной связи (*Freud, 1955*). И далее расширяется путем наслоения идентификаций через систему «восприятие – сознание» с иными объектами (*Freud, 1961*), противоречия между которыми становятся основой внутренней разделенности Эго. При этом защитный процесс, устанавливаемый самим Эго, вызывает внутреннее разделение конструирующих репрезентаций.

Социализация и формирование нравственных опор реализуются также в процессе идентификации, когда ребенок формирует свое Я по образу и подобию образца родительских фигур. При этом на бессознательном уровне воспроизводится «слепок» родительских фигур в качестве структуры Суперэго, и этот процесс назван интроекцией. И тогда идентификация заменяет объектную либидинозную связь. Реализуется структурообразующая функция идентификации примерно до шести лет.

Взгляд Лакана на вопрос идентичности

В лакановской перспективе субъективности человеческое развитие направляют образы. Идентичность рассматривается логически: идентичность – это равная самой себе сущность, а опыт идентичности – результат механизма идентификации, запускающегося при ответе на вопрос «Кто я?» (*Lacan, 1961–1962*).

Изначально у Лакана Эго выступает реакцией против хаотического тревожного состояния, в которое погружен младенец из-за соматической незрелости, нехватки сенсорной и моторной координации, фрагментированного восприятия мира и либидинозной тяги. И в примитивном своем варианте Эго соответствует зеркально отраженному образу тела, помогающему ребенку иллюзорно увидеть себя как единство (идентичность), предвосхитить состояние субъективной завершенности и снизить тревогу. Первоначально образы выхватываются извне, как что-то идеальное, полезное для интеграции хаоса. Вопрос «Кто я?» ретроактивен после

информации «Ты – это». У Лакана идентификация предстает непрекращающимся иллюзорным поиском, задача которого – убедиться в своем бытии (Лакан, 1998).

В дальнейшем развитии своих взглядов Лакан отходил от своих предположений об овладении телесными процессами через развитие мыслимого образа тела. Проблему зеркального процесса Лакан переместил на уровень желания: желание другого остается угрожающей загадкой для субъекта. Отсутствие готового ответа на вопрос «Что от меня хочет Другой?» тревожит субъекта, но в то же время создает развитый вызов. Ответ на вопрос «Кто я?» тогда становится ответом на вопрос «Что со мной хотят сделать?». И возникает, когда субъект рассматривает реакции Другого на свои проявления, желая убедиться, что Другой желает того содержания, с которым субъект идентифицируется. Процесс идентификации символически опосредован определяющими принятием образов Я Эго-идеалами, которые субъект берет в дискурсе Другого и затем кристаллизует в своих идентификациях. То есть Эго-идеалы – это привлекающие внимание черты и особенности Другого, которые субъект считает «ключами» к ответу на вопрос загадки Другого (чего хочет Другой?). Так появляются ответы на вопрос «Кто я и кем хочу быть?», так появляется шанс субъекта быть признанным и любимым, соответствовать желанию Другого, и так снижается тревога и организуются отношения. Потому Лакан и пишет, что желания человека – есть желания Другого (Lacan, 2006). Развитие Эго и формирование идентичности выходят за рамки способа успокоить внутренний хаос и предстают как «ориентиры» желаний Другого.

Но еще позже Лакан снова передумал и, деконструировав собственную систему двойных зеркал, сообщил, что измерение субъективности не может быть понято в рамках симметричной логики зеркального отражения, потому что эффект зеркального отражения частичен (Lacan, 2004). Остается еще несимволизированный, нерепрезентируемый аутоэротический остаток влечения, который «не укомплектовался» в организации образа тела и организации отношений, – «Объект а». Он не может быть зеркально отражен или представлен, у него нет аналогичного ему образа, его нельзя мыслить классически психоаналитично (Lacan, 1998). Объект а находится на пересечении символического, воображаемого и реального и создает разрыв в опыте идентичности. Он противоречит тому, что мы думаем о себе, и выражает нехватку бытия (репрезентативное небытие), вокруг которой вращается желание. А личность, Эго и идентичность, отражающие зеркальную – организованную символическим и воображаемым регистрами, – сторону субъективности, защищают нас от тревожащей реальности Объекта а.

С этого момента в лакановском понимании субъективность становится разделенной сущностью, поскольку бессознательный дискурс Другого лишает субъекта какой-либо тождественности (Lacan, 1973). Опыт идентичности фундаментально отчужден и конструируется посредством идентификации с чужеродными элементами – означающими конфликтующих желаний Другого. И они разделяют собой и через себя субъекта. *Неудача отождествить Я с его образом в зеркале Другого неизбежна из-за бреши*

между тождеством и бытием, между означающими желание Другого и реальным Другим. Само понятие идентификации говорит нам об этом вечном конфликте реального с воображаемым и символическим. Можно сказать, что, по Лакану, личность синтезируется из идентичности и негативности. А психоанализ способен найти травму, в которой идентичность начала теряться (Лезьер, 2020).

Идентичность в перспективе современной теории привязанности

Самым современным из психоаналитических взглядов на вопрос идентичности является концепция Фонаги в рамках теории привязанности (*Fonagy, Target, 1996, 2000, 2007*). Эта концепция интегрирует представления Фрейда, Лакана, идею самости, психологию развития и когнитивную психологию, фокусируясь на сочетании саморазвития и развития аффектов (процессов соматического происхождения, которые для Фрейда были источниками влечений). В психоаналитической теории развития *самость рассматривается как расширение опыта Другого*, продукт поведения Другого во взаимодействии с субъектом. А функция ее – проверка реальности в моменте, проверка связи и соответствия между восприятием происходящего внутри и репрезентациями внешнего мира.

Априорной интересубъективности у младенца нет, но есть тенденция фиксировать случайные события внешнего мира и биологическую обратную связь (мимика лица, голос) от окружения из-за врожденной чувствительности. Внутренние ощущения и состояния сочетаются с обратной связью об этих ощущениях со стороны растящих Других. Сначала лицо матери выступает в качестве означающего, а собственные переживания младенца – как означаемое. Затем младенец учится различать свои первичные внутренние состояния и создает их вторичные репрезентации. И так создается система репрезентаций, укореняющаяся в речи.

Поскольку воспитание (в норме) представляет собой сочетание заботы и регуляции (родительское аффективное отзеркаливание), система репрезентаций выполняет и развитийную, и регулирующую аффект функции (*Fonagy et al., 2002*). В дальнейшем эмпатическое аффективно-зеркальное взаимодействие родителей с ребенком ведет к построению репрезентаций второго порядка и их саморегулирующей работе. По мере становления самости ребенок учится через управление своими эмоциональными выражениями управлять реакцией другого, и так снижается тревога за счет приведения к единому знаменателю обратной связи и собственных впечатлений.

То есть трансформация конституционального Я в комплекс репрезентаций происходит в процессе присваивания ребенком зеркальных представлений аффективных состояний. Это же создает возможность для ребенка почувствовать себя агентом саморегуляции (*Fonagy et al., 2002*).

По Фонаги, формирование вторичных репрезентаций о собственных аффектах является основой мышления о себе и о другом (ментализации). Реальность структурируется в двух режимах: *эквивалентности* (что

внутри меня и Другого, то и в реальности, репрезентации связаны с реальностью, и устанавливается твердое чувство самости) и *притворства* (связь с реальностью отсутствует, репрезентации только умозрительные – как «представления о том, что происходит»... но можно безопасно исследовать реальность, пока она не стала настоящей). Интегрируются эти режимы, когда зеркальное отражение аффектов ребенка воспитателем качественное, то есть конгруэнтное аффектам ребенка, и есть возможность выстроить истинный порядок репрезентаций (по сути, пройти Эдип). Если у ребенка нет понимания, что родитель именно отражает внутреннее состояние и нет конгруэнтности этого отражения, то ребенок не может сделать свой опыт управляемым. Фактически это и есть основа разрыва с реальностью: я чувствую что-то неназываемое, ты мне показываешь другое (и зачастую тоже неназываемое), все это не сходится, что из этого правда – не ясно. Эта ситуация называется девиантным, некорректно настроенным отзеркаливанием. Оно ведет к созданию «чужой самости» с невозможностью воспринимать свои настоящие чувства и желания, правильно считывать чужие настроения (основа «социальной слепоты»), с расщеплением и проективной идентификацией впоследствии. То есть ведет к расстройствам нарциссического круга (*Bateman, Fonagy, 2004*). Стоит отметить, что некорректность на практике присутствует в любых детско-родительских отношениях, как тот самый лакановский разрыв из-за невозможности полного единства.

Сгладить разрыв между конституциональным Я и тем Я, которое некорректно отзеркаливает ребенку воспитатель, можно в процессе воспитания за счет нарратива – словесно восполнять пробелы самоструктуры (*Fonagy et al., 2002*). В процессе психодинамической помощи аналогом такого сглаживания можно назвать обеспечение клиенту доступа к его психическим состояниям и вынесение их в слова. Фактически Фонаги говорит примерно то же самое, что и Лакан, но делит отзеркаливание на корректное и некорректное, что имеет свои клинические последствия в виде неадекватных саморепрезентаций и разных приближающихся к дезорганизации состояний. Некорректное отзеркаливание по Фонаги может быть конгруэнтным немаркированным – и ведущим к пограничному расстройству личности (в клинической терминологии), и неконгруэнтным – и ведущим к нарциссическому расстройству личности, если вдаваться в подробности.

Клинические следствия

Можно сказать, что в психоаналитической перспективе мы становимся собой на основе сходства и подобия с другими. Осмысление опыта идентичности и самостоятельности, оценка себя самого и других связываются психоанализом с принадлежностью к другим и группам других по схожести в качествах, подразумеваемых в категориях идентичности. Переживание идентичности развивается во взаимодействии между телесным побуждением, результирующим требованием младенца и зеркальным отражением по отношению к Другому. И чем меньше у человека

ответов на вопрос «Кто я?», тем меньше у него возможностей регулировать свои влечения. Вне зависимости от различий классификаций и взглядов мы встречаемся с пониманием идентичности в психологии как некоего постоянно реконструируемого сложного буферного звена между человеком и другими.

Нормативное, сообразное реальности мышление формируется в процессе конструирования идентичности, когда выстраивается логика, истинный порядок репрезентаций. В терминах Фрейда, происходит переход мышления первичного процесса к мышлению вторичного процесса. Ненормативность мышления и вариант деконструкции – следствие характера и качеств динамической связи субъекта и отзеркаливающего его Другого в процессе воспитания.

Причем невозможно сказать точно (курица или яйцо, родитель или ребенок), кто именно выбрал вариант невроза – Лакан возлагает эту ответственность на ребенка (активное принятие репрезентаций и их интерпретация), Фонаги – на воспитателя (как он отражает аффективные состояния ребенка). И фрейдовский взгляд конкретно этот момент не проясняет. Возможно, ребенок мыслит себя и свое окружение, исходя из того, что ему это окружение предложило, и этот материал возвращается к окружению в своеобразном круговороте пазлов идентичности.

И тогда в разной степени дезорганизованная идентичность может быть рассмотрена как сложное *самоощущение «несовместимости переживания»* (Fonagy et al., 2002), вызванное дезорганизацией отношений, которых перестало быть достаточно для формирования ответа на вопрос «Кто я?». Или эти ответы окрашены некоторым несоответствием реальности. Или отношений для ответов никогда не было достаточно.

Кризис идентичности в этом случае – транзитное состояние переживания утраты связи с важным Другим, в которой ранее конструировалась идентичность: становится невозможно получить ответ на вопрос «Кто я?» в этих отношениях. Термин «кризис идентичности» отражает поломку функции конструирования и относительной стабильности идентичности: стабильности отражающего Другого и достаточной ясности отражений.

Выйти из этого состояния субъект может самостоятельно. Но только если в актуальной ситуации может работать «рефлексивный режим» и ранее был сформирован опыт создания истинно репрезентативного порядка (то есть в достаточной степени пройден Эдип). Это называется прогрессивный путь кризиса идентичности (Frosh, 1991). Тогда непрерывность самости сохранна во времени и в различных ситуациях. Поэтому кризис, как правило, завершается формированием гибко функционирующей консолидированной нормальной идентичности (Kernberg, 2000).

Но есть также и регрессивный путь кризиса идентичности, предполагающий углубление дезорганизации и нарастание тревоги. Следуя логике, такой путь предполагает недостаточную сохранность самости на фоне утраты отзеркаливающего Другого. Проявления дезинтеграции идентичности симптоматически выглядят как чувство пустоты, поверхностность, противоречивое поведение, тревога, импульсивность, бессвязные

представления о себе и иные проявления ослабленного фрагментированного Эго (*Kernberg, 1985*).

С этих позиций неврозы и пограничные состояния можно рассматривать как «путь по кризису идентичности» клиентов разных структур. И подходить в таких случаях к клиенту нужно как к тому, кто, вне зависимости от актуальной структуры, однажды может научиться говорить о своих желаниях и о себе и при этом смириться с подвижностью и недостаточностью идентичности. А также выбирать новые подходящие объекты привязанности в соответствии с истинным репрезентативным порядком, формальной логикой и требованиями реальности.

Невротическая и пограничная структуры в призме процесса конструирования идентичности

Рассмотрим клиентов разных структур через процесс конструирования идентичности и ее кризиса (временного процесса реконструкции).

Если интеграция ответов с реальностью стабильно ослаблена за счет несовместимости идентификаций со значимыми другими в отношении влечений и желаний и **конфликт размещен внутри переживания идентичности**, – это **невроз**. И самопереживание здесь можно назвать выстроенным, но истинно конфликтным – отражающим несовместимость этого желания с этим объектом. Можно сказать, что в условиях лакановской субъектной разделенности не хватило сглаживающего нарратива по Фонаги для достаточной интеграции конфликтной расщепленности Эго по Фрейду.

И тогда субъект начинает интегрировать несовместимое желание с объектом посредством фантазии. Возникает невротический цикл повторения сценария фантазии. Анализ цикла повторения может помочь преодолеть запускающую его фантазию, если одновременно обойти доминирование Другого и настойчивое стремление влечения. В процессе это выглядит примерно так: аналитик с принятием и поддержкой относится к высказываниям анализанта об идентичности в переносных отношениях (*Verhaeghe, Declercq, 2003*). Но фокус при этом – на отношениях анализанта с объектом а: аналитик никогда не сможет полностью стать тем, кем его желает видеть пациент (это называется Лаканом «символическая кастрация»), а клиент никогда не сможет интегрировать желание в свою идентичность целиком. То есть вносится дистанция между реальным положением дел и интериоризированными образами других внутри клиента.

Нет цели вернуться к некоей конкретной аутентичной идентичности. Это и невозможно: всегда останется некая часть драйва, не охваченная репрезентациями. Она будет оказывать тревожащее воздействие на переживание идентичности. *Скорее речь идет о формировании самостоятельной способности встречаться с ранее превращенной в фантазию, замолчанной или иначе преподнесенной частью реальности, опираясь на*

свои чувства и ощущения. И быть с этим в реальности. То есть в рамках невротической структуры выход из кризиса идентичности выглядит как бережная встреча с правдой.

Если ответов на вопрос субъекта «Кто я?» изначально не хватало (дефицит) в отношениях с первичными значимыми объектами вследствие их нестабильности, мы будем иметь дело с **устоявшимся расстройством пограничного круга**. И самопереживание здесь можно назвать скорее хаотическим. То есть присутствует не просто конфликтность внутри идентичности, а изрядная степень ее неоформленности. Вопрос «кто есть кто» в семьях, в которых росли такие клиенты, решался не через речь, а через действия, нередко угрожающие жизни (*Verhaeghe, 2004*). Или через перманентное конструирование необъясненных небезопасных ситуаций со смещением ролей.

Способность к регуляции аффекта с помощью ментализации у пограничного клиента истощена, он не может перенести телесный опыт в ментальные репрезентации и отказывается от него (это выглядит как отказ от своих истинных чувств и желаний). Связь «аффект – репрезентация» разорвана. Отреагирование идет через действие. То есть субъект делает с собой все то же самое, что с ним делали его родители, стабилизируя меру хаоса и привычное хаотическое самоощущение.

Терапевту предстоит создать «нормальное стабильное зеркало» и помочь пациенту восстановить связь между аффектами и репрезентациями, то есть воссоздать процесс ментализации. Это можно сделать так, как делал сам Фонаги: следить за телесными проявлениями клиента и спокойно возвращать ему то, что они могут говорить о внутренних переживаниях клиента. И для пограничных клиентов именно так восстанавливается истинный репрезентативный порядок, предполагающий дистанцию между самим субъектом и интериоризированными образами, полученными от других. То есть для клиентов пограничного круга выход из кризиса идентичности – это внимание и доброе, создающее связи родительское отношение.

Таким образом, психоаналитический взгляд на вопрос идентичности фокусируется не на содержательном, а на функциональном аспекте, предполагающем процесс ее конструирования как базы для формирования нормативного логического мышления (переход от мышления первичного процесса к мышлению вторичного процесса (*Freud, 1957a*) и структуры психики клиента. Свободные ассоциации и интерпретации классического психоанализа для работы с клиентами невротического круга, интеграция режимов эквивалентности и притворства в режим рефлексии для клиентов пограничного спектра – все эти инструменты укладываются в канву аналитического процесса, предлагающего принятие проявлений клиента аналитиком и возможность достаточно спокойно пережить их разумом аналитика.

Можно работать не классически, а с применением одной из возможных моделей психодинамической помощи на основе поддерживающе-экспрессивного метода Л. Люборски, тезисно смысл которой можно охарактеризовать так:

- если бы не другие люди, мы легко перевели бы свои потребности в поступки (ищем «тени» других людей, которые мешают в вербальном и невербальном рисунке конфликтной ситуации);

- следствием этого являются реагирование клиента и реакции людей вокруг него. Внутри этих отношений и формируются неудовлетворенные потребности;

- неудовлетворенные из-за других людей потребности – это социальные ограничения; то есть вариант разворота эдипова комплекса: вы что-то хотите, но вам не дают, что делать?

- значит, у клиента есть выбор: ждать условной «смерти» того другого человека (который мешает) или начать искать новые способы разрешения ситуации за свой адаптивный счет.

- в процессе тщательной проработки выбирается, исследуется и тестируется новая функциональная модель идентичности, принимая которую человек разрешает свои социальные ограничения.

Количество сессий контрактируется от шести до 25, один-два раза в неделю. Далее возможен переход в среднесрочное и долгосрочное взаимодействие (*Luborsky, 1991*).

Важно отметить, что в этом методе мы пользуемся стандартными психоаналитическими инструментами, побуждая клиента излагать свои мысли и чувства, а затем даем им интерпретацию. При этом у каждого клиента довольно ограниченное число тем, в которых содержатся действительно конфликтные отношения.

По Люборски, мы рассматриваем клиента с любой структурой личности как априори пограничного клиента, то есть человека с неразрешимым конфликтом на уровне «я очень хорошо понимаю, чего я хочу, и сказать об этом не знаю как», внося это заранее считающееся фрагментированным восприятие в рамку невротического конфликта «я хочу, но мне не дают» (конфликт выбираем истерический). То есть процессуально интегрируем в одной модели подход Фонаги и подход Лакана.

И без большой поддержки и устойчивого Я консультанта процесс застопорится на агрессии клиента к консультанту (как у пограничного клиента). Это сопротивление, и оно означает, что не хватило поддержки, интереса к клиенту, принятия, понимания, защиты, выраженной в подлинно совместной работе над проблемами клиента и бережном выявлении его ранее не осознаваемых составляющих поведения.

Клиент встречается с реальностью в моменте, когда выбирает: ждать исчезновения Другого или искать новый способ, новые пути разрешения проблемной ситуации (и конструировать обновленную идентичность, следовательно)? И тогда предстоит признать ограничения реальности и начать действовать за свой счет (начинать поиск вариантов – это метафора Другого, – и соотноситься с ними).

Целью такого подхода ставится не только (и не столько) решение актуального конфликта, сколько смягчение переживаний и отрицательных последствий дезадаптации. Аналитик призван помочь клиенту выйти к самостоятельному конструктивному решению задач, стоящих перед ним. Так в клинической ситуации восстанавливаются нормальное отзеркаливание и способность пациента регулировать аффект. Так приходит признание реальности и способность выбирать новые адекватные и своевременные решения, чтобы взаимодействовать с ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лакан Ж.* Стадия зеркала как образующая функцию я, какой она раскрывается в психоаналитическом опыте (1946) / Пер. с фр. В. Лапицкого // Кабинет: картины мира. СПб.: Инапресс, 1998. С. 136–142.
2. *Лезьер В. А.* Идентичность в процессе реконструкции субъективности в дискурсе Жака Лакана // Манускрипт. 2020. Том 13. № 12. С. 224–229.
3. *Bateman A. W. Fonagy P.* (2004) Psychotherapy for borderline personality disorder: Mentalization-based treatment. Oxford, UK: Oxford University Press.
4. *Fonagy P. Target M.* (2000) Playing with reality: III. The persistence of dual psychic reality in borderline patients. International Journal of Psychoanalysis. London.
5. *Fonagy P. Target M.* (2007) The rooting of the mind in the body: New links between attachment theory and psychoanalytic thought. Journal of the American Psychoanalytic Association.
6. *Fonagy P., Gergely G., Jurist E. L., Target M.* (2002) Affect Regulation, Mentalisation, and the Development of the Self. New York: Other Press.
7. *Freud S.* (1966) A project for a scientific psychology (1950) / In J. Strachey ed. and trans // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 1. London: Hogarth.
8. *Freud S.* (1955) Group psychology and the analysis of the Ego (1921) / In J. Strachey ed. and trans. // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 18. London: Hogarth.
9. *Freud S.* (1957) Instincts and their vicissitudes (1915) / In J. Strachey ed. and trans // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. London: Hogarth.
10. *Freud S.* (1957) Mourning and melancholia (1917) / In J. Strachey ed. and trans. // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. P. 237–260. London: Hogarth.
11. *Freud S.* (1957) On narcissism: An introduction (1914) / In J. Strachey ed. and trans // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. P. 67–102. London: Hogarth.
12. *Freud S.* (1961) The Ego and the Id (1923) / In J. Strachey ed. and trans // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 19. P. 1–66. London: Hogarth.
13. *Freud S., Breuer J.* (1955) Studies on hysteria (1895) / In J. Strachey ed. and trans // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 2. London: Hogarth.

14. *Frosh S.* (2011) Identity after psychoanalysis / Elliott, A. (ed.) // Routledge Handbook of Identity Studies. Routledge International Handbooks. Abingdon, UK: Routledge.
15. *Frosh S.* (1991) Identity Crisis: Modernity, Psychoanalysis and the Self. London: Macmillan.
16. *Kernberg P. F., Weiner A. S., Bardenstein K. K.* (2000) Personality disorders in children and adolescents. New York: Basic Books.
17. *Kernberg O.* (1985) Schwere Persönlichkeitsstörungen. Stuttgart: Klett-Cotta.
18. *Lacan J.* (1961–1962): Le Séminaire, Livre IX. L'identification (unpublished).
19. *Lacan J.* (2004) Leséminaire, 1962–1963: Livre X. L'angoisse. Paris: Seuil.
20. *Lacan J.* (2006) The Direction of the Treatment and the Principles of its Power (1958) / In B. Fink trans // *Ecrits* / The first complete edition in English. New York: Norton.
21. *Lacan J.* (1998) The seminar 1964 (1973): Book 11. The four fundamental concepts of psycho-analysis / In A. Sheridan trans // Reading, UK: Vintage.
22. *Lacan J.* (1998) The Seminar, Book XX (1972–1973) / *Encore*. Ed. J.-A. Miller; trans. B. Fink // New York/London: W.W. Norton & Co.
23. *Luborsky L., Crits-Christoph P., Friedman S. H., Mark D., Schaffler P.* (1991) Freud's Transference Template Compared with the Core Conflictual Relationship Theme (CCRT): Illustrations by the Two Specimen Cases / Horowitz M. (ed) // *Person Schemas and Maladaptive Interpersonal Patterns*. Chicago/London: University of Chicago Press.
24. *Vanheule S., Verhaeghe P.* (2009) Identity through a Psychoanalytic Looking Glass. *Theory & Psychology*. London: Sage.
25. *Verhaeghe P., Declercq F.* (2003) Lacan's analytical goal: "Le Sinthome" or the feminine way / In L. Thurston ed. // *Essays on the final Lacan: Re-inventing the symptom*. New York: Other Press, 2003.
26. *Verhaeghe P.* (2001) On being normal and other disorders: A manual of clinical psychodiagnostics / In S. Jottkandt trans // New York: Other Press.

A Psychoanalytic View of Identity and its Crisis

I. A. Belousova

Belousova Irina A., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor, psychiatrist MD, member of the Association for Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), member of the Russian Society of Psychiatrists (RSP).

The phenomenon of identity in the common socio-psychological understanding is seen as a reflection of the understanding of self and the experience of collective belonging, expressed in the selection of individual norms within different categories of life: "as who am I?", "do I have enough qualities to consider myself as something?". The attention of the psychoanalytic view is not only on categories and norms, but also on the process of the emergence of subjective experience of identity. And the interaction of this experience with other experiences and forces within the mind and body of the individual. Consider the views of classical psychoanalysis, the Lacanian school, and the school of object relations on the issue of identity in order to relate them to the clinical picture of identity crisis experienced by clients of different personality structures. And to create an insight into the essence of therapeutic strategies when working with them.

Keywords: identity, identity crisis, Freud, Lacan, Fonagy, borderline states, neurosis, psychoanalysis, object relations, self, ego.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Адаптивность современных руководителей: психоаналитический аспект

Е. В. Красильникова

Красильникова Екатерина Валерьевна – психоаналитический консультант, психолог, коуч (НИУ ВШЭ).

События последних двух лет вынуждают компании искать максимально адаптивного и универсального руководителя, способного эффективно управлять командой и при этом оставаться в гармонии с самим собой. Способность современного менеджера адаптировать свой стиль управления под внешние условия и актуальные задачи бизнеса, а также способность сохранять внутреннюю амбивалентность, устойчивость отдельно базируется на конкретном наборе его индивидуальных составляющих. К психоаналитическим коучам часто обращаются руководители с запросом на выявление оптимальных возможностей проявить себя в организации, определить свою роль, функции, занять определенное положение; иначе говоря – наилучшим образом адаптироваться.

Данная статья ставит своей целью исследовать, каким образом качество уже имеющегося опыта регулирования конфликтов амбивалентности (внутренняя опора) и качество здоровой зависимости у руководителя (использование внешних опор), существующие в его внутриспсихическом мире как «внутренние рабочие модели», связаны с его адаптивностью, выражены в его организационном поведении и уровне эмоционального благополучия. Для этого была проведена работа с четырьмя кейсами, где каждый из кейсов прошел три этапа, включающие в себя количественные, качественные и экспертные методы анализа. Полученные результаты подтверждают выдвинутые в исследовании гипотезы о двух ключевых факторах адаптивности руководителя: умении опираться на внутренние объекты и быть зависимым от внешних объектов.

Ключевые слова: психология управления, организационная психология, психоаналитический коучинг, адаптивность, современный руководитель, психоаналитическая терапия.

Активная динамика мировых изменений в последние годы заставляет бизнес постоянно пересматривать свои возможности и стратегии. Первый квартал 2022 года ознаменовался общемировыми глобальными изменениями в экономической, социальной и политической сферах. Кризис – время проверки руководителей и их компетенций на предмет соответствия вызовам времени. Внутренние конфликты могут мешать эффективной внутренней реакции на внешние обстоятельства. Поэтому для руководителя так важна личная проработанность психического аппарата – это отражается на вверенной ему части или целой организации.

Способность современного менеджера адаптировать свой стиль управления под внешние условия и актуальные задачи бизнеса, а также способность сохранять внутреннюю амбивалентность, устойчивость отдельно базируется на конкретном наборе его индивидуальных составляющих, как-то: интеллектуальные и эмоциональные качества, потенциал, опыт; уровень профессиональных навыков – планирование, делегирование, координация, мотивация, контроль, организация процесса; а также способность эффективно коммуницировать с вышестоящим руководителем; организация участия подчиненных в совместном рабочем процессе, конструктивная обратная связь и возможность выдерживать критику в свой адрес; «здоровая» конкуренция с руководителями на линейном уровне с возможностью заимствовать и передавать различный опыт и поддержку и т. д.. Вся эта возможность быть разносторонним и универсальным в свою очередь является важным элементом эффективного управления командой. Вышеперечисленное составляет суть адаптивности – ключевого фактора успешной интеграции и реализации личности в организации.

Адаптивность – это способность или умение стабильно справляться с изменяющимися и неопределенными обстоятельствами, обладая резилентностью (поиском и извлечением пользы из неблагоприятных событий), с сохранением состояния удовлетворения внутренним и внешним миром, с возможностью уверенно опираться на себя и на других.

Опираясь на биологические предпосылки и данности, учитывая особенности мышления и внутренней психической структуры человека, можно наблюдать разные аспекты адаптивности, а также факторы, которые оказывают на нее влияние. Ключевую роль здесь играет психоанализ, который дает возможность проследить взаимосвязь между ранними стадиями развития личности со сформировавшимися моделями поведения и актуальной действительностью, воздействующей на личные и рабочие сферы жизни человека.

Для Фрейда адаптация есть процесс развития личности относительно окружающей среды. Действительность вокруг для человека одновременно как чужеродна, так и значима, и даже обязательна (Фрейд, 2000).

Терминология и идеи Фрейда относительно явления адаптивности актуальны и сейчас. Разделяют два вида данного процесса: аллопластическая адаптация и аутопластическая. Первая характеризуется изменениями личности, которые благоприятствуют процессу приспособления к

среде; последняя – изменениями внешней среды личностью, в попытке подстроить ее под свои потребности.

Каких адаптационных механизмов будет больше, зависит от ряда факторов, среди которых можно выделить: ранние детские травмы, темперамент, определенные защитные модели поведения значимых фигур в жизни ребенка (в первую очередь матери и отца), а также личный опыт использования разных защит (Фрейд, 2022).

Адаптивность закладывается на основе врожденного и переживания, она свойственна любому человеку, однако у одних развита лучше, чем у других. Задача коуча – максимально эффективно способствовать развитию адаптивных механизмов и моделей поведения у своего клиента.

Психоаналитические факторы, влияющие на адаптивность современных руководителей

Согласно З. Фрейду, влияние компонента Оно и Сверх-Я на Я носит конфликтный характер, что вызывает у индивида нервозность, напряжение, тревогу. Для регуляции таких конфликтов Я выстраивает и использует защитные механизмы, которые по сути являются адаптационными механизмами (и частью адаптационного процесса), среди которых можно назвать проекцию, сублимацию, вытеснение, регрессию, рационализацию и другие. Неразрешенность внутренних конфликтов, длительность переживаний в период раннего развития фиксируются внутри личности и формируют определенный тип характера. Иными словами, переживания раннего детства определяют фундамент развития личности (Фрейд, 2015).

Характеристика связи ребенка с родительскими фигурами в дальнейшем влияет на способность индивида выстраивать долгосрочные отношения как в личной, так и в профессиональной жизни и в итоге является ключевым фактором, влияющим на адаптивность человека во всех направлениях. В психоаналитическом аспекте человек, который испытал положительный опыт общения с первичными объектами, «интроецировал хороший объект» внутрь себя, обладает сильным Я, или Эго (Newman P., Newman B., 1976), имеет зрелую зависимость (Соколова, Чечельницкая, 2001). Боулби описывал такого человека как способного в тяжелых ситуациях самостоятельно оказать помощь себе или принять ее от другого (Боулби, 2003). Зачастую фундаментальные процессы функционирования сознания и способности формируются задолго до прихода человека на руководящую должность и являются лишь повторением детского опыта и модели взаимодействия с его первичным окружением. Согласно Дж. Боулби, родительская фигура (чаще мать), которая выдерживает, расставляет границы и принимает двойственность, помогает развивать в ребенке гибкость. Внутренняя опора складывается из интериоризации внутреннего объекта и возможности безопасно опираться на других.

В современном психоаналитическом сообществе есть разный подход в работе с руководителем в области устойчивости, адаптивности, который объединяет всех под общей целью – формированием психологической

устойчивости Я (исследованием патологического и успешного аналогичного опыта, развитием «наблюдательного Я», работы со «взрослой» частью личности, формированием внутренней опоры и возможности опираться на других).

Психологическая устойчивость как результат нормальной или высокой адаптивности руководителя дает возможность улучшить эффективность и финансовые показатели компании, позволяет самому более уверенно справляться с внутренней тревогой, а значит, более успешно вести свои дела. Поэтому современным руководителям важно повышать уровень знаний по теме эмоционального интеллекта, осознанности, предупреждения эмоционального выгорания и стресса.

Для этого в современных реалиях руководителям показаны регулярная поддержка со стороны психолога или бизнес-коуча, ежегодное прохождение бизнес-коучинговых консультаций, работа на конференциях по групповым отношениям и прохождение собственного ассесмента.

На основе проведенного анализа психоаналитической литературы по теме адаптивности мы можем оформить полученные данные в таблицу (см. *табл. 1*).

Таблица 1

1. Тип привязанности к надежным фигурам	
Определение	<ul style="list-style-type: none"> • Типы привязанности можно разделить на две основные категории: небезопасный (среди которых тревожный, избегающий, дезорганизованный типы) и безопасный (базовый, автономный). • Тип привязанности зависит от наличия надежной фигуры, определяя в дальнейшем вид взаимоотношений с другими объектами и во многом личностные характеристики индивида.
Влияние детского опыта	<ul style="list-style-type: none"> • «Первичный объект», с одной стороны, константен, с другой – создает вокруг контекст возможного развития, пробы самостоятельных поддерживаемых шагов. • Важен опыт взаимодействия с первичной фигурой: насколько он был эмоционально переносим/непереносим, наполнен/не наполнен и положителен/отрицателен. • Частое и длительное оставление ребенка с чужими людьми или в одиночестве в раннем детстве, начиная с 1–2 лет, может негативно сказаться на чувстве внутренней безопасности. Разлука не должна быть длительной, избыточной, учитывать интересы ребенка и его готовность к выдерживанию разлуки.

<p>Возможные проявления во взрослом возрасте на руководящей позиции</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Проблема с доверием и выстраиванием профессиональных и личных отношений. Возможность опираться на себя и просить помощи у других, страх зависимости от другого, страх отвержения другим. • Люди с надежной и избегающей привязанностью адаптируются быстрее, но по качеству адаптации избегающий тип переносит адаптацию хуже. • Тревожный лидер не может адаптироваться без усиленной поддержки, которая зависит от возможностей компании по вложению соответствующего ресурса.
<p>2. Процесс саморегуляции</p>	
<p>Определение</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Процесс выстраивания взаимодействия с объектами и получения качественной обратной связи, возможность обратиться за помощью. • Выдерживание амбивалентности – удержание в фокусе противоречивых требований, не впадая ни в одну из крайностей, целостный взгляд на проблему.
<p>Влияние детского опыта</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Качество коммуникации со стороны первичных объектов: научение (корректная обратная связь и т. д.), считывание эмоций ребенка и корректировка собственного поведения, выдерживание кризисного поведения ребенка, в меру фрустрирующее поведение от взрослого к ребенку для возможности обретения своей опоры, поиск творческого замещения и т. д. • Опыт зависимости от другого (безопасность зависимости от другого, зависимость от контейнирования, от поддержки). • Способность взрослых выдерживать собственный внутренний конфликт, тревогу, неуверенность вкупе с умением одновременно решать поставленные задачи, выдерживать неизвестность, тревогу, находясь рядом с ребенком, при этом поощряя возможность двигаться небольшими шагами к цели.
<p>Возможные проявления во взрослом возрасте на руководящей позиции</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Взаимодействие с рабочим окружением: благополучное взаимодействие с коллегами (вышестоящие, нижестоящие, равные), наличие зависимости от руководителя или команды, умение просить помощь и поддержку, возможность делегирования и принятие самостоятельности в решениях подчиненных, подключение команды к достижению общей цели. • Ощущение собственной роли: валидность своей текущей роли, ощущение себя (маленький/большой). • Навыки и качества: стрессоустойчивость, эмпатия и эмоциональный интеллект (возможность выдержать невроты своих подчиненных, принятие их позиции).

3. Уверенность	
Определение	Способность личности действовать, продвигаться и преодолевать сложности, решать задачи, совершать выбор с правом на ошибку. Уверенность непосредственно связана с ощущением внутренней силы, веры в себя, в свою способность.
Влияние детского опыта	<ul style="list-style-type: none"> • Нарциссическое инвестирование со стороны первичных объектов, амбициозность, чувство собственной хорошеи («стержень», «опора»), ощущение защищенности. • Выражение со стороны значимых фигур: это безусловная любовь, доверие процессов и денег, уважение к выбору и границам личности, разрешение импровизировать, поддержка, признание, инвестирование, безразличие к проблеме ребенка, предоставление выбора решения.
Возможные проявления во взрослом возрасте на руководящей позиции	<ul style="list-style-type: none"> • Уверенность достигается позитивной репрезентацией себя и Другого (внутренняя рабочая модель). • Неуверенность в себе как личностная черта (как в случае крайнего варианта тревожной привязанности) может отражаться на всех областях жизни. • Проявление уверенности: отсутствие страха делиться знаниями со своими подчиненными, признание их компетентности, партнерские взаимоотношения с вышестоящими по должности, преследование задач компании без провалов в собственную неуверенность, стрессоустойчивость, выдержка атак, отсутствие страха уязвимости и т. д.
4. Жизненный опыт	
Определение	<ul style="list-style-type: none"> • Собственный жизненный опыт – наличие разнообразного опыта в своей жизни, проживание аналогичного опыта в семье, полученные опыт и знания, достижения. • Копинг-стратегии в стрессовых ситуациях. <ul style="list-style-type: none"> • Резилентность.
Влияние детского опыта	<ul style="list-style-type: none"> • Реакция родителей на похожие условия и трансляция опыта ребенку. • Поддержка детей в семье и социуме. • Создание безопасной, понимающей атмосферы в семье, прояснение и проработка ситуаций. • Опыт переживания негативного опыта у родителей (потеря работы, смерть близких). • Работа родительских фигур с внутренним конфликтом и переработкой негативных чувств.

<p>Возможные проявления во взрослом возрасте на руководящей позиции</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Использование внутренней надежной фигуры, опора на знакомый опыт. • Умение выбирать наилучшую стратегию в тех или иных решениях. • Положительная переоценка ситуации и извлечение положительного опыта, решений. • Готовность к принятию нового рабочего опыта и внешних вызовов.
<p>5. Высокая дифференцированность</p>	
<p>Определение</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Признание амбивалентности себя и другого, событий, возможности. <ul style="list-style-type: none"> • Признание ограничений. • Эмпатичность, адекватность и уместность реакции, развитая ментализация, сочувствие, невербальное считывание, эмоциональный интеллект.
<p>Влияние детского опыта</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Здоровые и полноценные взаимоотношения в семье, здоровые привычки. • Возможность развиваться с учетом выставленных границ, понимание и признание иерархии. Вовлечение в семейные процессы и обсуждения. • Поддержка любопытства и интеллекта ребенка, развитие собственной логики. • Родители внимательные, в меру участвующие, интересующиеся, в меру строгие и контейнирующие, не преследующие, не назидательные, не гиперопекающие.
<p>Возможные проявления во взрослом возрасте на руководящей позиции</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Гибкость, уникальность, универсальность, командность, грамотное управление процессами в тяжелых кризисных ситуациях и в ситуациях развития компании, изменении условий. • Критическая оценка работы и иерархии в компании: отсутствие проекции результата деятельности на собственную личность целиком; родители не идеальны – начальники не идеальны, я не идеален. • Стремление к рефлексии, самоотчетности и т. д.

6. Сепарация	
Определение	<ul style="list-style-type: none"> • Формирование автономного Эго через преодоление слияния с первичным объектом и отделение от него • Обретение портанса – способности поддерживать себя, быть независимым и при этом не отказываться от отношений с другим, зная свои границы.
Влияние детского опыта	<ul style="list-style-type: none"> • У ребенка есть два полюса: стремление исследовать мир и вновь слиться с матерью. Движение туда и обратно – это движение ребенка между слиянием и сепарацией. <ul style="list-style-type: none"> • Мать должна позволить ребенку проделать это движение (сепарацию). • Отец помогает прожить сепарационную тревогу через поддержку, придавая уверенность и помогая обрести свой собственный путь.
Возможные проявления во взрослом возрасте на руководящей позиции	<ul style="list-style-type: none"> • Способность сотрудника работать автономно с определенной бизнес-задачей и не чувствовать себя одиноким в этом процессе. • Независимость, адаптивность, уровень уверенности в себе.

Практическое исследование адаптивности современных руководителей

Проанализировав теоретические аспекты, посвященные исследованию адаптивности, и факторы, влияющие на развитие гибкости современных руководителей, следует перейти к эмпирической части работы, где на основе нескольких практических кейсов исследуется выдвинутая гипотеза о возможности использования опоры на внутренние объекты и возможности быть зависимым от внешних объектов и влиянии данных факторов на уровень адаптивности.

Объектом исследования являются четыре респондента, относящихся к категории молодых современных руководителей, среди которых один мужчина 29 лет и три женщины в возрастном диапазоне до 40 лет. Все они на момент приглашения в коучинговую работу были или недавно стали в процессе работы руководителями среднего звена в исходных или в новых организациях.

Предметом исследования является изучение процесса формирования факторов адаптивности и типов привязанности, влияющих на адаптивность, берущих начало из раннего, в том числе детского, опыта и проявляющихся в текущей управленческой деятельности.

Первый этап направлен на детальное изучение индивидуального случая (case study). Работа по методу case study предполагает взаимодействие коуча и клиента посредством активного наблюдения, с возможным использованием проективных техник, тестов, глубинного интервью и беседы. В фокусе психологического case study находится сам человек. В данном исследовании консультации проводились в онлайн-формате, с соблюдением следующих условий (кадра): один раз в неделю, длительность каждой сессии – 50 минут, минимальная продолжительность работы – три сессии. Некоторые клиенты продолжили работу сверх оговоренной дистанции. Работа с каждым кейсом предполагала прохождение регулярных супервизий (в групповом или индивидуальном формате) с опытным специалистом. В ходе консультации использовался следующий инструментарий: интерпретация контрпереноса, проверка гипотез, работа со сновидениями, проективные методики и рисунки («организационная роль», «я, мы, контекст» и т. д.), свободные ассоциации, метафоры, что позволило провести поиск внутреннего конфликта, исследование сепарационной тревоги, фиксации, прояснить характер организационной структуры.

Второй этап включал прохождение участниками нескольких видов тестирования:

1. «Опросник к интервью о привязанности для взрослых» (Adult Attachment Interview – AAI) (George et al., 1996);

2. Самооценочная методика «Опросник взаимоотношений» (Relation Questionnaire – RQ);

3. Методика «Опыт близких отношений» (Revised experiences in close relationships – ECR-R);

4. Опросник «Способы совладающего поведения Сьюзен Фолкман и Ричарда Лазаруса» (Folkman et al., 1988);

5. «Опросник резилентности Эго, шкала эго-устойчивости» (Block, Kremen, 1996).

Третий этап включает в себя метод групповой экспертной оценки, позволяющий получить стороннее коллективное мнение специалистов. Основу метода составляет экспертная оценка – внешний критерий для проверки валидности системы тестов, опросников, а также проведенного исследования кейса. Можно сказать, что это обратная связь от квалифицированных специалистов, коими являются практикующие психологи, бизнес-коучи, психоаналитически ориентированные бизнес-консультанты, психотерапевты, выпускники и студенты магистерской программы.

Итоги проведенной работы сформированы в виде таблицы ниже (см. табл. 2).

№	Кейс 1	Кейс 2	Кейс 3	Кейс 4
1	Период работы			
	Более 12 месяцев	2,5 месяца, 13 сессий	1 месяц, 5 сессий	1 месяц, 4 сессии
2	Запрос клиента (в заявке, на сессии)			
	<p>«Развитие, карьерный рост, работа над уверенностью в себе». «Неуверенность в себе, затягивание ответственных решений, хочется чего-то большего в профессиональном плане – вырасти на следующий уровень, стать руководителем (менеджером продукта, вести проект, например) и расширить свои компетенции, а вообще смогу ли я».</p>	<p>«Стагнация в профессиональной и личной жизни, страх изменений». «Раньше быстро двигалась по карьере, сейчас как будто нет динамики, я хочу устроить свою жизнь, хочу иметь смелость, амбициозность осуществить прорыв в плане финансов, должности, возможно, уехать за границу по переводу внутреннему», «другим всегда помогаю с работой, сама не могу подготовиться, не могу себе позволить обратиться за помощью».</p>	<p>«Я как будто бы не могу отстаивать интересы своего отдела, для того чтобы обеспечить нормальный режим работы, добиться хотя бы 8–10 часов работы в день, не превышая нормы, я выгораю сама, и другие в моем отделе тоже, мне с трудом удается вдохновлять их уже на работу – ее слишком много».</p>	<p>«Как сделать процесс адаптации быстрее, я плохо и долго адаптируюсь, долго к чему-либо привыкаю, для меня это мучение и страдание, сама себя успокаиваю тем, что отработаю полгода и станет спокойнее. Уровень напряжения зашкаливает, мне сложно его контролировать, не могу себя организовать».</p>
3	Опыт ранних расставаний и эмоциональное проживание данных событий			
	<p>С 1 года клиента отвозили на лето в другой город, данное событие оставило неприятные воспоминания: клиент боялся большого дома, плакал без родителей, боялся обратиться к бабушке и дедушке за помощью. В начальной и средней школе – проживание у других бабушки с дедушкой в Подмосковье, в будни и в воскресенье вечером (не любит воскресенья и сейчас), негативно вспоминает этот период (чувствовал себя одиноким, плакал, однажды убежал пешком через город к родителям). Клиент заполнял это время играми за компьютером и поеданием сладостей.</p>	<p>С 1 года оставляли под Самарой каждое лето (каникулы у бабушки). Клиентка вспоминает, что чувствовала себя там одинокой, ненужной, потому что в этот момент старшая сестра (ребенок с особенностями) оставалась с родителями. Находясь у бабушки, к которой приезжали и другие родственники, ощущала себя маленькой, незащищенной, старалась чаще уединиться и сама себя развлекала. Не хватало внимания от бабушки, боялась обратиться за помощью.</p>	<p>При попытке оставить клиентку в возрасте 4–5 лет у бабушки, когда родился брат, клиентка выразила сильное недовольство, и мать была вынуждена вернуться за ней сразу же. Больше процессы расставаний не вспоминаются. Папа везде брал ее с собой, по делам, в магазин, клиентке было интересно, папа рассказывал о планах. Всей семьей ездили в гости.</p>	<p>С 1 года – ясли, детский сад (в 3–5 лет забывали забрать из сада либо забирали позже всех); иногда оставляли у родственников в Подмосковье. Клиентка вспоминает, что сильно плакала, мать ее оставила у родственницы «обманным путем». Часто ощущала себя брошенной, не понимала, почему с ней нельзя поговорить и объяснить. Не хотела оставаться у других, по словам клиентки, мать не могла ее нормально утешить.</p>

4	Сепарация и психологическая автономность (от фигур первичной привязанности)			
	<p>Не пройдена, клиент и сейчас рассказывает о зарплате маме. Долго жил и работал с матерью. Не хочет брать ответственность в роли руководителя, боится осуждения матери и других. Зависим от участия матери. Квартиру получил от нее же, иногда брал у нее деньги. У клиента высокая внутренняя тревога и неуверенность в себе, сильный критикующий голос внутри.</p>	<p>Не пройдена. Клиентке ежедневно звонит мать, контролирует ее и сестру. Клиентка регулярно помогает старшей сестре с работой. Боится отстоять свои границы на работе. Физическая сепарация присутствует: проживает отдельно со своей дочерью, самостоятельно оплачивает жилье. Высокая внутренняя тревога, страх попросить помощи.</p>	<p>Не пройдена. Клиентка много контактирует с семьей, отец определяет, с кем будет встречаться дочь. Клиентка переживает за мнение родителей в отношении того или иного своего решения. Но проживает отдельно, самостоятельно оплачивает жилье в ипотеке.</p>	<p>Не пройдена. С одной стороны, она всегда старается отделиться от своей семьи, с другой – хочет родительского одобрения, иногда живет с родителями. Сильнейшая критика себя, большая внутренняя тревога, недоверие к людям, сотрудникам, коучу.</p>
5	Наличие травматического события, возраст			
	<p>1) Травматичное раннее расставание с родителями (отправляли к родственникам), ощущение одиночества, страха и тревоги. 2) Утрата отца в 9-м классе (14 лет) – отвезли к друзьям и отвлекали от события. Вытеснение травматичного события: вспоминает с трудом, будто парализован, чувства заморожены. Вспоминает свое плохое поведение по отношению к матери, курение. Плохо относится к дому, в котором жил с семьей.</p>	<p>1) С момента рождения клиентка попадает в семью, где основное внимание уделяется больной старшей сестре. Внимание удается завоевать только большими достижениями. Все время чувствует себя ненужной, одинокой, покинутой, плохой, неправильной. 2) С раннего возраста отвозили к бабушке, где нужно самостоятельно справляться с физическим хозяйственным трудом, без возможности отказать, попросить помощи. Присутствовала конкуренция с другими детьми за внимание бабушки. 3) В 29 лет развод с мужем: тяжело переживала, себя чувствовала выбитой, выпавшей из жизни.</p>	<p>1) Отсутствует (всей семьей ходили в гости к бабушке, либо приходила она). 2) Позитивно вспоминает одну попытку, когда она настояла, чтобы ее забрали, и мама тут же вернулась. 3) В 3 года упала с моста на мотоцикле в реку вместе с родителями – воспоминание отчетливое, без негатива (все бегали по реке, искали вещи, папа вытягивал мотоцикл). Периодически всей семьей вспоминают это событие. Эмоционально событие не звучит как тяжелое и травматическое.</p>	<p>1) Ясли, детский сад и ощущения покинутости родителями вспоминаются как травматичный опыт. 2) Был случай, когда забыли забрать из сада, клиентка плакала, ждала добрых слов и любви от матери, но мама сделала вид, будто так и должно быть. 3) С 2–3 лет оставляли у бабушки на несколько месяцев. 4) Воспоминания об агрессивных проявлениях отца (выпивал, мог постучать по столу, покричать, но не бил). 5) Видела конфликты между родителями, постоянно чувствовала себя ненужной, забытой, отчужденной.</p>

6	Детский и взрослый опыт уверенности на разных этапах			
	<p>Чувствовал себя неуверенно с ровесниками: проблемы с дружбой в школе, во дворе, с противоположным полом. Замыкался в себе. Присутствовала компьютерная зависимость. На работе сложно просить помощи, большие задачи пугают, страх переговоров. Заикание при волнении. Перед друзьями часто хочет показать свою значимость, чувствует себя менее интересным, неуспешным.</p>	<p>В детстве постоянно нужно было проявлять себя, конкурировать: с сестрой, с ровесниками. Оставалась наедине со своими проблемами, не чувствовала себя уверенно, ощущала сильную внутреннюю тревогу при выступлении где-либо. Выбирает одиночное пребывание, всегда считает, что она недостаточно хороша. Практически нет друзей, только мама, сестра и дочь.</p>	<p>Чувствовала себя уверенно, ответственно за результат везде (в школе, на работе). Ответственность переходит в гипертответственность: училась «на отлично», побеждала, имела награды – к высоким показателям стимулировал отец, ощущала его поддержку вместе с высокими требованиями. Была в меру дружелюбной во дворе, школе, на работе. На работе чувствует себя полезной, но не хватает времени на все.</p>	<p>В школе выигрывала олимпиады по математике. Но часто чувствовала себя одиноко, неуверенно, не складывалась дружба – она была сама по себе, испытывала постоянную конкуренцию с двумя старшими сестрами, оставалась чаще сама с собой в своих проблемах, ощущала тревогу во взаимодействии с другими. В организации часто испытывает ненависть к коллегам.</p>
7	Профессиональные достижения			
	<p>До начала работы с коучем не мог выйти на руководящий уровень, страх пробовать себя в чем-то. Присутствовали периодические смены профессиональной деятельности: был специалистом по техслужбе в HR-отделе, в процессе работы стал менеджером продукта, руководителем в маркетплейсе.</p>	<p>До начала работы с коучем долгое время (10 лет) работала региональным руководителем: «застревание» на должности, нерешительность в попытках горизонтального или вертикального роста. В процессе работы осуществила переход на должность менеджера продукта в фармкомпаниии.</p>	<p>До начала работы с коучем клиентка работала в известных международных компаниях, имела управленческий опыт около 8 лет. Ее рекомендовали и приглашали, всегда имела выбор, куда пойти работать. Приглашают преподавать в высшем заведении.</p>	<p>До начала работы с коучем клиентка на протяжении нескольких лет работала в крупных организациях, четыре года назад стала руководителем, в подчинении людей не было никогда.</p>
8	Физическая автономность от родителей			
	<p>До 25 лет жил с матерью, сейчас мать живет в соседней квартире, часто приходит, остается ночевать.</p>	<p>В 19 лет вышла замуж, развелась шесть лет назад. Мать регулярно звонит, контролирует, но живет клиентка отдельно.</p>	<p>В 18 лет клиентка уехала от родителей, но на регулярной основе звонит и ездит в родной город раз в месяц.</p>	<p>До 25 лет жила с родителями. Часто приезжает домой, каждый день переписывается с родителями.</p>

9	Классификация моделей привязанности согласно интервью о привязанности для взрослых (AAI)			
	Ненадежно-дистанцированная привязанность (dismissing attachment, model-D).	Ненадежно-дистанцированная привязанность (dismissing attachment, model-D).	Надежная привязанность (autonomous secure attachment, model-F).	Пристрастная, запутанная привязанность (preoccupied, enmeshed attachment, model-E).
10	Преобладающий тип привязанности согласно опроснику RSQ			
	Средний балл ненадежной привязанности. Преобладает избегающий тип.	Средний балл ненадежной привязанности. Ни один из типов не доминирует (присутствуют тревожный и избегающий).	Средний балл ненадежной привязанности. Ни один из типов не доминирует (тревожный и избегающий).	Высокий балл ненадежной привязанности. Преобладает тревожный тип.
11	Копинг-стратегии, преобладающие согласно опроснику «Способы совладающего поведения – WCQ»			
	Высокие: – дистанцирование; – бегство-избегание. Низкие: – конфронтация.	Высокие: – дистанцирование; – бегство-избегание. Низкие: – поиск соцподдержки.	Высокие: – дистанцирование. Низкие: – конфронтация.	Высокие: – бегство-избегание; – ответственность. Низкие: – положительная переоценка.
12	Тип резилентности, согласно опроснику резилентности Эго и шкалы эго-устойчивости			
	Преобладает опыт регулирования над желанием открытости жизненному опыту и исследованию, развитию.	Преобладает опыт регулирования над желанием открытости жизненному опыту и исследованию, развитию.	Преобладает опыт открытости новому жизненному опыту над опытом регулирования.	Очень низкий опыт регулирования и низкое желание открытости жизненному опыту.
13	Предполагаемый уровень адаптивности (интерпретация исследователя)			
	Удовлетворительный	Низкий	Нормальный	Низкий
14	Степень согласия экспертной группы с предлагаемым уровнем адаптивности (средняя оценка от группы от 1 до 5)			
	3,8	4,2	4,4	5

Все представленные кейсы отвечали понятию «современного руководителя»: это на текущий момент жители крупных городов, возраст клиентов находился в диапазоне 29–39 лет, каждый из клиентов занимал должность руководителя (либо длительное время, либо сменил позицию во время коучинговой работы). Во всех представленных кейсах звучала проблема адаптивности в рабочей среде.

В ходе исследования формата case study (непосредственно работы с коучем) можно отметить, что, несмотря на разный уровень адаптивности, у всех клиентов – современных руководителей – прослеживался слабый контакт с собственными чувствами, с пониманием себя, своей роли, пониманием задач организации.

Дополнительным маркером отношений с первичными объектами (наличие травмирующего опыта при контактировании с родительскими фигурами) является динамика работы с коучем в ходе case study, где одним из наиболее ярких проявлений можно считать кейс 4: низкий уровень адаптивности в рабочей среде связан с детскими сценами, где мать выглядит отсутствующей, ненадежной, а отец – агрессивным, что не дает возможности формирования каких-либо устойчивых отношений и привязанностей в личной, рабочей сфере, а также во взаимодействии с коучем (страх клиентки перед длительными отношениями со специалистом заканчивается обесцениванием и прекращением работы).

Таким образом, в ходе работы и исследования по всем четырем кейсам была подтверждена гипотеза о том, что на уровень адаптированности современных руководителей в ситуациях неизвестности, требующей гибкости, необходимости эффективного руководства, на личность человека влияют два основных фактора: возможность опираться на себя (способность регулировать внутренний конфликт, амбивалентность, уверенность в себе) и возможность полагаться на других (испытывать здоровую зависимость от других – родителей, подчиненных, руководства, просить помощи, делегировать, доверять), что чаще складывается из сформированной надежной привязанности, которая была взята для дальнейшего использования (внутренняя рабочая модель привязанности с первичными объектами), и чего не удается при тревожной, избегающей, тревожно-избегающей привязанностях.

Опора на теоретический материал, связанный с темой адаптивности личности, позволяют специалисту психоаналитического коучинга использовать в работе с современными руководителями функции надежной фигуры и создавать некий рефрейминг как подход для переосмысления и перестройки механизмов восприятия, мышления и опыта взаимодействия, аналогичный модели привязанности с первичными объектами (IWM), помогающий развитию способности удерживать ментальное состояние амбивалентности, которое, в свою очередь, является ключевым фактором в развитии адаптивности, проявляющейся в возможности опираться на себя и других.

Продолжительная работа с психоаналитически ориентированным коучем на постоянной основе может способствовать дальнейшему повышению уровня адаптивности у руководителя; в рамках исследования

показана эффективность этого подхода даже в краткие временные сроки, следовательно, можно предположить, что в более длительные она принесет еще более значимые и устойчивые результаты. Это также подсвечивает и другую сторону ситуации: в нынешних реалиях значимость психоаналитически ориентированного коуча все время растет, так как именно такой формат работы позволяет клиенту получить осязаемый результат в достаточно непродолжительное время, что сейчас особенно важно для руководителей. Высокий уровень адаптивности – одна из составляющих личности современного эффективного управленца. Следовательно, коучинг руководителя можно рассматривать как фактор, способствующий успеху его команды и организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боулби Д.* Привязанность. [Электронный ресурс]. URL: <http://nkozlov.ru/library/psychology/d4590> (дата обращения: 3.03.2022).
2. *Соколова Е. Т., Чечельницкая Е. П.* Моделирование стратегий психотерапевтического общения при патологических внутренних диалогах // Консультативная психология и психотерапия. 2001. Т. 9. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://psyjournals.ru/mpj/2001/n1/25646.shtml>
3. *Фрейд А.* Психология Я и защитные механизмы. Детский психоанализ. СПб.: Питер, 2022. С. 160.
4. *Фрейд З.* Большая книга психоанализа. Введение в психоанализ. Лекции. Три очерка по теории сексуальности. Я и Оно (сборник). Литрес, 2015.
5. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Эксмо-Пресс, 2000. С. 543–588.
6. *Block J., & Kremen A. M.* (1996). IQ and ego-resiliency: Conceptual and empirical connections and separateness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70 (2). P. 349–361.
7. *Folkman S. et al.* (1988). Ways of Coping Questionnaire: Sampler Set: Manual, Test Booklet, Scoring Key. Ways of Coping Questionnaire-revised. Consulting Psychologists.
8. *George C. et al.* (1996). Adult attachment interview. [Электронный ресурс] URL: <https://psycnet.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2Ft02879-000>
9. *Johnson S. M.* (2019) Attachment theory in practice. Emotionally Focused Therapy (EFT) with Individuals, Couples and Families. NY: The Guilford Press
10. *Griffin, D. W., & Bartholomew, K.* (1994). The metaphysics of measurement: The case of adult attachment. In K. Bartholomew & D. Perlman (Eds.). *Advances in personal relationships*, Vol. 5. Attachment processes in adulthood (pp. 17-52). London, England: Jessica Kingsley Publishers.
10. *Newman P. R., Newman B. M.* (1976). Early adolescence and its conflict: Group identity versus alienation // *Adolescence* Vol. 11. Iss. 42. P. 261. [Электронный ресурс] URL: <https://www.proquest.com/openview/766d0d184176285f6377dc4ef7b4b35a/1?pq-origsite=gscholar&cbl=1819054> (дата обращения: 10.02.2022)

Adaptability of modern leaders: psychoanalytic aspect

E. V. Krasilnikova

Krasilnikova Ekaterina V., psychoanalytic consultant, psychologist, coach (NRU HSE).

The events of the last two years are forcing companies to look for the most adaptive and versatile leader, able to effectively manage the team and at the same time remain in harmony with himself. The ability of a modern manager to adapt his management style to the external conditions and current business tasks, as well as the ability to maintain internal ambivalence, stability, is separately based on a specific set of his individual components. This work aims to explore how the quality of the already existing experience of regulating conflicts of ambivalence (internal support) and the quality of healthy dependence of the manager (use of external supports), which exist in his intrapsychic world as «internal working models», are related to his adaptability, are expressed in his organizational behavior and his level of emotional well-being. For this, a study was carried out with four cases, where each of the cases went through three stages, including quantitative, qualitative and expert methods of analysis. The results obtained confirm the hypotheses which were stated in the study about two key factors of manager's adaptability: the ability to rely on internal objects and to be dependent on external objects.

Keywords: management psychology, organizational psychology, psychoanalytic coaching, adaptability, modern leader, psychoanalytic therapy.

ПСИХОАНАЛИЗ ГРУПП

От ложного Я к ложному Мы

М. М. Фролова

Фролова Мария Михайловна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный организационный консультант, executive-коуч, предприниматель.

В данной статье рассматриваются феномен Я в психоаналитическом дискурсе через теоретические аспекты ложного и истинного Я, их функции, психодинамика формирования и влияние на развитие личности индивида. Также исследуются вопросы роли и влияния ложного Я лидера на членов группы. Автор вводит метафору «ложного Мы» для описания группового состояния сознания и размышляет о том, что может оказывать превалирующее влияние на его формирование и чем же все-таки является группа – объектом, на который оказывается влияние, или живым организмом со своими ценностями, смыслами, фантазиями и ресурсами, способным как к саморазвитию, так и к саморазрушению, с определенным влиянием на ее членов.

Ключевые слова: ложное Я, истинное Я, самость, Я группы, групповая динамика, лидерство, проективная идентификация, проекция, базовые допущения.

Насколько хорошо люди знают себя? Каковы основные препятствия на пути к самопознанию? Всегда ли попытки анализировать самих себя приносят выгоду? Хотя эти фундаментальные вопросы о природе человеческого разума и его способности осознавать себя, самопознание не было основной темой в психологии. Вопросы самопознания неизбежно ведут к вопросам о границах сознания и природе бессознательных психических процессов. По мере стремительного роста исследований ученые стали задаваться насущными вопросами о том, что лежит за границами осознаваемого, что есть самость, где граница между собственными желаниями и заимствованными. В течение многих лет психологи-исследователи

искусно обходили темы, связанные с Я, разрабатывая изоощренные теории самости и личности без упоминания слова «бессознательное». Психоаналитическая традиция является одной из ведущих, связанных с самопознанием и исследованием личности: бессознательное и сознательное рассматриваются как понятия разного уровня, а не противопоставляются друг другу, поскольку многое из относящегося к структурам Я и Сверх-Я также отсутствует в сознании. Кроме того, проблематика Я основана на взаимодействии Я как личности и Я как психической инстанции, поэтому стоит объединять, а не разделять эти два понятия.

Развитие Я в психоаналитическом дискурсе

Первая топика З. Фрейда включала три инстанции: сознание, бессознательное и предсознательное, выступавшее в роли своеобразного «посредника» между ними. Здесь находятся влечения и конфликты, которые могут быть осознаны, если направить на них сознание, в отличие репрезентантов влечений, вытесненных в область бессознательного. З. Фрейд делал акцент на том, что предсознание – это еще не сознание, но уже и не бессознательное. Предсознание выполняет функцию «цензуры» для прорывающихся из бессознательного инстинктивных желаний и их дериватов путем критической оценки эмоциональных состояний и проникающих представлений. Ограждение сознания от попадания причиняющих страдание мыслей и влечений и поиск решения внутреннего конфликта происходят через создание структурированной системы памяти, тестирование реальности, управление аффектами, использование защитных механизмов, образование симптомов и возникновение продуктов воображения.

Во второй топике З. Фрейд описывает концепцию психической организации, выделяя три структурных элемента – Я, Оно и Сверх-Я. «Я и Оно» – фундаментальная книга З. Фрейда, в которой он многократно подчеркивает бессознательную природу защитных действий, вытесняющих инстанцию Я, которое перестало определяться особым типом энергии влечений, а появившаяся инстанция Оно предстала как первичный резервуар для психической энергии, продуцированной влечениями врожденными и наследуемыми, а также вытесненными и приобретенными (Фрейд, 2020).

З. Фрейд сравнивал Оно с «хаосом». Оно наполнено энергией, полученной из влечений, Оно не имеет четкой организации и не порождает единой воли. В Оно все хаотично перемешано, очень неустойчиво и подчинено преимущественно главенствующему принципу удовольствия, который является одним из ведущих регуляторов всей психической жизни и проявляется в стремлении, с одной стороны, избегать неудовольствия, а с другой – снова и снова через навязчивое повторение испытывать чувство наслаждения (Лапланш, 2020).

Я отделяется от хаотичного Оно посредством прямого воздействия внешнего мира и системой «Восприятие – Сознание». Таким образом, Я, или Сознательное Эго, – главная психическая инстанция, «слуга трех

господ» – внешнего мира, Сверх-Я и Оно. В отличие от Оно, для которого главенствует принцип удовольствия, основополагающая задача Я – это самосохранение через контакт с реальностью и ее тестирование. Я – своеобразный «фильтр» между внешними условиями, принятыми этически и моральными установками и влечениями, то есть между Сверх-Я и Оно. Несмотря на то что Я следует принципу реальности – требованиям, нормам и правилам социума, культуры и внешнего мира, большая его часть остается бессознательной.

Сверх-Я представляет собой внутреннюю структуру или часть личности, которая в качестве внутреннего авторитета размышляет о себе, выносит суждения, оказывает моральное давление и является вместилищем совести, вины и чувства собственного достоинства. Фрейд рассматривает установление Сверх-Я как случай успешной идентификации с родительской инстанцией (Фрейд, 2020). Сверх-Я – это социально опосредованное Я, высшая «судебная» инстанция, своеобразный наследник эдипова комплекса и эмоциональной привязанности к родительским фигурам: отказываясь от исполнения запретных желаний, ребенок преобразует давление родительских фигур в идентификацию с ними, тем самым инкорпорирует запрет, делая его частью собственной этики. «Сверх-Я ребенка складывается не по образу родителей, но по образу их Сверх-Я: оно наполняется теми содержаниями, становится представителями тех традиций, выразителем тех ценностных суждений, которые передаются из поколения в поколение» (Лапланш, 2020). Стоит отметить, что в связи с особенностями прохождения эдипова комплекса Сверх-Я мальчиков более строгое, у девочек – не достигает той силы и независимости, которая требуется для его роли в социуме и культуре.

Еще одна важная приписываемая Сверх-Я функция – проводник Эго-идеала, с помощью которого Эго измеряет себя, которому оно подражает и чье требование все большего совершенства оно стремится удовлетворить. Нет сомнения, что этот Я-идеал есть осадок старого представления о родителях, выражение восхищения тем совершенством, которое ребенок приписывал им в детстве.

М. Кляйн и ее последователи полагают, что процесс возникновения Сверх-Я запускается с момента рождения, а не с разрешением эдипова комплекса, как предполагал Фрейд. Образы «хорошей» и «плохой» материнской груди и последующая интроекция «хороших» и «плохих» первичных и более поздних объектов становятся основой для формирования Сверх-Я уже на оральной стадии. Инфантильный садизм младенца в этот период достигает своего пика, что объясняет жестокость в отношении материнского объекта. В кляйнианском мышлении Сверх-Я состоит из отщепленной части Эго, в которую проецируется влечение к смерти, слитое с влечением к жизни. Сверх-Я приобретает не только защитные, но и угрожающие качества. Сверх-Я и Я имеют разные аспекты одних и тех же объектов; они развиваются параллельно в процессе интроекции и проекции. Если все идет хорошо, внутренние объекты как в Я, так и в Сверх-Я, которые изначально были экстремальными, становятся менее экстремальными, и эти две структуры все больше примиряются.

Продолжаются споры о том, в какой степени Сверх-Я может изменяться, о точной природе его составных частей и о том, что лучше всего понимать как структуру или как функцию (Хиншелвуд, 2020).

Д. Винникотт углубляет концепции, лежащие в основе второй топике З. Фрейда. Можно сказать, что внутренний конфликт переносится из плоскостей Оно и Я и Я и Сверх-Я в плоскость истинного и ложного Я. Представления Д. Винникотта об истинном и ложном Я связаны с его взглядами на игру. Он считал, что ложное Я – это воспитанное, упорядоченное внешнее Я, которое позволяет человеку вписаться в общество; это совокупное множество упорядоченных и неупорядоченных социальных ролей с присущими им ответственностями, обязательствами и ограничениями. При этом истинное Я – это единственное Я, способное к творчеству, раскрывающее для себя истинное чувство бытия (*Winnicott, 1987*). Метафорическое представление об истинном и ложном Я может быть описано как игривый, преисполненный фантазий и желаний ребенок с мышлением без границ под присмотром строгого родителя, требующего от ребенка прилично вести себя в обществе, чтобы соответствовать ожиданиям, правилам, канонам и представлениям.

Истинное Я

Истинное Я возникает из живых телесных функций, работы тканей тела и органов тела ребенка. Эта теория поддерживается большинством духовных практик, ориентированных на самопознание, на духовное и физическое совершенствование, сосредоточенных на контроле дыхательных ритмов по принципу «здесь и сейчас». Остановив внутренний диалог, человек достигает максимальной концентрации без отвлечения на внешний мир, ожидания других людей, проблемы прошлого или будущего, а значит, имеет возможность быть в контакте с собой настоящим.

Истинное Я тождественно дыханию и работе сердечно-сосудистой системы. Как пишет Д. Винникотт, истинное Я возникает с появлением у индивида зачатков психической организации и на этом этапе выражается в его сенсорно-моторной жизнедеятельности (*Winnicott, 1987*). В этот краткосрочный период на ментальной организации младенца еще нет отпечатка мира и социума в виде множественных наростов ложных Я, которые впоследствии будут оберегать его истинное Я. В отсутствие сформированной психической организации мать предоставляет свою психику младенцу, а значит, психическая структура матери оказывает значительное влияние на формирование ложного Я младенца.

Спонтанные движения младенца – это нативные выражения истинного Я. На самой ранней стадии выражения истинного Я могут быть теоретической позицией, которая проявляется через спонтанные выразительные движения, несущие определенную личную идею. Оригинальностью и творчеством наполнено истинное Я – и как ничто оно реально. В то время как истинное Я чувствует себя настоящим и подлинным, существование ложного Я выступает в чувстве нереальности и пустоты. Тогда можно

сказать, что ложное Я тождественно небытию, а истинное Я – синоним бытия. Истинное Я коллекционирует фрагменты опыта переживания себя живым.

Своими движениями младенец похож на червячка – он делает странные кручения руками и стопами, то весь напрягается, то расслабляется, со стороны это может выглядеть странно, однако это нормальные рефлекторные движения первого месяца жизни, являющиеся выражением спонтанных импульсов. Наблюдая за этими движениями, можно говорить о существовании потенциального истинного Я.

Истинное Я не сможет стать реальным без особого отношения со стороны первичного объекта, в роли которого в большинстве случаев выступает мать. Материнская преданность младенцу является главенствующей для закладывания потенциала в развитие истинного Я. Новорожденный младенец имеет очень развитые сенсорные характеристики, которые в процессе жизни притупляются. На последних месяцах беременности и сразу после родов женщина, наоборот, подвержена сенсорной регрессии. Таким образом мать адаптивно входит в биологический мир своего незнакомого ребенка. Чувствительность матери напоминает чувствительность младенца. Благодаря временной регрессивной идентификации со своим ребенком женщина знает, как именно ей следует держать младенца на руках, чтобы в его существовании проявилось бытие и оно не было спектром ожидаемых реакций.

Р. Руссийон рассматривает отношения матери и младенца как прототип всех дальнейших отношений человека во взрослой жизни человека. Ее грудь является первичным источником удовлетворения, младенец галлюцинирует, будто он сам себе доставляет удовольствие, при этом младенец не воспринимает материнскую грудь чем-то отдельным от себя, поскольку он еще не обладает представлениями о принадлежности и обладании. В современной психоаналитической мысли материнская грудь прежде всего рассматривается как символ того, что мать должна обеспечить для основных телесных потребностей ребенка, а также удовлетворения его психических потребностей, или «потребностей самости», описанных Д. Винникоттом. Материнская грудь крайне важна для развития субъективности младенца. Начиная с З. Фрейда акцент всегда делался на том, что материнская реакция на телесные потребности должна быть удовлетворительной для ребенка, при этом важно отметить, что степень удовлетворенности остается субъективным мерилем. У младенца нет ощущения «себя», нет представления о том, где заканчивается он и начинаются другие. Его опыт принимает форму континуума, а не отдельных, дискретных сущностей. На самой начальной стадии истинное Я инвестировано материнской преданностью и адаптацией под его нужды, что дарует младенцу иллюзию всемогущества. Р. Руссийон говорит о том, что просто любить и инвестировать ребенка недостаточно. Важно, чтобы между матерью и младенцем случилась встреча, то есть установился такой процесс коммуникации, в котором ребенок будет чувствовать себя понятым. Младенец стремится удовлетворить свои телесные потребности, которые осуществляются через эротические зоны, одновременно с

этим происходит коммуникация с матерью, а также удовлетворение любопытства и исследование самого себя. Важно отметить, что встреча матери и ребенка, о которой говорит Р. Руссийон, – это воля случая, который большей частью лежит в плоскости бессознательного. Как мать разная с каждым из своих детей, так и переживания ребенка носят субъективный характер и связаны не только с адаптивностью матери, но и с эмоциями самого ребенка, поскольку есть некая сложность в определении нормы – еще не сформирован внутренний ориентир для достаточности различных аспектов в коммуникации с матерью – насыщения при кормлении, холдинга, хендлинга и т. д.

Также Р. Руссийон отмечает существование важного сходства в концепциях основ психической жизни между различными последовательными теориями ее возникновения. У. Бион выдвигает идею о том, что у новорожденного существует «предвзятое представление» о том, чего он может ожидать, когда появится на свет. Со своей стороны Д. Винникотт выдвигает идею «потенциального пространства», которое представляет собой психическое воздействие биологического «багажа» младенца, который ожидает подтверждения через отклики окружающей среды (*Roussillion, 2011*).

Описывая развитие истинного Я до его окончательной формы, Д. Винникотт пользуется двумя греческими словами, объединенными в одно – *psyche-soma*. *Psyche* определяется как совершенствование соматики, чувств и телесных функций, то есть жизни на физическом уровне, – воображением. Иными словами, это ментальная функция в сочетании с интеллектом. Данное психосоматическое единство, являющееся естественным состоянием, способно гарантировать «целостность индивидуального человеческого бытия, которое создает личность человека». Другое любопытное определение Д. Винникотта, отсылающее к аутентичности, достаточная проявленность которой видится синонимичной истинному Я: «Персонализация – это ситуация, когда душа – *psyche* – обитает в теле», – а значит, большей частью человек живет в унисон со своими глубинными желаниями (Термос, 2006).

Истинное Я усиливается с возрастом силы Эго, что дает возможность мыслить рационально в эмоционально значимой ситуации и одновременно с этим проживать эмоции и следовать своим желаниям. Эго развивается и укрепляется посредством интроецирования или инкорпорирования положительно окрашенных переживаний, «хорошей материнской груди», являющейся прототипом переживаний любви и заботы, а также креативности самоуважения в будущем. Именно сила и потенциал первоначальных внутренних хороших объектов обеспечивают здоровые движения и подвижность в процессах интроекции и проекции, продолжающихся на протяжении жизни. Интернализированные хорошие объекты являются основным условием для формирования истинного Я, отличающегося гибкостью, необходимой для преодоления жизненных трудностей, и способностью сохранять внутреннюю свободу личности, несмотря на вынужденные компромиссы – такие, как социальные способы адаптации.

Истинному Я присуща ассертивность. Человек уверенно и с достоинством способен отстаивать свои права, не ущемляя права окружающих, обладает развитым эмоциональным интеллектом, а значит, способен осознавать и выражать свои чувства, желания, может постоять за свои ценности, при этом комфортно чувствует себя в общении с другими.

Ложное Я

Д. Винникотт использует термин «ложное Я» для описания защитной организации, сформированной младенцем в результате неадекватного материнского ухода или недостаточной эмпатии. Рассмотрим этот процесс подробнее.

Рождаясь, младенец уже имеет представление о том, что он хочет получить, он обращается к своему раннему внутриутробному опыту плода, подарившему фантазм о потерянном рае (Фрейд, 2020). Младенец галлюцинирует идеальный объект, доставляющий удовольствие, – и, если в реальности он получает то же самое от матери, это укрепляет его иллюзию, в которой что он сам себе способен дать опыт удовольствия. Младенец испытывает всемогущество и иллюзию самоудовлетворения. В процессе адаптации в диаде «мать – ребенок» младенец сталкивается с влечением, напряжением, неудовольствием, которые не могут быть сиюминутно удовлетворены, испытывает фрустрацию (Roussillion, 2011).

В период абсолютной зависимости мать осуществляет функцию вспомогательного Эго, пока ребенок еще не отделил Я от не-Я. По мере развития от галлюцинации ребенок переходит к осваиванию реальности и к реальности объекта. На этой ранней фазе первой реальностью ребенка является то, что мать отражает ему назад. Качество взгляда матери усиливается через тактильные и голосовые коммуникации, когда она занимается уходом за телом младенца. Опыт хватания и сосания, боли и удовольствия ребенка и то, как на это отвечает мать: с помощью пристального взгляда, касания, интереса и понимания – все это и формирует развитие телесного Я и образа тела ребенка. Одновременно с этим эмоциональные переживания, связанные с наблюдением за глазами матери, когда она смотрит на ребенка и занимается его телом, также закодированы соматически. Физические ощущения соединяются в более интегрированный опыт телесного Я ребенка: они становятся соматопсихическими репрезентациями. Наше Я – это прежде всего телесное Я, и именно оно является контейнером и фундаментом для нашего чувства самого себя, потому что ребенок устанавливает восприятие поверхности тела через контакт с кожей матери, когда она ухаживает. В здоровом развитии опыт коммуникации с матерью, с любовью смотрящей на своего младенца, интернализуется как мягкий поддерживающий опыт. Возможность быть увиденным и принятым глазами матери, восприимчивыми и понимающими, трансформирует опыт переживания себя.

Исследуя этиологию ложного Я, Д. Винникотт опирался на британскую теорию объектных отношений, возникшую в работах М. Кляйн и группы ее последователей, в которую кроме Д. Винникотта, входили такие

аналитики, как Р. Фейрберн, Г. Гантрип, М. Балинт. Разрабатываемые ими концепции отличались друг от друга, однако все они признавали важность того, как младенец переживает опыт своих отношений с матерью. Аналитики британской школы перенимают идеи З. Фрейда о психосексуальных стадиях развития, но фундаментальной движущей силой видят не влечения, а глубинную потребность в отношениях со значимым взрослым. Изменение качества потребности в зависимости привносит изменения в контур взаимоотношений, тогда как З. Фрейд считал, что развитие происходит инстинктивно через смену эрогенных зон. Также кляйнианская теория имеет отличие в графике психосексуального развития. Через бессознательные фантазии ребенок получает разрядку от напряжения, вызываемого влечениями. На основе этих фантазий и переживания младенцем отношений с первичным объектом формируется психическая структура (Шарфф, 2020).

Таким образом, в теории объектных отношений самость, создающая идентичность человека, отражает первичные отношения индивида, а именно отношения в диаде «мать – дитя». Во время первых объектных отношений младенец не интегрирован и ни в какой момент времени не бывает интегрированным полностью; сцепление различных сенсорно-моторных элементов принадлежит тому факту, что мать держит ребенка на руках, иногда буквально, физически, все остальное время – фигурально (Винникотт, 2006).

При наблюдении за ребенком можно отметить, что его движения носят хаотичный, спонтанный и резкий характер. При созревании нервной системы не сразу развивается тормоз импульса. Тормоз формируется через способ, которым мать встречает инфантильное всемогущество младенца, выраженное в движениях. Одновременно с этим отыгрывание сенсорно-моторным способом бессознательных фантазий в диаде «мать – ребенок» является движущей силой развития младенца.

В отличие от биологических отношений, когда ребенок находился в утробе матери и получал все без отношений с матерью, родившись, ребенок вынужден адаптироваться к матери, а мать – к нему. Опыт физического контакта матери и ребенка обогащается визуальным, и важность этого раннего визуального контакта невозможно переоценить. Лицо матери – это первое эмоциональное зеркало ребенка. Динамические, эмоционально нагруженные, визуальные взаимодействия внутри этой первичной пары формируют самый ранний опыт объектной связи, которая потом интернализируется и закладывает фундамент внутреннего мира ребенка.

По результатам наблюдений, примерно 60% взаимодействия между ребенком и матерью состоит из итераций: мать ищет позы, удобные младенцу, – младенец находит позы на руках матери. Взаимная адаптация матери и ребенка составляет больше половины времени их общения. Самостоятельные и ответные действия, совершаемые матерью и младенцем в отношении друг друга, носят поверхностный характер. Наиболее глубокие аспекты человеческого опыта, такие как элементы конфликта, защитные реакции и аффективное сопротивление, существуют на

бессознательном уровне. Бессознательные представления об отношениях проявляются через сиюминутное реагирование и представляют собой концепцию внутренних рабочих моделей, впервые описанную Дж. Боулби в рамках созданной им теории привязанности (Боулби, 2003, 2021), которая была продолжена М. Эйнсуорт и М. Мейн. Исследования М. Мейн стали связующим звеном между теорией привязанности и психоаналитической теорией, в особенности входящей в нее теорией объектных отношений. Они подтвердили, что ранний опыт в целом и ранние отношения в частности продолжают оказывать заметное влияние на мышление, познание и чувства взрослых людей, последствия такого влияния передаются из поколения в поколение на уровне структуры, а не содержания (Уэст, 2020).

Описывая процесс первичных взаимоотношений матери и ребенка с акцентом на важности роли первичного объекта, Винникотт вводит термин «достаточно хорошей» матери. Достаточно хорошая мать отчасти поддерживает фантазм младенца о собственном всемогуществе и до некоторой степени инвестирует это чувство. Таким образом, либидинально инвестированное, напитанное истинное Я начинает жить, слабое Я младенца постепенно укрепляется через многократное повторение успеха матери в поддержании фантазий младенца о его всемогуществе через удовлетворение его сенсорных галлюцинаций. «Достаточно хорошая» мать способствует развитию надежного типа привязанности, будучи способной избавить младенца от его болезненных чувств. В понимании Биона проекция – это не только способ избавления от ужасающих чувств или непереносимой тревоги, угрожающих ранней самости, но еще и средство коммуникации с другими (Гринберг, 2018). Это ценное наблюдение раскрыло суть человеческих взаимоотношений. Проекция становится способом коммуникации при наличии «контейнера», в роли которого выступает мать, способная принять, обработать и «обезвредить» эти чувства через понимание и разъяснение. Этот процесс Блон назвал «альфаветизацией», при которой ужасные, жуткие, непереносимые, совершенно непонятные, не имеющие названия, сырые переживания – бета-элементы ребенка – мать, метаболизируя, превращает в переносимые и имеющие название чувства, так называемые альфа-элементы (Гринберг, 2018). Ликирман говорит о том, что самые интенсивно заряженные и беспокоящие части самости находят себе место лишь после того, как предприняли путешествие через психику других. Таким образом младенец экстернализирует отношения своего Я с его самыми беспокоящими аспектами (Likierman, 2001). Иными словами, «достаточно хорошая» мать способна предоставить свою психику ребенку, и, будучи пережитым в психике другого человека, младенец, а впоследствии и взрослый получает возможность интроецировать ее и идентифицироваться с этой фигурой, которая в будущем становится «тайной опорой» (Петрановская, 2017) для его Я, благодаря тому что когда-то смогла выдерживать беспокоящие переживания, контейнировать и при этом не разрушиться.

«Недостаточно хорошая» мать – это мать, которая не способна адаптироваться и подстроиться к ребенку. Испытывая материнское давление или эмоциональную замкнутость, младенец вынужден приспособливать свои

собственные потребности к сознательным и бессознательным потребностям тех, от кого он зависит. Таким образом, процесс адаптации перекладывается большей частью на ребенка и его неокрепшее Я. У. Бион полагал, что мать, которая неспособна вбирать и перерабатывать переживания своего младенца, заставляет его проецировать с нарастающей силой. Этот процесс У. Бион назвал «анормальной проективной идентификацией». Усиленные проекции и идентификация с отторгающим материнским объектом с низким эмоциональным интеллектом способствуют формированию ненадежных стилей привязанности – тревожно-избегающего, тревожно-сопротивляющегося и дезорганизованного.

Самая ранняя стадия ложного Я – это покорность, уступчивость, подчинение младенца как следствие материнской неспособности почувствовать потребности своего младенца (*Winnicott, 1987*), а значит, поддержать его всемогущество. Катексис внешних объектов не иницируется, ребенок чувствует себя изолированным и становится «мертвым». На деле ребенок продолжает жить, но его существование становится ложным. В клинической картине будут наблюдаться агрессия, раздражительность, нарушение пищевой функции, работы желудочно-кишечного тракта и другие симптомы.

В процессе адаптации ребенок находит максимально эффективный способ сообщить о своей потребности и становится субъектом, от которого зависит происходящее. Это очень важный опыт, переживаемый ребенком, когда он понимает, что имеет влияние на внешний мир, и когда он находит свое место. Это самое начало процесса субъективации, формирующее базу уверенности в себе, ребенок обретает понимание того, что у него есть место в мире, от него что-то зависит, он может влиять на процессы. Процесс субъективации связан с процессом первичной сепарации, который оставит след в виде зачатков ложного Я, того, которое помогло наладить контакт с матерью, чтобы помочь ей удовлетворить потребности младенца.

Патологии ложного Я предшествует травмирующее чувство, что мир (в лице взрослого, нянчащего ребенка и заботящегося о нем) не отвечает на спонтанность младенца, а скорее пытается ее подавить. Это чувство вызывает цепную реакцию, и ребенок пытается каким-то образом исцелить полученную травму. Признаком сформировавшегося ложного Я является то, что ребенок готов пойти на все, лишь бы решить свою проблему и получить желаемое, не переставая при этом испытывать разочарование как личность, что означает, что, даже если ложное Я является патологией, оно тем не менее организуется таким образом, чтобы патологию сгладить. Покорность ребенка может выглядеть так, что он принимает требования окружения и уступает им. На самом деле через ложное Я ребенок строит ложную сеть отношений. Посредством интроекции ребенок может уподобляться фигуре значимого взрослого (маме, папе, брату, сестре), чья роль является ведущей в семейном театре (*Winnicott, 1987*). По мере взросления ребенок все больше утрачивает чувство инициативы

и спонтанности, поскольку в нем растет чувство тщетности и отчаяния, или, как назвал это Кристофер Боллас, чувство неизбежности или предопределенности (Bollas, 1996).

Можно сделать вывод, что процесс возникновения ложного Я неизбежен и происходит вне зависимости от того, была ли мать достаточно хорошей или недостаточно. Процесс взаимной адаптации матери и ребенка играет ключевую роль в формировании ложного Я. Способность матери к адаптации напрямую влияет на сохранение истинного Я, при этом развитие ложного Я неизбежно – это безобидная, социально адаптивная и приемлемая манипуляция для обретения желаемого, закрытия своих потребностей. Позитивная и крайне важная функция ложного Я – сокрытие и оберегание истинного Я в условиях необходимости соответствия требованиям окружения.

В симбиозе истинного Я и ложного Я неизменно возникает вопрос: кто есть я на самом деле? Что мое истинное, где желания моей души? А что является заимствованным, служащим для достижения целей?

Здесь важно провести границу между идентификацией и идентичностью.

В «Словаре психоанализа» Ж. Ланланш отмечает, что в работах З. Фрейда идея идентификации становится лейтмотивом, что выделяет ее среди прочих психических механизмов и делает ключевой для выстраивания человеческой субъективности (Ланланш, 2020). З. Фрейд описывает разрешение эдипова комплекса как процесс идентификации мальчика с отцом и девочки – с матерью. Идентификация как неосознаваемый процесс появляется в его работах позже – в исследовании Леонардо да Винчи. В этой же статье З. Фрейд вводит и раскрывает концепцию нарциссизма как любви к самому себе (Фрейд, 2012). Спустя несколько лет З. Фрейд в своей работе «Скорбь и меланхолия» делает революционное наблюдение о присвоении индивидом определенных черт ушедшего, но необязательно умершего человека с целью отрицания своей утраты. Идентификация может проходить двумя способами: пассивно – «тень объекта падет на Эго»; более активно – «Эго хочет инкорпорировать объект в себя и в соответствии с оральной или каннибалистической фазой либидинального развития, на которой оно находится, хочет сделать это посредством пожирания» (Фрейд, 2021).

К. Боллас объединяет аспекты теории бессознательного мышления З. Фрейда с элементами британской школы объектных отношений и исследует феномен «Я в тени объекта». В годы становления мы постоянно «впечатляемся» миром объектов. Можно сказать, что ложное Я – это совокупность отброшенных теней на истинное Я. Большая часть этого опыта никогда не может быть осмыслена сознательно, но он находится внутри нас как предполагаемое знание. Боллас назвал это «известным немислимым» – впоследствии этот термин нашел свое отражение во многих областях человеческих исследований, включая миры литературы, психологии и искусства. Аспекты известного немислимого – первичное

вытесненное бессознательное – проявятся в ходе психоанализа в виде настроения, эстетики сновидения или в нашем отношении к себе как к другому (Bollas, 2017).

М. Кляйн исследовала второй способ в своей теории человеческого развития (Кляйн, 2018). Она представляла идентификацию как производную процессов интроекции и проекции. Посредством инкорпорации индивид вбирает в себя свои восприятия фигур из внешнего мира, которые преобразовываются во внутренние объекты, «населяющие» наш внутренний мир, формирующие основу личности, а также преобразующими ложное Я.

Таким образом, психическая задача идентификации может быть сформулирована не только как способ стать похожим на кого-то, но как способ не расставаться с кем-то. И тот и другой мотив объединяет нежелание становится собой, который компенсируется развитием ложного Я через процесс идентификации.

Идентичность же часто остается вне психоаналитического дискурса. Говоря об идентичности, люди опираются на внешние и социальные атрибуты, лежащие в поле сознания и «присвоенные» индивидом. Идентичность – это то, что мы осознанно заявляем о себе: я мужчина или я женщина, мне столько-то лет, у меня определенная внешность и черты характера, навыки, таланты и способности. Энн Эмос полагает, что с психоаналитической перспективы идентичность может быть рассмотрена «как нечто, гораздо больше согласованное с Эго, имеющее как осознаваемые, так и, что важно, бессознательные аспекты; это чувство самости и чувство себя по отношению к другим; взаимоотношение с собой и по отношению ко внешнему миру» (Эмос, 2021). Таким образом, можно сопоставить идентичность с ложным Я. Эмос сравнивает идентичность с совокупностью сложного множества идентификаций, сформированных внутри нас с рождения. Вот простой пример: женщина называет себя матерью, держа в голове не только социальную роль, но и определенную модель поведения, свойственную этой роли. Эта модель поведения или представление о нем были сформированы внутриспсихическими интроектами и проекциями. Множество идентификаций может носить ограничительный характер, нарушая личность и развитие, что приводит к скованной или искаженной идентичности (Эмос, 2021).

Как проявляется ложное Я? На поведенческом уровне оно выступает как покорность младенца вследствие неспособности матери почувствовать и удовлетворить потребности своего ребенка. В такие моменты от молодой матери можно услышать вопль, что она не может успокоить захлебывающегося в рыданиях младенца, потому что не может понять или угадать, что он хочет.

На уровне внутренней ментальной жизни ложное Я выражается через интеллектуализацию, представляющую собой высокоуровневый вариант психической защиты, призванный изолировать аффект от интеллекта. При интеллектуализации сама идея эмоции приемлема, но ее выражение заторможено, например, в силу социальной уместности. Излишняя

интеллектуализация уводит от проживания эмоций и значительно обедняет психическую жизнь.

В моменты подчинения ребенка взрослому происходит формирование ложного Я. Стремление подчинить ребенка не всегда связано с желанием взрослого облегчить себе жизнь, одновременно с этим оно может быть продиктовано благими намерениями, когда родители уверены, что помогают ребенку. Одновременно с этим ребенок спешит подстроиться, чтобы не потерять любовь значимых взрослых, и платит за это отказом от своих эмоций и желаний.

Ложное Я часто не распознается, потому что зачастую социально приемлемо, желательно и воспринимается как признак успешности, в особенности если с младенчества ложное Я способствовало идеальному встраиванию в семейную систему и получению желаемого.

Обычно общество пропагандирует отчуждение от чувств и желаний ради собственного удобства, в результате чего человек начинает ощущать себя роботизированной машиной или объектом. Ложному Я присуще чувство механистичности, когда происходит отделение чувств, желаний и телесности от психики.

Процесс формирования ложного Я может быть сравним с защитным механизмом расщепления. Размышляя о дихотомии истинного и ложного Я, логично задаться вопросом о патологических аспектах проявления последнего.

Вынужденный отказ от своих потребностей, в том числе и инфантильных, может рождать у индивида мысли, что с ним что-то не так, что формирует чувство стыда. Подчиненное поведение является иммобилизирующей формой психической защиты, которая может быть выражена через реакцию «замри». Травмированные индивиды зачастую не могут возвратиться к предыдущей организации личности, своему истинному Я, и, привыкая к подчинению, рабской форме существования, в той или иной мере утрачивают способность к ассертивному поведению (*Krystal, 1978*). Не осознавая, что текущее состояние является лишь следствием использования иммобилизирующей защитной реакции, индивид может испытывать стыд, укоряя себя в нехватке ассертивности, и считать свое поведение неадекватным (*Ogden, 2006*).

3. Фрейд рассматривал неприятное чувство стыда через призму сновидений о наготы, когда человек хочет скрыть свою наготу, но не может (Фрейд, 2022). Эти сновидения могут быть истолкованы как неприятие того, что тебе свойственно или присуще. Будучи в конгруэнтности с истинным Я, дети не стыдятся своей наготы. Фрейд сравнивал детство со своего рода раем, где люди ходят обнаженными. Страх изгнания, который еще может быть назван страхом отвержения, включает внутреннюю цензуру, заставляет одеться, иными словами – подстроиться, чтобы оставаться в отношениях и избежать одиночества или изгнания из рая.

Стыд отличается от других эмоциональных состояний. Он затрагивает все слои личности индивида, вплоть до самых глубоких, поэтому испытывающий стыд думает не о том, что он сделал что-то плохое или неправильное, а скорее о том, что из-за своего поступка стал плохим

человеком. Нечто подобное испытывают индивиды, прошедшие через продолжительные неудачные попытки наладить контакт с объектом привязанности – матерью, а также индивиды, чья патологическая тревожность вырастает из базового убеждения «я плохой», которое было сформировано эмпатией к тревожной матери или другому значимому взрослому.

Стыд – наиболее глубокая и примитивная форма негативного самовосприятия, нарушающая самоидентификацию индивида. Человек, испытывающий стыд, мечтает укрыться в пещере, умереть, стореть или желает быть поглощенным. Он диссоциирован от привычного самовосприятия (то есть от своего Эго, или истинного Я). Реакции замирания и проживания глубокого коллапса вызывают переживания, схожие с осознанием приближающейся смерти. Метафорически это переживание может быть сравнимо с переживанием животного, преследуемого хищником, где в роли животного выступает истинное Я.

Коллапс неизбежно сопровождается нарушением целостности самовосприятия (восприятия Эго) и влечет за собой переживания аннигиляции и смерти и ощущение смертельной угрозы, а также в критических случаях – суицидальные мысли, побуждения и намерения. Стыд можно назвать эмоциональным аспектом соматического побуждения, направленного на самоуничтожение. Чувство аннигиляции означает прекращение нарциссического удовольствия, которое было продуцировано любовью некоего человека извне, а впоследствии от Сверх-Я. Переживая психический коллапс, индивид может перенести чувство аннигиляции в область всемогущества, таким образом адаптируясь к окружению, которое пытается его уничтожить.

Вслед за Аристотелем И. Якоби предполагает, что в природе существуют две разные формы стыда – стыд, направленный на социальную адаптацию, и стыд, необходимый для сохранения целостности личности (Jacoby, 2017). Таким образом, и у стыда, и у ложного Я есть как социальная составляющая, участвующая в регуляции поведения и помогающая адаптироваться к существованию в обществе, так и защитная, помогающая сохранить самость.

Причинами стыда у ребенка могут стать не только травля, уничижения и садизм окружающих, а также отсутствие реакции на ребенка и пренебрежение к нему. Ребенок, чьи потребности длительное время не удовлетворяются, может начать считать свои потребности постыдными. Ф. Бромберг (Bromberg, 2020) говорит о том, что подобное отрицание собственного Я может трансформироваться в диссоциацию и ощущение аннигиляции. Стыд также может являться следствием агрессии или жесткого обращения: если ребенок не в состоянии предотвратить неприятные для него действия окружающих в свой адрес, он может начать стыдиться себя самого или своего тела, которое стало объектом нежеланных действий.

Долгосрочные нарушения Я-функции, из-за которых в конце концов целостность ядерной самости индивида оказывается под угрозой (к слову, подобные нарушения характерны для индивидов с пограничной

организацией личности), могут приводить к нарциссической реакции «бей», к шизоидной реакции «беги», а также к депрессивной реакции избегания. Со временем использование подобных защит перерастает в обобщенную реакцию на воспринимаемую угрозу, в результате индивид утрачивает способность справляться с повседневными задачами.

Д. Винникотт объединяет все эти явления под общим наименованием «распад», при котором прекращается становление единого Я (Винникотт, 1974). Распаду присущи ощущение пустоты и небытия и страх смерти.

С этим же состоянием Д. Винникотт связывает примитивные агонии, которые могут проявляться через возврат в неинтегрированное состояние (защита: дезинтеграция); «вечное падение» (защита: сдерживание себя); потерю психосоматического единства (защита: деперсонализация); потерю чувства реальности (защита: эксплуатация первичного нарциссизма); потерю способности вступать в отношения с объектами (защита: аутистические состояния, отношения только с Я-объектами).

Подобные переживания Д. Винникотт относит исключительно к прошлому, говоря о «распаде, который уже произошел». При этом неверно полагать, что переживания коллапса остаются исключительно в прошлом, – его последствия продолжают существовать в настоящем. Характерной особенностью событий, спровоцировавших внутренний коллапс, является отсутствие знаний и воспоминаний о нем, вытеснение фактов в область бессознательного. И Д. Винникотт, и Ш. Ференци сходились во мнении, что для психоаналитического пациента единственная возможность вспомнить – это пережить прошлое событие впервые в настоящем, то есть в переносе.

Подобно тому как защитные механизмы обретают все более сложную форму, в конечном счете интегрируясь в структуру личности индивида, ложное Я замещает истинное Я, что со стороны воспринимается настоящей личностью. В этой крайней позиции доступ к истинному Я полностью отсутствует. Приближаясь к здоровой позиции, ложное Я выстроено на идентификациях, в том числе и проективных.

В здоровом состоянии ложное Я представляет собой хорошо налаженную структуру «политкорректного» социального поведения, предполагающего способность в общении с другими людьми управлять своими эмоциями, удерживая свои чувства от излишне открытой демонстрации, что может быть названо «развитым эмоциональным интеллектом». Во многом ложное Я служит нашей готовности отказаться от чувства собственного всемогущества и первичного процесса в целом и вместе с тем – успеху в завоевании соответствующего места в социуме, создании крепких объектных отношений, что никогда не может быть достигнуто или поддержано усилиями только одного истинного Я.

Я группы

Можно ли говорить о Я группы? Чтобы исследовать данный вопрос, обратимся к работе З. Фрейда «Психология масс и анализ человеческого Я», теории организационного контекста Э. Жака и И. Менгиз, теории

базовых допущений У. Биона, а также теориям О. Кернберга, существенно обогатившим первоначальные взгляды З. Фрейда.

Что можно считать группой? В «Толковом словаре русского языка» Ожегов определяет группу как «совокупность людей, объединенных общностью интересов, профессии, деятельности» (Ожегов, 2021). Для группы характерны единство признаков и близкое расположение друг к другу, другими словами, наличие контакта.

В «Психопатологии обыденной жизни» З. Фрейд пишет о том, что наша встреча с другими людьми не случайна, «мы встречаем только тех, кто уже существует в нашем подсознании» (Фрейд, 2021), – а значит, возможно предположить, что и формирование индивидов в группу неслучайно, у взаимного притяжения есть предпосылки. В момент встречи между людьми возникает резонанс, разливающийся в бессознательном эхом конфликта с инкорпорированными первичными объектами, одновременно с этим нахождение в группе сопряжено с безостановочными процессами взаимной идентификации и интроекции, что приводит к формированию того, что было названо «либидинозной конституцией массы» (Фрейд, 2020).

Называя массу послушным стадом, которое не в силах жить без господина (Фрейд, 2020), З. Фрейд делал акцент на жажде подчинения, присущей группе, поэтому она инстинктивно ищет того, кто может стать ее властелином, чтобы сдаться ему. Потребности группы соответствуют потребностям ее предводителя (или лидер подбирает людей в команду, которые в состоянии обслуживать его потребности). Одновременно с этим лидер должен соответствовать потребностям группы своими личными качествами.

Таким образом, в психоаналитическом дискурсе группой может быть названо объединение людей на основе создания общего Я-идеала, воплощенного в лидере группы, заключает З. Фрейд в работе «Психология масс и анализ человеческого Я» (Фрейд, 2020). Психологический климат внутри компании, ощущение непосредственной близости и импульсивные отыгрывания являются маркерами проекции Я-идеала на лидера и идентификации с ним. Одновременно с этим члены группы, включая лидера, проецируют друг в друга части себя – симилиятивно и атрибутивно. В последующих работах Фрейд уделяет большее внимание агрессивной составляющей человеческих влечений: инстинкту смерти, борьбе с которым во многом подчинено как объединение людей в группы, так и развитие человеческой культуры в целом.

В своей работе «Психология масс и анализ человеческого Я» З. Фрейд определил пять условий, при которых масса становится высокоорганизованной группой (Фрейд, 2020).

Постоянство материальное или формальное: одни и те же лица формируют группу на протяжении длительного времени, или присутствуют постоянные роли внутри группы, которые распределяются между сменяющимися друг друга лицами.

Индивид, входящий в группу, имеет определенное представление о деятельности, функционировании, требованиях группы, что формирует определенное отношение субъекта к группе.

Группа соприкасается, взаимодействует и конкурирует с другими подобными ей группами.

Группа имеет традиции, обычаи, ритуалы, образующие гласный или негласный устав. Требования этого устава распространяются на отношения участников, а их выполнение является маркером, определяющим принадлежность к группе.

Наличие расчленения – разделения группы на части, или подгруппы, происходящее не под непосредственным влиянием объекта и силы, вызвавших разделение, а под действием внутренних сил. Каждый из участников группы имеет свои цели и задачи, являющиеся для него первостепенными, и, как правило, они не имеют ничего общего с первоочередными задачами группы, что приводит к некоторому расколу, явно или скрыто выраженный.

Теория развития раннего детства М. Кляйн, лежащая в основе теорий Д. Винникотта, была впервые применена внутри к организационному контексту Э. Жаком и И. Менгиз с акцентом на механизмах социальной защиты. В основе теории – параноидно-шизоидная и депрессивная позиции, именно «позиции», а не «стадии», как в теориях психосексуального развития З. Фрейда (Фрейд, 2020). Понятие «позиция» выбрано неслучайно для обозначения совокупности тревог, импульсов, защит и объектных отношений, которые сохраняются на протяжении всей жизни. Вводя этот термин, М. Кляйн подчеркивает, что, несмотря на то что период младенчества может рассматриваться как развитие от параноидно-шизоидной позиции до депрессивной, они не являются «стадиями» в том смысле, что если последняя достигнута, то первая остается позади. На протяжении всей жизни человек качается на «качелях» – колеблется между двумя крайними позициями, движимый психическими защитами, ранее доказавшими свою эффективность при определенных испытываемых страхах и влечениях. Так, основным страхом параноидно-шизоидной позиции является преследование и уничтожение объектов, или страх аннигиляции. Доминирующие защиты этой позиции – проекция и интроекция, расщепление на плохие и хорошие объекты, идеализация и фантазии о всемогуществе. Уход в параноидно-шизоидную позицию сопоставим с регрессией, которой подвержен индивид при вхождении в группу, а значит, можно говорить об использовании тех же защитных механизмов. Рассмотрим каждую из них подробнее.

Проекция – в буквальном смысле это «бросание от себя». При размышлении о проекции на ум приходит метафора «тени»: под действием данного защитного механизма происходит локализация конкретных импульсов, желаний, частей себя или внутренних объектов (интроектов) во внешнем объекте посредством воображения. Хрупкое раннее Эго, неспособное справиться с тревогой, пытается избавиться от угрожающих переживаний и переносит их на внешний объект, фрустрация не исчезает окончательно, но возникает фантазия о том, что на расстоянии они менее тревожащие. Так Эго «очищает» хорошие и поддерживающие внутренние объекты от плохих переживаний, связанных с ними.

Интроекция – процесс, при котором отношения с реальным объектом вовне заменяются отношениями с воображаемым объектом внутри себя.

Расщепление приводит к потере целостности и образованию двух или более подструктур (Мак-Вильямс, 2015).

Идеализация идет рука об руку с обесцениванием, при данном защитном процессе внутренний объект воспринимается амбивалентно и расщепляется на две части – идеально хорошую или абсолютно плохую. Любопытно отметить, что восприятие личности, помимо идеализации, еще включает и проекцию (Rycroft, 1995).

Всемогущество носит элементы магического мышления и проявляется как вера в то, что мысли могут оказывать непосредственное влияние на внешний мир и события в нем. С одной стороны, всемогущество «лечится» опытом фрустрации, и человек обретает принцип реальности. С другой стороны, всемогущество может быть диссоциацией от любого контакта с внешним миром (Rycroft, 1995).

В параноидно-шизоидной позиции осознание плохих частей превращает хороший объект в преследователя, что активизирует перечисленные выше защиты, тогда как в депрессивной позиции объект остается любимым, несмотря на его плохие качества. И параноидно-шизоидная позиция, и депрессивная остаются составными частями психики в эмоциональной жизни взрослого человека. Достижение и стабилизация депрессивного положения, воспринимаемые как зрелость, имеют общие черты с генитальной стадией психосексуального развития в теории З. Фрейда (Фрейд, 2020), которая характеризуется формированием личностно окрашенного сексуального чувства, способности нести ответственность и создать семью, получать нормальное сексуальное удовлетворение. На этой стадии возможно установление близких доверительных отношений.

В повседневной жизни при определенных объективных и субъективных условиях происходит регрессия к параноидно-шизоидной позиции и параноидальной защите от депрессивных тревог. При вхождении в группу требования, сложности, а порой и невозможность установления этого контакта активизируют сильные психотические тревоги, ранее испытываемые по отношению к первичным объектам, что приводит к регрессии, связанной с потерей человеком своего «индивидуального своеобразия» (Фрейд, 2020), или истинного Я, что, согласно теориям У. Биона, провоцирует у индивида чувство того, что группа наделена «фантазируемой групповой личностью» (Гринберг, 2018). Иными словами, группа мыслится не как сумма отдельных индивидуумов, а как нечто большее. Усреднение участников, о котором писалось выше, приводит к потере аутентичности каждого из них, так как, вступая в группу, индивид теряет или начинает диффузно воспринимать свою историю, привычки, самосознание, традиции. Будучи внутри группы, эмоциональная импульсивность индивида повышается, чувства удовольствия и неудовольствия становятся более интенсивными. Одновременно с этим его интеллектуальная деятельность заметно понижается. Эти процессы носят эффект усреднения индивида с другими, формирующими группу.

Таким образом, Я группы может быть определено как совокупность усредненных идентификаций ее членов, сопряженных с контекстом, в котором группа функционирует. Метафорически Я группы может быть обозначено как «Мы».

От ложного Я к ложному Мы

Может ли быть применена модель истинного и ложного Я к групповому Я (Мы)? Если да, то какие характерные черты могут быть присущи истинному Мы и ложному Мы?

Ложное Я развивается в результате реакций индивида на внешние раздражители. Можно сказать, что ложное Я тождественно небытию – состоянию, которое всецело обусловлено действием защитных механизмов. Подобная аннигиляция является организованной защитой от невыносимой боли в раннем детстве. При небытии личное существование выражается через действие проективных элементов: ответственность невыносима, а наказание за выражение самости кажется неизбежным, поэтому ради спасения индивид отказывается, отбрасывает, проецирует все, что может быть личным.

Представление Д. Винникотта о «небытии» человека дополнительно может быть обогащено посредством сопоставления с теориями М. Хайдеггера, одного из крупнейших мыслителей XX века, о «несобственном» способе совместного бытия, который немецкий философ определяет, исходя из контекста реальных и практических отношений человека с внешним миром, как неопределенное, безличное существование. Безличное перекликается с безликим – будучи поглощенным повседневными заботами, человек забывает о своем бытии и теряет чувство собственной подлинности. Собственный способ бытия синонимичен творческому проживанию жизни через самовыражение. Несобственный, или, другими словами, заимствованный, способ бытия может быть достоянием всех и одновременно ничьей характерной чертой. При этом он также имеет выраженный характер: несобственное существование предписано Другими. Как высказывается М. Хайдеггер, «не оно само есть, другие отняли у него бытие» (Хайдеггер, 2015). Когда немецкий философ говорит о Другом, то за ним стоит понятие «Некто», неопределенный усредненный и обезличенный образ человека вообще, это одновременно все и никто. Доминирование безличности приводит к полной равнозначности людей и, как следствие, взаимозаменяемости: всякий может встать на место Другого, представлять его подобно тому, как вещь может репрезентировать сходные качества и свойства других вещей.

Таким образом, ложное Я Д. Винникотта, основанное на реакциях на внешние раздражители, можно уподобить повседневному бытию Dasein, которое определяется обезличенностью и одновременной насыщенностью проективными идентификациями. Такой способ анонимного и безличного «несобственного» бытия М. Хайдеггер обозначает термином «люди» (das Man) и считает способом потери себя в безличной повседневности. Посредством репрезентаций человек превращается в одного из «них» и

добровольно растворяет собственную подлинность и аутентичность в анонимной толпе, перенимая ее ценности и приобретая способы поведения и мышления других людей, тем самым добавляя новые грани своему ложному Я. Однако, опираясь на свой глубинный, эмоциональный опыт, человек может вновь обрести подлинность существования. М. Хайдеггер полагал, что тревога разрушает привычные схемы жизни и отношений, выполняя функцию «живой воды». Для него и других экзистенциалистов через опыт тревоги человек не только освобождается от мертвящего конформизма, но и заново открывает собственное бытие. Проживание фрустраций укрепляет негативную способность к неопределенности, что приводит к возвращению личной ответственности за свое существование, способной к решительным действиям (Хайдеггер, 2015).

Тут логично задаться вопросом о сохранении или спасении себя внутри группы: возможно ли это?

Первые отношения в жизни человека – объектные, которые возникают через проективную идентификацию младенца с матерью, пусть даже сначала это частично объектные отношения и различие между самостью и другим нечеткое (Кляйн, 2018). Можно ли предположить, что люди, образующие группу, обретают друг через друга комплиментарность и чувствуют себя более целостными?

Бессознательный процесс идентификации с хорошим объектом и опытом положительных переживаний осуществляется посредством инкорпорации, в случае плохого объекта и негативно окрашенных переживаний происходит процесс проективной идентификации. В кляйнианской теории «проективная идентификация» также включает в себя процессы, традиционно называемые «проекцией» (Хиншелвуд, 2020).

Позже теория М. Кляйн была развита Г. Розенфельдом, который полагал, что проективная идентификация – это процесс, включенный в распознавание объектов и идентификацию с ними, иногда с целью установить важнейшие связи с ними (*Rosenfeld*, 1983). Другой человек проживается психически как объект, вступив в отношения с которым индивид будет чувствовать себя более целостным. Проективная идентификация часто задействована в бессознательном выборе партнеров, друзей, а также может быть использована в рабочих отношениях (руководитель – подчиненный) как с целью развития, так и защиты, а также и при важности сохранения принадлежности к определенной группе. Проективная идентификация позволяет проживать части себя в другом опосредованно – нежелательные аспекты самости приписаны другому, но не потеряны, поскольку индивид сохраняет отношения с другим, в которого спроецированы эти аспекты. Иными словами, в группу каждый индивид привносит осознаваемые и бессознательные влечения, установки и потребности, которые отчасти приемлемы и отчасти неприемлемы для него самого. Эти установки и влечения, которые каждому трудно принимать в себе, каждый может пытаться приписать другому участнику группы. Одновременно с этим можно говорить о том, что процесс примыкания к той или иной группе обусловлен бессознательной попыткой найти разрешение внутренним конфликтам, в том числе и неразрешенным прежним отношениям с

родительскими фигурами. Отсюда можно сделать вывод, что идентификация и проекция являются основополагающими процессами формирования группы.

У. Бион отмечал, что механизмы установления контакта младенца с материнской грудью как с первичным объектом на ранних этапах развития (Кляйн, 2018) также могут быть характерны и для взрослых людей в процессе создания отношений внутри группы. Социальная реальность, в которую помещается младенец с первых минут своей жизни, оказывает непосредственное влияние на реальность психическую. Психотические тревоги, возникающие по отношению к первичным объектам, реактивируются вновь в различных ситуациях, с которыми сталкивается взрослый. В любом возрасте в процессе создания новых эмоциональных связей с группой человек повторяет дилемму развития и дифференциации, а также тестирует собственную устойчивость перед разрушительными приступами страха, связанными с этим развитием, – даст ли ложное Я проявиться истинному Я или будет бережно укрывать плотной завесой психических защит.

Ложное Я индивида одновременно размывается и обогащается проекциями ложных Я других участников группы. Одновременно с этим дополнительная нагрузка на ложное Я – проверка на многогранную устойчивость к защите истинного Я, атакуемого чужими ложными Я. Какую роль на ложное Я членов группы и, соответственно, на ложное Мы группы оказывает ложное Я лидера?

По мнению З. Фрейда, индивид, который формально или неформально возглавляет группу, должен быть свободен от потребности в любви со стороны других, при этом ему присуща глубокая вера в идею, увлекающая массу за собой «притягивающей волей» (Фрейд, 2016). Человек, обладающий уверенностью в себе, отличающийся независимостью и имеющий увлекающую веру в идею, становится лидером; одновременно с этим он может быть доминирующим и абсолютно нарциссическим. Если предположить, что «притягивающая воля» есть не что иное, как харизма или склонность к манипуляции, это ли не намек на нарциссический радикал, так необходимый лидеру? Кернберг считал здоровый нарциссизм качеством, крайне желательным для лидерства, что освобождает лидера от чрезмерной зависимости от одобрения другими и повышает его способность к автономной деятельности. Здоровая параноидная установка оберегает от регрессии, сохраняет трезвость и защищает от наивности, что помогает управлять организационными конфликтами (Кернберг, 2018).

В отличие от З. Фрейда, который описывал лидера как символического отца первичной орды, О. Кернберг расширил спектр символических лидеров, каждый тип из которых является отражением определенной регрессии в группе. Подобное развитие групповой регрессии характеризует психологию масс на всех уровнях: есть определенная опасность, что производные агрессивных инстинктов, которыми пронизана социальная и организационная жизнь, разрушат механизмы, созданные для управления ими. Таким образом О. Кернберг существенно дополняет теории Фрейда, говоря о том, что и лидер, и участники возглавляемой им

группы регрессируют вдоль двух осей: «первую характеризуют зависимость, нарциссизм, примитивный гедонизм, психопатия; вторую – морализаторство, основанный на преследовании параноидный контроль и садизм» (Кернберг, 2018, с. 76).

Человек становится тем, кем является, благодаря влиянию группы, в том числе и влиянию ее лидера, иными словами, ложное Я индивида обогащается группой и ее лидером, выполняющим функцию родительской фигуры. Одновременно с этим можно отметить, что в отношениях индивида с лидером всегда будут присутствовать отголоски эдипова комплекса, оказывающего влияние на развитие человека и объектных отношений, поскольку главными участниками данного конфликта являются родительские фигуры. Кроме того, в отношениях с лидером может проявляться тип привязанности, сформированный в глубоком детстве.

Страх небытия, усиливающийся в группе, регулируется защитным механизмом идентификации. Человек заимствует или присваивает себе свойства, качества, черты ложного Я другого человека и преобразует себя – целиком или частично – по его образу. Через совокупное множество идентификаций строится личность, и одновременно с этим развивается или обогащается ложное Я. В группе индивид, выступающий в роли «родительской» фигуры, будет обладать большей важностью, а значит, его влечения превалят над влечениями других участников группы и идентификация с лидером будет первичной. Идентифицируясь с лидером, индивид будет вбирать в себя в том числе и черты его ложного Я.

У. Бийон первым из аналитиков внес «системный» подход в психоаналитическое мышление. В основе его теорий лежит гипотеза, что группами, как правило, управляют «примитивные» бессознательные фантазии, являющиеся выражением психотических тревог. В интерпретации Бийона известный миф об Эдипе, получивший свое развитие в психоаналитической теории как «эдипов комплекс», может распространяться также на политическую и социальную сферы. У. Бийон обратил внимание на часть мифа, где фигурируют Сфинкс и его загадка: «Кто из живых существ утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» – и предложил бинокулярное видение как необходимое условие для психоаналитического изучения групп и, следовательно, общества (Гринберг, 2018). Если в теориях Фрейда Эдип символизирует классическое психоаналитическое пространство в сессии аналитик – анализанд, то Сфинкс относится к социальной сфере, формирующей осознанность и намерение в организациях. Сфинкс представляет собой способность освещать и подвергать сомнению доминирующие бессознательные фантазии в группах, их психотическое мышление, что делает возможным тестирование реальности, необходимое для «рабочей группы». Таким образом, «психоаналитическое исследование организации складывается вокруг Сфинкса как центральной фигуры и Эдипа как вторичного, но сопряженного признака. Иными словами, Сфинкс – это "рисунок" в изучении организаций, а Эдип – "фон"» (Сиверс, 2021, с. 112). В современном психоаналитическом контексте Сфинкс трактует организационную динамику как заданную

не конкретными людьми, а самой группой. Психотические явления и реакции являются социально обусловленным и, как следствие, перенимаются обладателями организационной роли. Может ли Сфинкс быть ложным Мы? Вероятно, да. Например, если в группе преобладают психотические защиты против тревоги, то ее индивиды, формирующие ее, мобилизуют собственные психотические части, вступая в сговор с «массовым психозом» на уровне группы. Группа функционирует как единый организм с определенными компенсаторными механизмами, несмотря на то что ее участники, объединенные групповым мышлением, могут этого не осознавать.

Еще одним проявлением ложного Мы может быть групповое мышление, которое представляет собой определенную коллективную психическую активность, которая проявляется, когда люди объединяются в группу. Групповое мышление выражается через культуру, принятые негласные правила и этические нормы и базовые допущения. Одной из характеристик группового мышления является устойчивая связь между ее участниками, которая становится заметной через регулярно проявляющиеся закономерности, связывающие элементы между собой (Гринберг, 2018).

Групповое мышление лежит в основе теории базовых допущений У. Биона. Он предположил, что ни один индивид не может рассматриваться отдельно от группы. Модус группового мышления продолжает активно проявляться, даже когда отсутствуют условия для демонстрации или индивид находится в изоляции от группы. Бцион дал общее представление о трех группах базового допущения, выделив такие допущения, как «зависимость», «борьба или бегство» и образование пары. Его теория была расширена Турке, который добавил четвертое – «единство» (*de felice*, 2018), и Лоуренсом, который ввел базовое допущение «Мне» (Лоуренс, 2020).

В каждом базовом допущении термин «группа» указывает на особую структуру и организацию, принятую участниками в связи с действующим базовым допущением. Любой группе присущи черты психической активности, отличные от решения первичной задачи. Люди объединяются вместе с целью реализации определенной цели: участники группы интуитивно «магнитятся» друг к другу в зависимости от способностей каждого, а также под влиянием собственных проекций. Поскольку активность направлена на разрешение определенной психической задачи, то данная задача всегда будет связана с бессознательным, а значит, с неосознаваемым внутренним конфликтом.

Таким образом, ложное Мы может быть воспринято как продукт психической деятельности группы, характеристиками которого являются атмосфера, принятые правила и табу, присущие базовые допущения, проекции и переносы.

Концептуализация базовых допущений дает возможность выявить скрытые конфликты – эмоционально заряженные ситуации в группе, находящиеся в поле бессознательного и не осознаваемые ее участниками. Если рассмотреть каждое допущение отдельно, то в каждом можно увидеть проявления психотических тревог и примитивных защит,

своих параноидно-шизоидной позиции. Гринберг связал феномены базового допущения с реакцией группы на психотическую тревогу, реактивизируемую дилеммой, перед которой оказывается человек, входя в группу, и неизбежной регрессией, которую эта дилемма на него налагает (Гринберг, 2018).

Базовое допущение зависимости (baD – basic assumption of dependence) предполагает, что внутри группы есть некий объект, на который может положиться группа, которая ощущает себя как «незрелый организм». На этот объект группа возлагает надежды на обеспечение безопасности, защиту и решение всех проблем. Объект идеализирован, а значит, его доброты, сила и мудрость неоспоримы.

Базовое допущение «борьба или бегство» (baF – basic assumption of fight-flight) включает в себя убежденность группы в наличии объекта, которому отводится роль врага, которого нужно атаковать или избегать. По отношению к группе объект является внешним, и единственной возможной защитой при столкновении с ним является разрушение или бегство.

Базовое допущение об образовании пары (baP – basic assumption of pairing) отражает коллективное и бессознательное убеждение о том, что кто-то или что-то в будущем разрешит проблемы, существующие в настоящем. Важно отметить, что для данной иррациональной идеи идея «светлого будущего» превалирует над темными настоящим, что уводит группу от решения проблем «здесь и сейчас».

Базовое допущение о единстве (baO – basic assumption of oneness) выражается в полной утрате идентичности, которую ощущает отдельный член неструктурированной группы численностью от 40 до 120 человек (Turquet, 1975).

Базовое допущение «Мне» (baM – basic assumption of me), введенное Лоуренсом, автор относит больше к культурному явлению, при котором обособленность противопоставляется идее «мы». Иными словами, базовое допущение «Мне» (baM) антагонизирует базовому допущению о единстве и может быть сформулировано как «Нет единству» (ba not-O) (Лоуренс, 2020).

Обобщая, можно сделать вывод, что базовые допущения являются синонимами всемогущественных фантазий о способах разрешения трудностей, задач и проблем, с которыми встретилась группа в процессе реализации первичной задачи. Всем базовым допущениям присуще избегание фрустрации, с которой неизменно сталкивается любой человек во время получения нового опыта. Подобное научение обычно сопряжено с усилием, болью при контакте с реальностью. Вспоминая теории, которые упоминались в работе ранее, именно через фрустрирующий опыт тестирования реальности укрепляется Эго или, если следовать теории М. Кляйн, происходит движение в сторону депрессивной позиции. Преодолев фрустрацию, и индивид, и группа получают переход на следующий уровень функционирования.

Понимая психодинамическую механику процесса вхождения индивида в группу и психодинамические процессы внутри группы, логично задаться вопросом о роли влияния ложного Я лидера на «рисунок» организации,

который может быть синонимом ложного Мы, описывающего групповое состояние сознания, или базовое допущение, присущее конкретной группе.

У. Бийон первым указал на «втягивание в роль» лидера в малых группах (Гринберг, 2018). Так, группа с базовым допущением о зависимости склонна выдвигать инфантильных нарциссических и даже психопатических лидеров, тогда как группа с базовым допущением «борьба/бегство» будет искать лидера с параноидной акцентуацией. При этом «организационная регрессия усиливает нарциссические и параноидные особенности лидерства и приводит в действие мощные регрессивные силы, которые запускают дальнейшую регрессию в нарциссически зависимом или параноидно-шизоидном направлении» (Кернберг, 2018, с. 76). Таким образом, не только лидер оказывает влияние на группу посредством предлагаемой идеологии, которая является отражением ложного Я лидера, но и одновременно с этим ложное Я группы оказывает влияние на лидера, активируя и усиливая его определенные черты.

Исследуя психодинамические процессы внутри группы, О. Кернберг (Кернберг, 2018) отталкивался от теорий Д. Анзье и Ж. Шассге-Смиржель. Инстинктивные потребности отдельного индивида сливаются с фантазией о группе как о примитивном Я-идеале, который Д. Анзье ассоциирует с потакающим во всем первичным объектом – матерью на доэдипальной стадии. Ж. Шассге-Смиржель расширила наблюдения З. Анзье, предположив, что любая группа, малая или большая, склонна выбирать лидеров, которые олицетворяют не отцовские аспекты запрещающего Супер-Эго, а псевдоотцовского «продавца иллюзий». В данном случае иллюзии есть не что иное, как групповое состояние сознания или разделяемая членами группы фантазия с акцентом на лидера, который предлагает идеологию, отражающую ложное Я лидера. И именно идеология, исходящая от лидера, является иллюзией, подтверждающей нарциссические стремления человека к слиянию с группой. По сути, идентификация членов малых и больших групп друг с другом дает им возможность испытывать примитивное нарциссическое удовлетворение желаний величия и власти. Таким образом, можно сказать, утрата личной идентичности, способности видеть различия и дифференциации индивидуальности в группе компенсируется общим ощущением всемогущества и образует ложное Мы группы, в котором регрессированное Эго, Оно и доэдипальный Я-идеал каждого человека сливаются в групповой иллюзии.

Ложное Мы призвано защитить группу от распада, сплотить или сделать безопасным пребывание в ней через нахождение определенных стратегий совладания. Чтобы сохранить принадлежность к конкретной группе, ее участники бессознательно стремятся к идентификации с лидером, а значит, с одним или несколькими аспектами его ложного Я. На его формирование ложного Мы в значительной степени влияют аспекты ложного Я лидера группы, при патологических проявлениях лидера сотрудники становятся его заложниками, что оказывает негативное влияние как на развитие их лидерских компетенций, так и на развитие организации.

Сам же лидер оказывается заложником ложного Мы, что удерживает его в рамках роли, которую определяет организационная патология, одним из проявлений которой являются базовые допущения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсон Р.* Клинические лекции по Кляйн и Биону. М.: Когито-Центр, 2012.
2. *Бион У.* Элементы психоанализа. М.: Когито-Центр, 2009.
3. *Боулби Дж.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
4. *Боулби Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей. Руководство практического психолога. М.: Канон+, 2021.
5. *Винникотт Д.* Маленькие дети и их матери. М.: Независимая фирма «Класс», 2013.
6. *Гринберг Л., Сор Д.* и др. Введение в работы Биона: Группы, познание, психозы, мышление, трансформация, психоаналитическая практика. М.: Когито-Центр, 2018.
7. *Кернберг О.* Конфликт, лидерство и идеология в группах и организациях. М.: Независимая фирма «Класс», 2018.
8. *Кернберг О.* Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М.: Независимая фирма «Класс», 2017.
9. *Кетс де Врис М.* Лидер на кушетке. Клинический подход к изменению лидеров и организаций. СПб.: Бест Бизнес Букс, 2008.
10. *Кетс де Врис М.* Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта. 9-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2022.
11. *Кляйн М.* Психоаналитические работы. В 7 томах. Том 3. Психоанализ ребенка. М.: ERGO, 2018.
12. *Кляйн М.* Психоаналитические работы. В 7 томах. Том 6. Зависть и благодарность и другие работы 1955–1963 гг. М.: ERGO, 2007.
13. *Коуон К. К.* Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. М.: Best Business Books, Открытый мир, 2020.
14. *Лапланиш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
15. *Лоуренс Г. В., Бэйн А.* и др. Пять базовых допущений // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. № 1(2).
16. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в аналитическом процессе. М.: Независимая фирма «Класс», 2015.
17. *Морган М.* Парное состояние сознания. Психоанализ пар и модель института «Тавистокские взаимоотношения». М.: Центр психологического консультирования и психотерапии, 2021.
18. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2021.
19. *Термос В.* В поиске личности («Истинное» и «Ложное Я» по Дональду Винникотту и Св. Григорию Паламе) // Московский психотерапевтический журнал. 2006. № 1.
20. *Петрановская Л.* Тайная опора: привязанность в жизни ребенка. М.: АСТ, 2017.

21. *Сиверс Б.* Психотическая организация: социоаналитическая перспектива // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2022. № 2(2).
22. *Уэст М.* В темнейшем из мест. Ранняя травма отношений и пограничные психические состояния. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2020.
23. *Фрейд З.* В духе времени о войне и смерти // Проект «Весь Фрейд».
24. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2020.
25. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. М.: Эксмо, 2020.
26. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я. М.: Эксмо, 2020.
27. *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни. М.: Азбука-Классика, Non-fiction, 2021.
28. *Фрейд З.* Семейный роман невротиков. М.: Азбука, 2015.
29. *Фрейд З.* Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве. М.: Азбука, 2012.
30. *Фрейд З.* Семейный роман невротиков. М.: Азбука, 2021.
31. *Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Эксмо, 2022.
32. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М. Академический проект, 2015.
33. *Хиншелвуд Р.* Словарь кляйнианского психоанализа. М.: Когито-Центр, 2020.
34. *Шарфф Д. Э., Шарфф Д. С.* Основы теории объектных отношений. М.: Когито-Центр, 2020.
35. *Эмос Э.* Идентификация и патологическая идентификация: влияние на развитие идентичности // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. № 2(2).
36. *Bollas C.* (1996) Forces of destiny Forces of Destiny: Psychoanalysis and the Human Idiom. London: Free Association Books.
37. *Bollas C.* (2017) The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known. Columbia University Press; Anniversary edition, 2017.
38. *Bromberg P.* (2020) The shadow of Tsunami: and the Growth of the Relational Mind. New York: Routledge.
39. *De Felice G.* et al. (2018) Group, basic assumptions and complexity science. Group Analysis.
40. *Jacoby M.* (2017) Shame and the Origins of Self-esteem: A Jungian Approach. Abingdon: Taylor & Francis.
41. *Krystal H.* (1978) Trauma and Affects. The Psychoanalytic Study of the Child. Vol. 33.
42. *Likierman M.* (2011) Melanie Klein: Her Work in Context. London: Continuum.
43. *Ogden P.* et al.. (2006) Trauma and the Body: A Sensorimotor Approach to Psychotherapy (Norton Series on Interpersonal Neurobiology) / W. W. Norton & Company.
44. *Rosenfeld H.* (1983) Primitive object relations and mechanisms. The International Journal of Psychoanalysis.
45. *Rosenfeld H.* (1987) Impasse and Interpretation. Therapeutic and Anti-Therapeutic Factors in the Treatment of Psychotic, Borderline and Neurotic Patients. London, Routledge.

46. *Roussillion R.* (2011) Le concept du maternel primaire. *Revue française de psychoanalyse*, Vol. 75.
47. *Rycroft C.* (1995) *A Critical Dictionary of Psychoanalysis*, Second Edition / Penguin Group USA, 1995.
48. *Turquet P.* (1975) Threats to identity in the large group. *The Large Group: Dynamics and Therapy*, ed. L. Kreeger.
49. *Winnicott D. W.* (1987) Ego distortion in terms of true and false self. In: *The maturational processes and the facilitating environment*. Madison, CT: International Universities Press.
50. *Winnicott D. W.* (1987) The theory of the parent-infant relationship. In: *The maturational processes and the facilitating environment*. Madison, CT: International Universities Press.
51. *Winnicott D. W.* (1971) The use of an object and relating through identifications. In: *Playing and reality*. Tavistock.

From False-Self to False-Ourselves

M. M. Frolova

Frolova Maria M., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytically oriented organizational consultant, executive coach, entrepreneur.

This article is devoted to the phenomenon of "Self" in psychoanalytic discourse through the theoretical aspects of the False-Self and True-Self, their functions, psychodynamics of formation and their influence on the development of the individual's personality. The issues of the role and influence of the leader's False-Self on group members are also explored. The author introduces the "False We" metaphor to describe the group state of subconsciousness and reflects on what can have a prevailing influence on its formation and what the group is after all – an object that is influenced, or a living organism with its own values, meanings, fantasies and resources that is capable of both self-development and self-destruction, with a certain influence on its members.

Keywords: false-self, true-self, self, group dynamics, leadership, projective identification, projective, basic assumptions.

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Инаковость в психоанализе. Судьба инаковости в фильме Ф. Озона «Двуличный любовник»

Л. В. Захарова

Захарова Лариса Владимировна – магистр психологии (ВШЭ), кандидат Парижского психоаналитического общества (SPP), кандидат Международной психоаналитической ассоциации (IPA), культуролог (МГУКИ)

Данная работа представляет собой психоаналитическое исследование понятия инаковости. Автор отталкивается от теории Рене Руссийона, который рассматривал инаковость в контексте контакта младенца с матерью, связывая ее с процессом символизации. Современные психоаналитики проследили траекторию инаковости от первичной к символической. В работе проведен анализ фильма Франсуа Озона «Двуличный любовник» с точки зрения формирования и представления об инаковости у субъекта. Первичная инаковость в фильме проиллюстрирована феноменом и историей существования близнеца-паразита в теле главной героини, Хлои. Воображаемая инаковость как вариант переходной инаковости также представлена в предложенном для анализа фильме. Автором был описан пример воображаемой инаковости, принятый в культурной традиции, и также там есть несколько примеров, свидетельствующих о расщеплении, образовании бреда и воображаемой реальности, свойственной психозу. Символическая инаковость в фильме терпит провал, так как является следствием неудач на предыдущих этапах развития главной героини. Отказ психотерапевта от символического, то есть от лечения Хлои с помощью одних лишь слов, и его переход к действиям – к сексуальной связи – привели к негативным последствиям.

Ключевые слова: инаковость, нарциссизм, субъект, воображаемое, символическое, воображаемый двойник.

Инаковость в широком значении – это отличие или неодинаковость. Можно утверждать, что инаковость как понятие соответствует разнице. Таким образом, инаковость подразумевает наличие другого. Тема инаковости занимала, занимает и, бесспорно, будет занимать умы многих представителей науки, искусства, культуры, политики.

Однако следует задаться вопросом: каким может быть другой в психоаналитическом смысле? Является он другим объектом в реальности? Или другим объектом в воображении? Или нечто другое как данность, как свидетельство разницы, на которой зиждется психоанализ?

Проблема чрезвычайно обширна, ведь само слово «психоанализ» подразумевает выделение различающихся друг от друга инстанций в психике. И наличие двух топик, двух принципиально отличающихся друг от друга моделей психического аппарата, свидетельствует о том, что инаковость пронизывает психоанализ. Впрочем, цель данной работы – не эпистемологическое исследование инаковости в содержании психоаналитической теории в целом.

Данная работа – об инаковости в психике субъекта. Размышления и собственные наблюдения приводят нас к тому, что инаковость неизбежно связана с нарциссизмом и каким-то образом влияет на него. Например, уже в утробе матери ребенок слышит голос отца по-иному, чем голос матери, позже младенец отличает мать от посторонних людей, и это не может не оказывать влияния на его развитие...

Инаковость и нарциссизм

Инаковость является философским определением природы другого. В таком разделе философии, как феноменология, другие – те, кто идентифицирует человека. Таким образом, другие неодинаковы и противопоставлены субъекту и тому же самому.

Состояние и качество инаковости (характеристики другого) – это состояние, отличное от социальной идентичности человека и идентичности Я. Это понятие предполагает существование «конституирующего другого».

В конце XVIII века Георг Вильгельм Фридрих Гегель (Гегель, 2018) ввел понятие другого как составной части самосознания («свое иное»). Позже Эдмунд Гуссерль применил концепцию Другого как основу интерсубъективности, психологических отношений между людьми. В «Картезианских размышлениях: Введение в феноменологию» (1931) Гуссерль сказал, что Другой конституируется как alter Ego, «другое Я». Как таковой другой человек ставил и сам представлял собой эпистемологическую проблему – быть только восприятием сознания самого себя.

В книге «Бытие и ничто: Эссе по феноменологической онтологии», написанной в 1943 году, Жан-Поль Сартр (Сартр, 2020) применил диалектику интерсубъективности, чтобы описать, как меняется мир под воздействием появления, как мир начинает казаться ориентированным на другого человека, а не на самого себя. Другой предстает как психологический феномен в ходе жизни человека, а не как радикальная угроза существованию Я. Далее, в книге «Второй пол» (1949) Симона де Бовуар применила

концепцию инаковости к гегелевской диалектике «Господина и раба» и обнаружила, что это похоже на диалектику отношений мужчины и женщины, что, таким образом, является истинным объяснением жестокого обращения с женщинами в обществе.

Жак Лакан связывал Другое с языком и символическим порядком вещей.

Так или иначе понятие инаковости тесно связано с Я, а следовательно, с нарциссизмом – понятием, введенным Зигмундом Фрейдом. По этой причине можно сказать, что данная работа в значительной степени посвящена нарциссизму.

Исторически нарциссизм относится к «объектной» стадии, предшествующей эффективному распознаванию объекта. Это понятие не перестает обсуждаться в психоаналитическом сообществе уже более ста лет.

Фрейд в своих работах неоднократно заявлял о необходимости задуматься об истоках психики. Именно в этом свете возможно рассматривать некоторые из более поздних теоретических позиций, как Фрейда, так и других исследователей.

Среди них можно назвать направление, провозглашающее существование ранних объектных отношений и сформулированное Микаэлом Балинтом в 1968 году (*Balint, 1971*), который противопоставил первичному нарциссизму гипотезу первичной любви, направленной к объекту с самого начала жизни, или разграничение, устанавливаемое между субъектом и его окружением

Такой подход к первичному нарциссизму также совпадает с недавними открытиями в нейробиологии и психологии развития, исходя из которых сегодня уже невозможно рассматривать субъект ни как «отрезанный», ни как «спутанный» со своим окружением даже на ранней стадии. Напротив, многие исследования подчеркивают наличие с рождения разделения эмоциональных состояний между новорожденным и окружающими, а также способность различать то, что исходит от него самого или от другого субъекта. Например, ребенок очень рано развивает неявное знание тела как дифференцированной сущности, что Филипп Роша называет «экологическим чувством себя» (*Rochat, 2003*). Демонстрация этих ранних способностей привела к сомнению в отношении первичного нарциссизма, рассматриваемого как примитивная стадия развития, в которой субъект не может воспринимать различие между собой и своим окружением. Эти соображения относятся к теоретическому тупику первичного нарциссизма, последовательно определяемого Фрейдом как автаркическое состояние, независимое от объекта (1911), а затем как объектное состояние, характеризующееся примитивным неразличением субъекта/объекта. Такое описание есть в работе 1920 года «По ту сторону принципа удовольствия» (Фрейд, 2007, с. 277). «В ходе дальнейших более тщательных психоаналитических наблюдений обратило на себя внимание то обстоятельство, что очень часто либидо отводится от объекта и направляется на Я (интроверсия); а, изучая развитие либидо у ребенка на самых ранних стадиях, психоаналитики пришли к выводу, что Я представляет собой

истинный и изначальный резервуар либидо, которое из него затем распространяется на объект. Я было причислено к сексуальным объектам и сразу же было признано самым важным из них».

Подвергнув сомнению безобъектный статус первичного нарциссизма, новое исследование недавно позволило более точно переосмыслить его метапсихологическое значение, заметно пересмотрев роль объекта в его построении. Этот сдвиг в теории также позволяет пролить новый свет на построение субъективной идентичности, а также на отношения, которые она поддерживает на каждой стадии своего развития, с учетом проблематики инаковости и двойственности.

В течение долгих лет о первичном нарциссизме шли непрекращающиеся дебаты. По словам Рене Руссийона (*Roussillon, 2007*), элементы нынешней дискуссии о первичном нарциссизме позволяют идентифицировать две разные позиции без антагонизма. Первая проиллюстрирована в работах Бернара Гольса (*Golse, 2010*), который исходил из предположения, что состояния сознания ребенка не являются непрерывными. Психическая деятельность, и, в частности, то, что касается состояний сознания младенца, происходит от случая к случаю; узнавание, или дифференцированное восприятие объекта, таким образом, будет чередоваться с моментами неузнавания и/или безразличия, связанными, например, с определенными проявлениями инстинктивной жизни. Таким образом, Бернар Гольс понимает конструкцию интерсубъективности в диалектической связи «между моментами первичной интерсубъективности, реально возможными с самого начала, но мимолетными, и вероятными моментами безразличия».

Согласно Рене Руссийону, эта позиция относится к вопросу о том, надо ли продолжать думать о ребенке в смысле целостной единицы, что, по видимому, предполагает теория объектного нарциссизма, или, наоборот, в смысле субъективной затуманенности, которая объединится вторично, исходя из уровня созревания.

Отходя от концепции субъекта, который с самого начала существовал бы в стабильной и устойчивой форме, эта позиция позволяет усложнить то, что подразумевается под первичным нарциссизмом, и пересмотреть роль объекта в его становлении, присоединившись к формуле Дональда Винникотта, что «не бывает одного лишь ребенка». Эта точка зрения также относится к эпистемологическим дебатам между сторонниками прямого наблюдения за младенцами на основе наблюдения за ранними взаимодействиями и теми, кто, напротив, отстаивает перспективу реконструкции психической жизни и субъективной жизни из клиники.

Вторая позиция, разработанная Рене Руссийоном, учитывает необходимость влиять на концепции из того, что мы слышим, когда «кто-то заявляет, что ребенок "узнает" или что он не "признает" существование другого». Если ребенок способен воспринимать мир объектов и «распознавать» определенные формы различий, это восприятие зависит в то же время от определенного представления о другом или его отличии, соответствующего его уровню развития.

Поэтому вопрос для автора состоит уже не в том, чтобы ребенок признавал или не признавал существование матери, а скорее в том, как обозначается воспринимаемое различие и какие отношения он может установить.

Таким образом, представление о примитивной психической активности ребенка, колеблющейся между дифференцированным восприятием объекта и незнанием объекта, должно быть в состоянии диалектики со второй позицией, которая ставит под сомнение уровень узнавания объекта. Например, ребенок может воспринимать и различать определенные стимулы, исходящие от объекта, и сравнивать их с собственными движениями, не будучи в состоянии представить и распознать объект во внешнем виде, как объект, наделенный собственными намерениями и желаниями, другой субъект (*Roussillon, 2007*).

Эти элементы приводят нас к пониманию возникновения первичного нарциссизма из двух категорий процессов, или двух психических потоков, априори антагонистических, но которые взаимно конструируются во время развития.

Первая категория объединяет процессы, предназначенные для поддержания внутренней непрерывности в соответствии с принципом идентичности восприятия. Этот первый поток, который имеет смысл квалифицировать как «нарциссический», поскольку он стремится к регистрации самого себя и идентичности с самим собой, вызывает идею анимического двойника, предложенную Сезаром и Сарой Ботелла. Согласно их определению, анимический двойник – это состояние психики, которое улавливает мир только тем, чем он является сам по себе, а мир является лишь зеркалом, в котором он отражается посредством проекции (*C. et S. Botella, 2001*). Расположенный наиболее близко к полюсу восприятия, анимический двойник представляет собой основной способ мышления, в котором преобладают перцептивное и галлюцинаторное, при котором восприятие и моторные навыки смешиваются. Задуманный таким образом двойниковый анимизм игнорирует инаковость и будет в основном заключаться в создании одного и того же там, где субъект встречается с другим.

Однако, хотя инаковость игнорируется нарциссизмом, объект не «отсутствует», а инвестируется как расширение самого себя. Эти инвестиции поддерживают то, что можно назвать «отношениями идентичности», которые работают для поддержания состояния примитивного неразличения с окружающей средой. Таким образом, этот способ непрерывного инвестирования двойниковости будет играть фундаментальную роль в установлении психической непрерывности, способствуя, в частности, установлению первичной нарциссической иллюзии.

Но субъективность не может быть сконструирована исключительно в регистре самоидентификации, она не может быть установлена исключительно в формах того же самого или в инвестировании другого как себя самого. Вот почему в то же время из инвестирования непрерывного двойникового объекта и из работ, упомянутых ранее, можно определить, что зарождающаяся субъективность немедленно сталкивается с формой

первичной инаковости, хотя это еще не было признано «субъективно» в измерении внешнего, различие между внутренним и снаружи, еще не будучи символически обозначенным на этой стадии.

Не претендуя на временную последовательность, имеет смысл выделить вторую категорию процессов, на этот раз обращенных к объекту и определяющих в рамках первичного нарциссизма «объектный» поток с дифференцирующей целью, который потенциально предполагает распознавание первичной формы инаковости. Основываясь на психической подвижности и на ранней способности различать первичную инаковость, движение в сторону объекта позволит прогрессивно конструировать инаковость, признанную как таковую, то есть внешнюю и независимую от субъекта, и будет двигаться к точке, где субъект встречается с самим собой.

На раннем этапе развития движение в сторону объекта особенно проявляется в моменты открытости в отношениях или даже в моменты эстетического и эмоционального общения, которые поддерживают прогрессивное построение объекта, отличного от себя, от первичной гомосексуальной динамики «в двойнике». Это означает, что эти инвестиции в объекты могут действительно развиваться только в том случае, если субъект, кроме того, достаточно уверен в непрерывности. Когда нарциссическое движение не успевает утвердиться в достаточной степени, когда первичный анимизм недостаточно поддерживается и подтверждается объектом на ранних стадиях преждевременного отношения к окружающей среде, субъект оказывается перед встречей с открытиями, а не с анимической непрерывностью, с разрывом первичной связи с объектом и с изъятием его нарциссической организации. Неспособность ассимилироваться с Я, инаковость, «обнаруженная слишком рано», навязывается психике и вторгается в субъективность: субъект встречает другого там, где он не может конституировать его как то же самое. И наоборот, достаточно хорошо установившееся нарциссическое движение сделает возможным, благодаря уверенности в нарциссической непрерывности с объектом, движение к объекту и, тем же самым образом, будет способствовать одновременному инвестированию двойника, такого же и отличного от себя, двойника «переходного», который будет сопровождать субъекта в его встрече с инаковостью.

В области нейробиологии эта гипотеза согласуется с гипотезой о «системе другого», «существенно отличной от себя самого», которая будет регулировать биологическую и врожденную тенденцию производить то же самое, иначе известную как «система того же самого». Эта система того же самого, или другого как Я, позволила бы установить «представление другого, идентичного себе, через общие репрезентации» (Georgieff, 2007).

Согласно Н. Георгиевф, это различие системы того же самого и системы другого основана на различии двух уровней инаковости: «воображаемой» инаковости, в которой инаковость проявляется как зеркальная форма, «отождествляемая с Я», и «радикальной инаковости, чуждой Я». Гипотеза о «регуливании» системы себя системой другого

предполагает, кроме того, существование промежуточных градиентов между этими двумя полюсами. Например, можно вообразить между этими двумя системами формы слияния, в которых одно и то же и другое не устанавливают себя в парадоксальном противопоставлении, а, напротив, находят форму, в которой один гармонизирует. Эта гармонизация не отменяет различия между тем же самым и другим, но связывает эти два регистра в парадоксальной взаимосвязи: «не антагонист», который поддерживает субъекта в его встрече с инаковостью...

Первичная инаковость

Описание первичного нарциссизма, характеризуемого двумя антагонистическими течениями, привело психоаналитиков к выводу о существовании некоей первичной инаковости. Первичная инаковость относится к способности младенца очень рано отличать свои действия от действий других, демонстрации врожденного осознания субъективных состояний других людей или даже раннего конструирования «экологического самоощущения».

Гипотеза о первичной инаковости позволяет теоретически задуматься о дальнейшем построении инаковости, которая может быть постепенно признана как таковая также и в символическом смысле.

Таким образом, первичная инаковость составляла бы матричную форму инобытия, точно так же как анимический двойник по отношению к другим формам двойника. Но сосуществование идентичности или инаковости самому себе также побуждает нас рассматривать, в период зарождения субъективности, два течения первичного нарциссизма как независимые движения, еще не объединенные в том, что произойдет вторично в форме, объединенной с воображаемой инаковостью.

Добавим, что эта ранняя форма инаковости устанавливает первичный разрыв идентичности, то есть потенциальное напряжение между переживаниями непрерывности идентичности и переживаниями отсутствия идентичности по отношению к самому себе.

Первичная инаковость привносит идею дифференциации в субъективную систему, в которой царит идентичность восприятия. Чтобы сформулировать этот парадокс, лионский психотерапевт Иоган Юнг (*Jung, 2015*) выдвигает гипотезу о том, что на уровне субъективной организации идентичность и инаковость «и противоположны, и не противоположны»; инаковость является неотъемлемой частью идентичности, привнося в нее первое отличие, лежащее в основе ее становления.

Эта перспектива напоминает точку зрения на первичное вытеснение, составляющее бессознательное, или, точнее, на то, что будет происходить постепенно в форме первого различия между аффективным следом и его первым выражением в субъективной форме.

Таким образом, подобно субъективной идентичности, «еще не объединенной» отношением к «найденному и созданному двойниковому

объекту», первичная инаковость может рассматриваться как фрагментарная и частичная инаковость, поверхностная инаковость, все еще не осознаваемая в своих дифференцирующих эффектах.

С целью подчеркнуть актуальность заявленной тематики среди множества примеров для детального разбора в качестве основы эмпирической части данной работы представлен наиболее современный источник, связанный с темой инаковости.

Таким источником стал фильм 2017 года, переведенный в российском прокате как «Двуличный любовник», а точнее будет назвать – «Любовник-двойник» режиссера Франсуа Озона.

Немаловажным можно считать тот факт, что фильм основан на романе американской писательницы Джойс Кэрол Оутс, написанном ею под псевдонимом Розамунд Смит. Будучи чрезвычайно плодовитым автором, она пользовалась популярностью начиная с 1960-х годов, известна также как драматург и поэтесса. Три романа Оутс были номинированы на Пулитцеровскую премию. Роман, о котором пойдет речь, носит название «Жизнь близнецов» (*Smith, 1987*).

Роман повествует о Молли Маркс, которая обращается к психиатру Джонатану в связи с невозможностью «связать свою жизнь воедино». Она посещает множество всевозможных курсов по различным дисциплинам, но ни в чем не может преуспеть. Ей быстро становится скучно, она ни на чем не может сосредоточиться. Несколько месяцев ходит к психиатру и наконец начинает рассказывать о своей матери.

Повествование Молли о смерти матери вскрывает тему двойниковости в романе. В разговоре с психиатром Молли с горечью рассказывает, что с матерью умерла как будто часть ее самой. А именно та часть, которую ее мать в ней любила. И тогда Молли стала мечтать о близнеце. По ее представлениям близнец – тот, кто мог бы ее защитить. «Я всегда думала, что близнецы, должно быть, очень счастливы зная, что они продублированы в этом мире» (*Smith, 1987, p. 40*). Молли считает, что ее мать и после смерти осведомлена о ней, несчастлива, наблюдая за ней, но «не может ничего сказать, стоит и грустно смотрит».

Именно после этого разговора Молли утверждает, что излечилась. На что Джонатан ответил, что и не считал, что с ней что-то сильно не так. Позже в романе появляется близнец Джонатана, Джеймс. И Джонатан подтверждает его существование в реальности, как и то, что отношения между ними конфликтны. Джеймс – тоже психиатр. В романе он, как и Джонатан, переходит от лечения к сексуальной связи за деньги, предлагая Молли из пациентки стать клиенткой.

Присутствие в жизни Молли двух мужчин-близнецов как будто является подтверждением невозможности для нее сфокусироваться на объекте, создать целостный «достаточно хороший» объект. Это своего рода выражение навязчивого повторения. Заканчивается роман полным непониманием главной героиней, кто есть кто в ее жизни, как будто это отражение отсутствия связности происходящего с ней.

Тема двойника и близнецов в фильме значительно расширена по сравнению с романом. В фильме подробно представлен внутренний мир героини.

Далее будут рассмотрены идеи, представленные зрителю в фильме, через призму их связи с теорией инаковости.

Фильм повествует о молодой женщине Хлое, бывшей модели, которой врач-гинеколог порекомендовала обратиться к психиатру по причине необъяснимых болей в животе. Психиатр, которого ей рекомендовали, работал в клинике, а также и в частном кабинете как психоаналитический психотерапевт. Прошло несколько сеансов с Хлоей, и очень скоро молодой психотерапевт признался пациентке в своих романтических чувствах. Психотерапия оборвалась, и они стали жить вместе как пара.

Одновременно с такими реальными изменениями в жизни главной героини зритель видит и странные события, в которых реальность смешивается с фантазиями и, как позже выясняется, даже онейроидом Хлои.

В своих фантазиях она встречает близнеца – «двойника» психиатра Поля, Луи. С тех пор она стала посещать сеансы Луи, который тоже является психотерапевтом, и эти сеансы становятся встречами для необузданных и извращенных сексуальных отношений. Далее перед зрителями в виде еще одной болезненной фантазии Хлои предстает история соблазнения и изнасилования Полем и Луи некоей Сандры, ставшей впоследствии тяжелым инвалидом...

Режиссер этой сюжетной линией демонстрирует нам отсутствие различия между внешней и внутренней реальностью Хлои. Зритель постепенно обнаруживает бред главной героини... Хлое кажется, что она забеременела и что из ее живота прорывается некто. Боли в животе возобновляются с огромной силой, и в результате срочной операции (прошедшей в реальности) становится известно, что в ее животе начиная с внутриутробного периода находился близнец-паразит в виде пятнадцатисантиметровой кисты.

В больницу после операции приезжают Поль и мать Хлои. Мать признается, что, когда забеременела, не хотела рожать Хлою, что Хлоя не была желанным ребенком. Однако после операции мать обещает быть рядом. Хлоя с Полем возвращаются домой.

Фильм заканчивается сексуальной сценой Поля и Хлои, где зритель видит отрешенность женщины от происходящего (она галлюцинирует образ Сандры за стеклом) и оргазм Хлои в тот момент, когда разламывается, нарушается граница между ней и ее двойником.

Первичная инаковость – это реальный другой, а также это идентичность относительно самого себя.

Что же в фильме могло бы проиллюстрировать наши теоретические предположения?

Начать анализ можно с профессиональной идентичности Хлои. Она работала моделью, но бросила эту работу, став смотрительницей в музее. И это не переход, это разрыв профессиональной идентичности. От той, на которую смотрит, она стала той, которая смотрит, причем смотрит на неживые предметы искусства... Это работа скорее для пожилых дам, мало подвижная и малосодержательная.

Дальше, опираясь на фильм, можно развить эту идею взаимодействия с чем-то неживым. В контексте фильма другой, то есть представитель

первичной инаковости, – это сестра-близнец Хлои, которая перестала развиваться в утробе матери. И этот другой мертв, это уже давно не человек, а киста.

Чрезвычайно любопытным в контексте темы реального близнеца также является и тот факт, что в фильме использовались несколько песен в исполнении Элвиса Пресли. Как известно из биографических источников, у Пресли был близнец, который умер сразу после рождения. И эта история достаточно широко изучена как биографами, так и психологами. Вот что пишет по этому поводу журнал «Психотерапия» за 2007 год (Дюсметова, 2007, *Guralnick*, 1994):

«Наблюдения за подростками и взрослыми, потерявшими в раннем детстве своих братьев или сестер близнецов, показали, что некоторые из них имели такие же проблемы, как Элвис Пресли. Именно поэтому эти симптомы были названы нами «"комплексом Элвиса Пресли"».

Итак, для комплекса Элвиса Пресли, или синдрома потери близнецом своей пары в раннем детстве, характерны следующие особенности:

- наличие минимальных мозговых дисфункций (чаще всего это остаточные явления тяжелой беременности и родов;
- тревожно-мнительный тип воспитания в семье;
- высокая степень эмоциональной зависимости от матери;
- нарушение самоидентичности, когда оставшийся в живых близнец продолжает ощущать себя единым целым с умершим братом или сестрой, остро переживая потерю своей «половины», особенно в детском и подростковом возрасте;
- инфантильность, изменение восприятия своего возраста (пациент ощущает себя более младшим по возрасту);
- навязчивые страхи, высокая тревожность, напряжение в теле;
- тоскливое настроение, сопровождающееся болями в различных частях тела и чувством подавленности, одиночества, вины;
- нарушения сна в виде бессонницы, кошмарных снов или сноговорения;
- галлюцинативные переживания (зрительные, аудиальные, тактильные);
- суицидальная готовность;
- психотравмы помимо потери близнеца.

Можно предполагать, что в подобных случаях гибели близнеца во внутриутробном периоде или в раннем возрасте имеет место общий депрессивный фон. Этот фон связан с тем, что утрата происходит без репрезентации. В анализируемом нами фильме это особенно отчетливо видно, так как Хлоя не знала о существовании близнеца в реальности, пока не была прооперирована.

Также интересно, что при болях ей ни разу не было сделано ультразвуковое исследование. Хлоя говорила, что боль присутствовала всегда, но ни мать, ни бабушка с дедушкой, которые ее воспитывали, не предпринимали никаких действий. Из этого можно сделать вывод о том, какого

качества были объекты этой молодой особы, игнорировавшие ее жалобы. Можно предполагать, что это были психически мертвые объекты, идентифицироваться с которыми было опасно.

Особое место в фильме занимает образ матери Хлои, которую сыграла французская актриса Жаклин Биссет. Это чрезвычайно многогранный образ. О матери речь заходит в ходе сеансов психотерапии с Полем. Мать предстает как безразличная и отстраненная, не желающая инвестировать дочь. Это говорит главная героиня в начале фильма и подтверждает ее мать в конце. Вот что рассказывает Хлоя:

«...В семь лет я узнала, что родилась случайно. Моя мать переспала с мужчиной и совершенно забыла его. Она не сможет его узнать. Может быть, он плохо с ней обошелся или заплатил ей как проститутке. Меня растили бабушка с бабушкой, маме было не до меня. Она была очень красивая, свободная, умная, но в наших отношениях не было тепла. Когда я представляю себе ее похороны, то мне грустно. А в ее гробу я вижу себя мертвую. Мы с ней не видимся, но мне кажется, что ей известны все мои мысли. Мне кажется, что она смотрит на меня строго с осуждением. Она не любит меня, и мне больно.

– Больно где?

– ...В животе...»

Мы можем предположить, что особенности психики главной героини были заложены уже на начальном этапе ее развития, на уровне формирования привязанности. Согласно Винникотту, качество и разнообразные аспекты первичного ухода чрезвычайно важны. Рассматривая понятие холдинга, можно предположить, что у матери было недостаточно телесного контакта с дочерью, а также недостаточно даже первичного ухода, включающего в себя и внимательное отношение матери к младенцу, и элементарные обследования в рамках диспансеризации, которые могли бы выявить отклонения в физическом состоянии Хлои, которые были так тесно сплетены с психическими нарушениями и так драматически определили ее последующую жизнь.

Что касается «представления объекта», «фантазирования объекта», того, как мать представляет в своих отношениях с новорожденным различные объекты внешнего мира, неодушевленные объекты и «других субъектов», например отца, здесь несложно представить себе ту ненависть, о которой упомянула мать Хлои в конце фильма и влияние этой ненависти на развитие дочери. Таким образом, сюжет фильма, как и работы самого Винникотта, во многом подтверждают эту позицию.

Винникотт предложил термин «достаточно хорошая мать», чтобы описать адекватное удовлетворение потребностей матери ребенка. Достаточно хорошая мать не является «идеальной» матерью, это мать, которая заботится, чтобы отразить различные потребности ребенка, различные уровни потребностей, которые могут быть приняты во внимание.

Еще одна особенность «достаточно хорошей» матери заключается в том, что ребенок имеет достаточно «эмоциональную последовательность». Таким образом, он достаточно «предсказуем», достаточно гармоничен в

своих жестах; но он также «в зоне доступа», «достижим» и «трансформируем». Адекватность между матерью и ребенком не очень проста и не дается с самого начала, работа взаимной корректировки часто бывает совершенно необходима. Более 60 процентов наблюдаемых взаимодействий матери и ребенка являются «реципроктными». Важно, чтобы ребенок мог чувствовать работу адаптации своей матери: это дает ему «чувство» бытия в мире, и тогда он может принимать во внимание свои особенности, которые он способен трансформировать в соответствии со своими потребностями и на которые может воздействовать и влиять. Невозможность «преобразовать» свою мать, то есть отсутствие материнской перестройки, пугает ребенка, вызывает ощущения беды и радикальной беспомощности. В результате таких ощущений младенцу начинает казаться, что он никак не может воздействовать на мир, что он бессилён его преобразить и должен подчиниться ему, уйти или дезинвестировать его... В итоге Хлоя действительно начинает дезинвестировать реальность и создавать свою, неореальность, по психотическому типу.

Режин Прат (*Prat, 2014*), рассматривая особенности контакта матери и младенца, в частности, описывает «психический конверт», или контур. Если ребенок не находит этот контур, ему приходится бороться самостоятельно, судорожно ища объект – свет, голос, запах или любой другой чувственный объект, – который может удерживать внимание и таким образом восприниматься, по крайней мере на мгновение, как удерживающий части личности вместе. С помощью этих зацепок он создаст то, что можно определить как вторую кожу, вынужденную и патологическую конструкцию, первую систему защиты от основных опасений распада и разрушения.

Таким образом, тонкая и хрупкая, даже непоследовательная оболочка личности будет повреждена изнутри проекциями ребенка на другого: тогда психический механизм представляет собой интенсивную проективную идентификацию. Прат считает актуальным и революционным исходящий из такого наблюдения вывод об обратной корреляции между необходимостью использовать проективную идентификацию и материнской способностью к настройке.

Это, безусловно, бросает вызов самому понятию нормальной проективной идентификации. Проективная идентификация в данном случае будет свидетельствовать о неудаче материнской настройки.

Плодом такой проекции (согласно Прат), и неореальности (по Винникотту), и стала Сандра – нерожденный близнец, уродливый «двойник». Сам факт того, что Хлоя дала имя своему близнецу, отрицает факт ее нерождения. Ведь нерожденным детям не дают имя. Как будто происходит колоссальная гиперинвестиция умершего близнеца как попытка скомпенсировать провал зеркальной функции матери. Также в неореальность и в проекцию попадает и мать Сандры, «двойник» матери главной героини.

Став взрослой, Хлоя как будто уже сама стала препятствовать появлению репрезентаций, которые могли бы в чуть большей степени соотноситься с реальностью. Несмотря на то что в начале сюжета гинеколог,

проявив внимание, все же заводила речь о медицинском обследовании, она проигнорировала эту перспективу. Эта здравая перспектива словно осталась за рамками возможного. И тогда встает вопрос: чем будет заполнено пространство нереализованной перспективы?

Неразличимость, слияние как будто было бессознательно поддержано главной героиней. Здесь показано, какой могла бы быть, но не стала судьба первичной инаковости, тесно связанной с первичным нарциссизмом. («...При разработке второй топки Фрейд склонялся к мысли, что первичный нарциссизм – это первый этап жизни, предшествующий возникновению Я и строящийся по образцу внутриутробной жизни...»).

И дальше неразличимость и слияние приведут к болезненным состояниям спутанности и смешения. По словам Василиса Капсамбелиса (Капсамбелис 2013), «Я вынуждено прибегать к механизму отрицания, что на первый взгляд наводит на предположение, что оно отрицает желание объекта, направленное на себя ("реальность"). Такое же случается тогда, когда Я находится в затруднении или невозможности себя конституировать (и, следовательно, репрезентировать) как объект инвестиции. Так как должно встретиться с желанием другого и принять аспекты собственных влечений».

Воображаемая инаковость

Различие между первичной инаковостью и воображаемой (или мнимой) инаковостью возникает в результате встречи с «найденным и созданным двойниковым объектом» и соответствует первому моменту гармонизации между нарциссическими инвестициями и объектными инвестициями. Соответственно, воображаемая инаковость начинается с создания воображаемого пространства, позволяющего субъекту объединиться и ухватить себя через другого, чтобы испытать первичную нарциссическую иллюзию. Следовательно, воображаемая инаковость представлена как инаковость, отождествляемая с Я (Georgieff, 2007), тесно связанная с процессами инкорпорации, происходящая от инвестиций в «найденного и созданного двойника». Таким образом, воображаемая инаковость участвует в конституировании первичного нарциссизма.

Но клиника нарциссических проблем и проблем идентичности показывает, что эта форма инаковости также может быть источником отчуждения для первичного Я, в частности, когда психические потребности ребенка не принимаются во внимание и не могут быть удовлетворены. Или, в общих чертах, когда реакции первичного объекта не соответствуют психическим состояниям ребенка.

Мы можем сказать, что этот тип реакции препятствует установлению первичной нарциссической иллюзии, затем субъект встречает другого там, где он должен был столкнуться с самим собой, то есть реакции объекта не совпадают с психическими движениями субъекта, они не однородны с примитивным Я: тогда тень объекта падает на Я.

За этим следует создание зоны субъективного отчуждения, смешения идентичностей, в результате включения в нее части объекта, неадекватной примитивному Я, части Я, «плохо отраженной» объектом.

«Негативная иллюзия самого себя» (Roussillon, 2007), то есть иллюзия того, что источник плохого находится в самом себе, как следствие неудовлетворенности первичной потребности быть «хорошо» отраженным объектом, тогда рискует утвердиться на месте первичной нарциссической иллюзии, благоприятствуя установлению нарциссических защит, организованных вокруг расщепления.

Прежде чем разбирать пример воображаемой инаковости в фильме Озона, имеет смысл взять более широкий фокус и рассмотреть примеры воображаемой инаковости, которые могли бы быть гармонично вписаны в культуру. Таким примером для нас может стать феномен иночества. В нашей культуре слово «иной» близко религиозным понятиям «инок», «иночество». В современной православной традиции инок – еще не монах в традиционном смысле слова. Инок – это человек, который решил стать монахом. Монашество для него – иная форма бытия и служения, вне мирской жизни. Инок – человек, еще не принявший постриг, но стремящийся к нему и пытающийся уйти из мира светского в мир духовно-религиозный, с другой системой координат в оценке духовно-нравственных смыслов. Инок – по сути уже не мирской, но и еще не монашествующий. Он только на пути к своей цели. У него есть возможность вернуться в мирское пространство, пока не осуществлен постриг и не дано новое имя. Но и в такой трактовке инок воспринимается как некая антитеза обычным нормам бытия. Далее в данном контексте инаковость, чуждость и другость будут рассматриваться как синонимы. Это не случайная ремарка, так как в концепциях различных исследователей эти понятия стихийно разводятся. Так, у К. Юнга «чужой» – враждебная антитеза «своему», начиная с древнейших архетипов, а у М. Бахтина иной – это другой, который не отторгается как чуждый, а притягивается, так как становится интересным в силу своей инаковости. Думается, что данные понятия могут быть разведены и их специфичность аргументирована, но здесь это не является принципиальным (Оганов и др., 2014). Данный пример демонстрирует гармоничное вплетение воображаемой инаковости в культуру, тогда как в фильме это явление представляется болезненным и патологическим. В целом фильм изобилует примерами воображаемой инаковости.

Мы предпочли начать эмпирическое исследование воображаемой инаковости в фильме с размышлений о его режиссере, Франсуа Озоне. Что же можно разглядеть, сфокусировавшись на его личности и попытавшись связать факты его жизни с сюжетом фильма?

Вполне возможно, что в этом фильме наиболее значимую роль играет инаковость самого режиссера. По сути, в фильме «Любовник-двойник» Озон демонстрирует внутренний мир женщины. Эта воображаемая инаковость становится темой и других его фильмов. Среди таковых можно назвать, например, «Восемь женщин», где и название указывает на

обилие женского, и содержание посвящено внутреннему миру женщин. Также имеет смысл упомянуть фильмы «Ангел», «Бассейн», тоже повествующие о женщинах, их судьбах и переживаниях.

В «Любовнике-двойнике» также воссоздан внутренний мир героини, остальные персонажи – либо плоды ее бреда, либо посторонние люди, присутствующие как будто снаружи.

Воображаемая инаковость при существовании препятствий и искажений при прохождении этой стадии может дать толчок к расщеплению, отчуждению от самого себя в случаях, когда психические потребности ребенка не учтены, проигнорированы и не удовлетворены.

Возможно, по этой причине внутренний мир Хлои, который приоткрыл нам Озон, чрезвычайно болезненен, как в прямом смысле (боли в животе, о которых шла речь ранее, которые привели ее к гинекологу), так и в символическом (психическая боль, которая привела ее к психиатру)...

В сюжете фильма воображаемая инаковость начинается с появления Луи, брата-близнеца психиатра – плода онейроида Хлои. В ее фантазиях он жесток и первертен, хотя при этом режиссер показывает первертность и лживость самой Хлои: она говорит Полю, что ходит к женщине-психоаналитику, вместо этого на самом деле фантазируя о мужчине-садисте. Можно предположить, что речь и идет на самом деле о садистической матери самой Хлои, которая, вероятно, вела себя парадоксально: растила и при этом одновременно отвергала ее, заявляя о своей нелюбви.

Также в бредовой реальности существует и воображаемый двойник героини. Это Сандра, жертва злоупотребления Поля и Луи. Как будто сознательно Хлоя не может принять факт злоупотребления Поля ею, и только лишь бред и создание «двойниковой» реальности может дать ей возможность пережить весь ужас происходящего. В пользу такой гипотезы нам ясно указывает то, что Сандру играет та же самая актриса, что и Хлою. Как будто тем самым режиссер недвусмысленно указывает на расщепление в психике главной героини.

Как известно, расщепление является примером примитивной защиты и указывает на нечто психотическое. Интересно, на наш взгляд, о таком расщеплении и отказе от собственного Я пишет А. В. Россохин (Россохин, 2021), приводя пример знаменитого пациента Фрейда Сергея Панкеева.

«... Не кроется ли отказ Сергея Панкеева от поиска собственной идентичности в пользу бытия в качестве знаменитого пациента Фрейда, Человека-Волка, в его инфантильном желании быть проглоченным Няней-Волком и тем самым слиться с другими людьми-волками и больше не бояться жить с ними? Мог ли пациент Фрейда трансферентно побудить его проиграть эту архаико-инфантильную историю с няней в психоаналитическом процессе, чтобы уже навсегда обрести статус Человека-Волка, которого он так боялся и одновременно которым так страстно желал стать в детстве...»

Если провести параллель с фильмом, то можно предположить, что Хлоя отказалась от собственной идентичности для того, чтобы стать Сандрой.

И это тоже наглядно представлено нам в финале фильма, когда в момент оргазма Хлои появляется Сандра и как бы сливается с главной героиней, ломая границу между ними.

Чрезвычайно любопытен в контексте бредового образования Хлои и тот факт, что она сама дала имя Сандра как воображаемой девушке, так позже и реальной умершей сестре-близнецу, как если бы была ее матерью... Как много смешения, слияния, путаницы для одной женщины!

А ведь при продолжении психотерапевтической работы, которую режиссер продемонстрировал в начале фильма, если бы терапевт нашел в себе силы проанализировать свой эротический перенос, воображаемая реальность могла бы быть оформлена в слова, проявиться в переносе и быть психизирована. И тогда множественные двойники нашли бы свои места и смыслы.

Через психическую проработку, в противовес выплеску сексуальных импульсов, было бы возможно и рождение субъективности. Лакан, например, считал стадию зеркала основополагающим моментом развития. Идентификация себя в зеркале поддерживает создание первого наброска себя, посредством которого субъект может переживать себя в единой форме. Таким образом, обеспечивая ментальное постоянство Я, опыт зеркала устанавливает новые отношения с уже воображаемым Я, которое «объективно» или отчуждает идентичность от этого образа и от образа подобного.

Точка зрения Винникотта (Винникотт, 2002) отличается тем, что для него зеркало – это прежде всего живое зеркало, для которого характерна отражающая функция лица матери. Когда младенец смотрит на мать, он видит в целом, является самим собой, при условии, добавляет он, что то, что выражает его лицо, находится в прямой зависимости от того, что она видит. В этих первичных отношениях есть своего рода совпадение между нарциссическими и объектными инвестициями, то есть ребенок переживает себя через другого, а объект инвестируется как двойник самого себя. Объект, облеченный в свою зеркальную функцию, должен иметь здесь задачу артикуляции категорий того же самого и другого, или, говоря другими словами, гармонизировать нарциссические и объектные инвестиции. Таким образом, вклад Винникотта позволяет думать об использовании «двойникового объекта – зеркала самого себя» как о выходе из парадокса первичного нарциссизма, пересекемого двумя противоположными течениями.

Все это было бы возможно при продолжении психоаналитической работы. Краткую выдержку из описания успешной работы с такого рода пациенткой приводит в своей статье Ж. В. Зуева: «... появление и проработка зеркального переноса дали возможность не только появления меня как объекта переноса, но наша работа стала приобретать другой смысл. Очень постепенно, переживая психические агонии, она стала учиться думать и понимать себя...» (Зуева, 2009).

Вместо этого психотерапевт принял решение прервать работу с пациенткой и предложил ей начать жить с ним. Именно это подкрепило дальнейшую невозможность отдельности, состояние недифференцированности и тревоги.

Символическая инаковость

Наконец, в своей двойниковой траектории субъективная идентичность конструируется во время перехода ко вторичному нарциссизму. Субъективная идентичность формируется именно из третьего уровня инаковости, соответствующего открытию отзеркаливающей функции объекта и созданию внутреннего психического зеркала, независимого от внешнего объекта. Речь идет о символической инаковости.

Символическая инаковость – это инаковость, порождаемая активностью символизации, тесно связанная с процессом интроекции (Руссийон, 1999). В этой связи было бы важным уточнить, что такое символизация.

«В целом мы можем определить символизацию как операцию, с помощью которой для кого-то одно будет представлять собой другое. Таким образом, если символизация может проявляться как замещение одного объекта другим, прежде всего она является результатом процесса, который предполагает наличие способности создавать репрезентации отсутствующего объекта, когда субъект способен понять, что символ не является объектом, который он символизирует» (Жибо, 2020, с. 30).

Можно сказать, что символическая инаковость предполагает, в отличие от воображаемой инаковости, признание субъектом независимой и чуждой инаковости, а также доступ к репрезентации отсутствия, другими словами, отказ от «представления всего». Именно этот предел позволяет субъекту представлять себе то, что он себе не представляет, представлять себе, что часть объекта и (или) его самого ускользает от него (Там же).

С этого момента символическая инаковость представляется Я как инаковость, опосредованная репрезентацией отсутствия, субъект может размышлять о себе, отражать свою инаковость и инаковость объекта, в то же время и отталкивать, благодаря своему внутреннему зеркалу, непредставимую инаковость.

Таким образом, символическая инаковость позволяет субъекту структурировать себя в символическом «отношении к самому себе», которое объединяет и отделяет субъект от объекта, идентичность от инаковости. До тех пор воспринимаемый и инвестируемый, не будучи субъективно признанным во внешнем виде, объект конституируется на второй стадии двойникового отношения, которое описано как другой субъект. То есть не только объект воспринимается и инвестируется как другой, отличный от субъекта, но он также распознается как другой субъект, наделенный своими собственными желаниями и намерениями, с дифференцированным и автономным психическим функционированием. Эта модификация отношения к инаковости вводит новую субъективную эру благодаря созданию нового отношения к объекту.

Но если эта новая конфигурация позволяет представить инаковость объекта и особенности, связанные с его субъективностью, это вовсе не приводит к исчезновению повторяющейся отсылки. По общему признанию, это больше не появляется на переднем плане сцены, но оно будет продолжать проявляться незаметно, в интернализированной форме психического зеркала, ответственного за рефлексивную связь субъективных переживаний субъекта.

Это означает, что объект может быть инвестирован как другой субъект и это инвестирование не будет угрожать непрерывности идентичности.

Наконец, позвольте нам добавить в заключение, что инаковость объекта, однажды допущенная и признанная в том, что он является внешним, может использоваться как зеркало его собственной инаковости благодаря поддержанию отношения двойниковости, признанию самого по себе другого Я.

Таким образом, символическая инаковость начинается с признания разницы между внутренней и внешней инаковостью, между внутренним и внешним, а также между Я и Я, между разными «моментами» самого себя.

Начиная с выделения двойного потока первичного нарциссизма и необходимости двойникового инвестирования в объект исследование форм неидентичности по отношению к себе, или инаковости, таким образом, нам кажется способным составить дополнительную ось для вхождения в мир.

Под вхождением в мир подразумевается процесс, посредством которого субъект приходит к построению своей идентичности, к размышлениям о себе, сначала в присутствии объекта, затем в отношениях с самим собой.

В данной части имеет смысл рассмотреть представление об инаковости в психике не только главной героини, но и психиатра. Можно считать правомерным, исходя из психоаналитического постулата, что психоаналитик (Поль, судя по фрагментам первичного интервью, работал в психоаналитическом подходе) является объектом для пациента. Прежде чем размышлять о том, каким объектом стал для Хлои Поль, важно ответить на вопрос, какого качества «другим субъектом» он был.

В фильме продемонстрирована сексуализация контакта, да и сам режиссер утверждал в интервью, посвященном этому фильму, что для того, «чтобы узнать человека, надо с ним переспать».

Тема сексуализации контакта представляется нам важной и актуальной на сегодняшний момент. Вот что писал на эту тему А. Грин (Грин, 2010, с. 275): «Наряду с различными формами сексуальности есть еще одна, на которую я хотел бы обратить внимание. Это форма сексуализации конфликтов, которые изначально не были либидинозной природы».

В клинической практике встречаются такого рода конфликты, при которых сложно говорить о полном отсутствии либидо. Встречаются конфликты, которые ставят в противоборство, например либидо нарциссическое и либидо объектное. При этом можно тем не менее утверждать,

что сердцевину проблем составляет главным образом не либидо объекта. Конечно, детальное рассмотрение показывало взаимосвязь между прегенитальными фиксациями и нарциссической проблематикой.

Грин выдвинул гипотезу, что, возможно, имела место некоторая трансформация, которая переносила в сторону либидо объекта то, что возникло в истоках нарциссизма. Однако эти формулировки слишком общие, что делает сложным их принятие. Он предложил рассмотреть случай пациента, у которого было бы констатировано, что либидинозная активность в основном проявляется в виде мастурбации, или которой показывает преобладание черт, относящихся к прегенитальности: главным образом анальных, так же как и оральных. Привязываясь более внимательным образом к его сексуальной и эмоциональной жизни, можно заметить, что объект в ней неполон. Даже если бы компаньонство или брак соединили его с субъектом, остается чувство, что объект, при том что он присутствует, не признается как таковой. Субъект «живет» с ним, это правда, но скорее рядом с ним. Ничто не указывает на то, что он разделяет с ним отношение близости или даже «непринужденности». Если подумать о качестве отношения между обоими партнерами, неизбежно рассматриваемом со стороны пациента, то трудно будет представить себе чувства, которые вызывает объект. Привязанность, конечно, есть, но какого типа? Часто это является зависимостью. Такого рода отношения трудно назвать любовью, поскольку кажется, что не хватает признания индивидуальности любимого объекта. Однако анализ позволит констатировать заметную эволюцию этого отношения с установлением связи, в которой можно уловить признаки нового типа обменов.

После фазы, в которой объект вызывает сильные чувства враждебности, он становится более полным, «объектуализированным», то есть признанным в своем собственном характере и в том, что делает из него уникальное существо, индивидуальность, и это признание обогащает связь, которая объединяет его с ним. Здесь Грин говорит о возможных возражениях, касающихся того, что даже если либидо аутоэротично, речь идет все же о либидо. Это напоминание классической теории оказывается недостаточным настолько, насколько аналитик, сталкиваясь с этой трудностью инвестировать объект, догадывается о деструктивности, которая не решается себя явно проявить. При малейшем конфликте почти инстинктивная реакция толкает к разрыву связи с объектом, чтобы предупредить выход из берегов, который породит соблазн даже больше, чем ненависти, – разрушения.

Какой интерес представляет для психоанализа эта сексуализация? Она открывает совершенно исключительным образом – дублируя связь переноса – отношение объекта. То есть именно анализ сексуальной связи является лучшим индикатором объектных способностей пациента. Господин такой-то, например, может иметь сексуальные отношения, только занимаясь любовью в пижаме, из всей поверхности своего тела задевая лишь пенис для пенетрации в тело своей партнерши. Госпожа такая-то, хотя у нее удалена матка, должна, как во время, предшествующее ее удалению, идти мыться, чтобы избавиться от спермы, которую мужчина излил

в нее. Такой-то, хотя и находит удовольствие в своих сексуальных отношениях, не может не прибегать к сеансам порки с партнершей, которая на это согласна и была отобрана специально для этого, с которой у него мало эмоциональных связей, не сознавая при этом, что применяет к ней наказания, дозированные контролируемым образом, которые он адресует другим, с кем у него менее обезличенные отношения. Другой, хотя он и очень привязан к женщине, с которой живет, закрывается при малейшей фрустрации, откуда бы она ни происходила, и становится недоступным, лишенным теплоты, полностью изолированным, оставляя женщину биться в ужасном одиночестве и приводящем в отчаяние непонимании, что с ним происходит, или совершенно бессознательно ведет себя как садист. Можно бесконечно продолжать этот список. Однако во всех этих ситуациях Я ввело в действие некий процесс сексуализации, сталкиваясь с проблематикой по существу нарциссической. Эта сексуализация обнажает слабые стороны способности устанавливать отношение объекта, который признавал бы другое в другом и укрывал бы его от конфликтов, причиной которых он не является. Если перенос не позволил составить достаточно ясное мнение о предмете, то любовная связь делает очевидным то, что можно было бы лишь едва подозревать.

По этому случаю Грин упоминает идеи Мориса Буве, автора оригинальной теории связей объекта. Буве поставил в центр своей концепции идею приближения. Этот термин был заимствован из словаря псовой охоты, чтобы обозначить момент, когда добыча достигнута сворой собак. Он касался также момента переноса, когда после более или менее полного стирания всех запретов могла быть обнаружена новая связь. Это намекало не на какое-то излияние чувств, а на моменты, когда импульсивность могла выразиться более резким, то есть более свободным образом. Однако любовная связь, когда она не является ни объектом слишком большого количества проекций, ни источником избыточного количества страхов, является наиболее благоприятным обстоятельством для того, чтобы такое приближение имело место.

Нарциссическая хрупкость, угроза вторжения, страх быть оставленным после того, как субъект продемонстрирует свою зависимость объекту, страх показать себя незащищенным и другие мотивы того же порядка мешают возникновению такого приближения и вынуждают субъект оставаться сдержанным, то есть в своей нарциссической крепости. Тогда сексуальность – предполагается, что она разделена с другим – становится аутоэротическим отправлением, мастурбаторным распространением с функциональным объектом. Использованием объекта без взаимности и, во всяком случае, сведением объекта к частичному состоянию. Частичность здесь касается не столько сведения человека к объекту определенной эрогенной зоны, сколько лишнего эмоций способа сексуального отправления. Объект частичен в том качестве, в каком он претендует на то, чтобы отвечать функциям, вовлекающим совокупность, которая платит также свою дань бессознательному.

Грин пишет и о превращении партнера в лав машин, и о введении некоего очень удовлетворительного сексуального сценария одним из партнеров,

который ввел в действие такую машинерию. Очень удовлетворительно потому, что предполагается, что эмоциональное измерение связи разумеется само собой, без случайностей и непредвиденных обстоятельств. Оно отрегулировано заранее. Если оно не введено в связь, то его нельзя ощутить как отсутствующее. Это есть так, как есть, и это хорошо. Если не знать ничего другого, то этого достаточно, и это сохраняет необходимую защиту. Пока анализ не затрагивает нарциссическую основу отношения, главное не достигнуто. Здесь психоаналитик испытывает трудность: нужно ли интерпретировать в зависимости от линии объекта – по образцу переносной связи? Или нужно затронуть нарциссизм, что всегда может оживить рану, от которой страдает анализанд? В фильме, однако, показан третий путь, который предложил Озон и о котором Грин не упоминал. Аналитик просто отыграл сексуальные импульсы Хлои, за которыми крылись глубинные нарциссические конфликты.

Рассматривая образ психиатра Поля, можно сделать вывод и о дефицитности его представлений о символической инаковости. Можно сказать, что символическая инаковость предполагает, в отличие от воображаемой инаковости, признание субъектом независимой и чуждой инаковости, а также доступ к репрезентации отсутствия, другими словами, отказ от «представления всего». Именно этот предел позволяет субъекту представлять себе то, что он себе не представляет, представлять себе, что часть объекта и (или) его самого ускользает от него. В истории Поля и его пациентки имеется нежелание представлять нечто ускользающее и, соответственно, отреагирование со стороны психотерапевта.

С одной стороны, его рекомендует врач-гинеколог как хорошего психотерапевта, с другой же – он оказывается вовлеченным в эротический перенос и с удивительной быстротой переходит от терапевтических отношений к физической близости. Ниже приведен диалог из фильма, который наглядно продемонстрирует нам ту точку, где произошел провал и где работа пациентки и терапевта могла бы развиваться. Это отрывок из первого сеанса Поля и Хлои.

Хлоя: «Видимо сначала говорить должна я?»

Поль: «Если угодно»

Хлоя: «У меня, по-моему, всю жизнь болел живот. Я пробовала разные диеты, но без толку... Сказали, что причина психологическая, что живот – это второй мозг и что мне нужен психиатр. Мне 25 лет, я живу одна... у меня есть кот Мило. Я сейчас ищу работу, это нелегко, это стресс. Я говорю не то, что надо, и меня не берут.... По-моему, я совсем неспособна любить. У меня внутри как будто чего-то не хватает. Иногда я плачу без причины. Ну вот... думаете, вы сможете мне помочь?»

Поль: «Я думаю, эта боль говорит о том, что скрыто в вас. И мы попытаемся выяснить, что это».

Далее Хлоя является еще на два сеанса и рассказывает историю своей жизни. Учитывая, что фильм французский и в нем показан психоаналитический подход, можно смело предположить, что у Поля и Хлои проходят три первых диагностических сеанса. По правилам классического психоанализа обычно в конце третьего сеанса психоаналитически

ориентированный специалист предлагает кадр. Здесь же происходит нечто иное, что противопоставляется психоанализу. И это рушит психоаналитический процесс и наносит очевидный вред.

В финале третьей встречи Хлоя говорит о своем желании быть рядом с тем, кто готов ей помочь (то есть с Полем). Однако Поль молчит в ответ, хотя по идее он должен был бы обозначить условия психоаналитического контракта. Зато в начале четвертой встречи Поль признается Хлое в чувствах, мешающих проведению дальнейшей работы. Он не берет денег и не отпускает ее из кабинета после этих слов, удерживая ее руку при рукопожатии.

То, что зрителю предстает в этом эпизоде, являет собой грубую атаку на кадр, причем со стороны психотерапевта. А кадр в психоанализе, как известно, являет собой потенциальное иное пространство, место, где может измениться, обрести иной смысл судьба пациента.

Имея некоторые представления о терапевтическом процессе, можем представить себе, что при продолжении психотерапии с Полем у Хлои появился бы негативный перенос.

Предложив своей пациентке сексуальную связь, Поль, безусловно, смог его избежать, но вместо негативного переноса в отношениях Хлои и Поля появился активный, прогрессирующий и неустрашимый бред... Бред Хлои сначала о двойнике Поля, а потом и своем собственном.

По итогам наблюдений и анализа получается, что любая репрезентация двойника приводит нас к идее о смешении внешнего (телесного) и внутреннего (психического), смешении социальных ролей, отсутствии инаковости, то есть разницы.

На смешение внешнего и внутреннего режиссер намекает нам очень прозрачно одной деталью. В фильме гинеколога и психотерапевта, знакомую Поля, играет одна и та же актриса. Причем эта актриса играет психотерапевта, которая так и не стала лечить Хлою, потому что та к ней не обратилась...

Таким образом, у Хлои так и не появилось внутреннего объекта.

Инаковость объекта, однажды допущенная и признанная в том, что он является внешним, может использоваться как зеркало собственной инаковости субъекта благодаря поддержанию отношения двойниковости; это может дать возможность признания самого по себе другого Я и сделать психику более зрелой.

В фильме же психиатр ответил действием на слова пациентки о своих чувствах к нему, что лишило ее перспективы символической психической инаковости.

Ранее было сказано, что символическая инаковость дает возможность субъекту понять себя, сформировать символическое отношение к самому себе. Такое отношение отделяет субъект от объекта, одинаковость от инаковости.

Объект Хлои, мать, которая раньше могла бы быть признана во внешнем мире, но была, однако, недоступна, на второй стадии могла бы быть принята как другой субъект. То есть при нормальном развитии не только объект воспринимается и инвестируется как кто-то другой, отличный

от субъекта, но он также распознается как другой субъект, наделенный своими собственными желаниями и намерениями, с дифференцированным и автономным психическим функционированием. Все это для Хлои было, однако, невозможно. Но при благоприятном развитии событий эта модификация отношения к инаковости могла бы ввести новое субъективное измерение благодаря созданию нового отношения к объекту.

Следует отметить, что, если эта новая конфигурация позволяет представить инаковость объекта и особенности, связанные с его субъективностью, это вовсе не приводит к исчезновению повторения ранее пережитого. Это больше не появляется на первом плане внутренней сцены, но оно будет продолжать проявляться незаметно, в интернализированной форме психического зеркала, ответственного за рефлексивную связь субъективных переживаний субъекта. Как раз этого «зеркала» в психике Хлои не возникло. Вместо этого режиссер демонстрирует в финале разбитое «стекло» разницы между ней и ее близнецом.

Объект мог бы быть инвестирован как другой субъект, без угрозы непрерывности идентичности, но этого не произошло с главной героиней. По большому счету, фильм, на наш взгляд, демонстрирует провал представления о символической инаковости в психике Хлои и его последствия. Наблюдается отсутствие дифференциации «внутри – снаружи». И это ведет к невозможности субъективации.

Попробуем рассмотреть конкретные примеры отсутствия этой дифференциации.

Обращает на себя внимание тот факт, что Хлоя жалуется на соматическую боль, а не на психическую. Боль в животе – это был и соматический запрос к психиатру. И ответ от Поля последовал тоже телесный: он предложил Хлое сексуальную близость вместо понимания.

Дальше по ходу фильма мужчина в ее психике, в бреде, сначала стал извращенным насильником, а потом и вовсе пропал. Хлоя с ним разговаривает, но в ее представлениях его заменила собой Сандра, изнасилованная Полем и Луи, потерявшая возможность разговаривать и коммуницировать с миром. «...Коммуникация по всем направлениям соответствует отрицанию любой коммуникации, что противоположно неврозу, где кастрация... позволяет общаться с миром», – так описан процесс, который наблюдает зритель, в известном учебнике по психоаналитической патопсихологии под редакцией Бержера (Бержере, 2001, с. 244).

И этот процесс зависит от объекта, именно объект определяет, какого качества станет инаковость со временем. Качество инаковости может позволить субъекту отказаться от тождественности и тотальности в пользу уникальности и разнообразия или же, наоборот, привести к отчуждению всего инакового в пользу универсального порядка и мнимого культурного единства (Маркина, 2015).

Далее было бы резонным привести пример удачного формирования представления о символической инаковости. Такой пример, лаконичный и наглядный, наблюдается в сказке «Аленький цветочек»

(Аксаков, 2017). Отметим повторно, что переход к символической инаковости соответствует стадии уничтоженного и найденного двойника, о котором шла речь в первой части.

В сказке купец, потеряв все и попав в заповедное место, встречается того, у кого «было все», но сам обладатель «всего» как будто отсутствовал. Он был на деле тем, кто подарил аленький цветочек (очевидно символизирующий вагину) девушке. Этот некто был своего рода негативным двойником отца. В динамике сюжета «некто» оказывается «кем-то». Сначала – чудищем, обладателем аленького цветочка, а потом, в финале сказки, человеком – королевичем, женихом и мужем младшей купеческой дочки.

Итак, в сказке описано расставание с отцом, встреча с «ником», потом – никто становится «кем-то», точнее – чудищем. Далее следует расставание и даже «уничтожение» чудища. Девушка не появляется в его владениях вовремя, потому что ее не хотят отпускать из дома, стрелки часов переведены назад... И вот, после почти что гибели, возникает иное, а именно – чудище расколдовывается. Дочерью и отцом признается его символическая инаковость (что он страшен внешне, но добр душевно), и именно это обнаружение ведет к преображению, счастливому концу и к ощущению завершенности у читателя сказки.

Теперь вернемся к основному объекту нашего эмпирического исследования, к фильму. В финале фильма режиссер также создает некоторую иллюзию благополучия. Происходит диалог между Хлоей и матерью. Расставаясь возле больницы, мать говорит Хлое: «Я знаю, ты всегда на меня злилась, ведь меня никогда на было рядом. Но теперь я буду помогать всегда».

Очевидно, что мать как не говорила раньше, так и в заключительном эпизоде ни слова не говорит дочери о своих чувствах. В чем же может заключаться помощь несчастной Хлое, если не в этом? Описанный диалог дает основания предполагать, что, несмотря на красивые слова матери, для Хлои внутренний объект так остался «плохим», мать не проделывает работу горя. Ведь именно через этот эпизод экстренной операции явно обнаружилась вся степень невнимания и ненависти, которую испытывала мать Хлои во время беременности и младенчества главной героини.

«– Вы помните, что показывало УЗИ, когда вы были беременны?»

– Нет. Я очень поздно поняла, что была беременна. Хлоя не была желанным ребенком».

В итоге такого материнского отвержения становится понятно, что Хлоя в своей внутренней реальности родила свою мертвую сестру от воображаемого извращенца Луи, Поль ее совершенно не интересовал, и при половом акте с ним в финале фильма она галлюцинировала слияние с Сандрой, своим воображаемым близнецом...

Заключение

Данная публикация может быть полезна для психоаналитической работы с детьми, поскольку в ней подробно исследовано становление инаковости в тесной связи с отношениями матери и младенца. С другой стороны, современный материал, представленный в фильме, делает данное исследование применимым и для работы со взрослыми пациентами, имеющими нарциссическую проблематику.

На наш взгляд, инаковость в психоанализе представлена очень широко и может быть исследована на многочисленных клинических и литературных примерах. Нам пришлось ограничиться классическим психоаналитическим полем, хотя глубокие философские изыскания, а также материалы, представленные психологами других направлений, например юнгианской аналитической психологии или лакановского анализа, также заслуживают внимания. Данная тема видится нам как чрезвычайно перспективная для дальнейших исследований, сравнений и открытий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Двучичный любовник. Фильм. <https://www.kinopoisk.ru/film/1038227/>.
2. Дюсметова Р. В. Комплекс Элвиса Пресли, или Синдром потери близнецом своей пары в раннем детстве, и возможности его // Психотерапия. 2007. № 6. (54). С. 5–8.
3. Жибо А. Символизация и психоз. О посреднической функции образа в индивидуальной психоаналитической психодраме. Уроки французского психоанализа. М.: Когито-Центр, 2007. С. 505–534.
4. Зуева Ж. В. Жуть отсутствия аналитика – переживание аффекта в работе с пациенткой с нарушением пищевого поведения // Журнал практической психологии и психоанализа. 2009. № 1.
5. Капсамбелис В. Психотическое функционирование: психоаналитическая патопсихология. Элементы психопатологии младенца. Психотическое функционирование. М.: Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах, 2013. С. 36–74.
6. Маркина В. Механизмы производства инаковости в дискурсе: теория и методология анализа (на примере одного кинотекста) // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 1.
7. Оганов А. А., Хангельдиева И. Г. Многоликость инаковости в современной культуре. Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения. СПб.: СПбГУП, 2014. 592 с.
8. Психоаналитические концепции психосексуальности / Под ред. А. В. Литвинова, А. Н. Харитоновна. М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2010.
9. Руссийон Р. Работа символизации. [Электронный ресурс] // URL: <https://psychic.ru/articles/modern/modern11.htm> (дата обращения: 26.08.2023).

10. *Georgieff N.* (2007). Neurosciences en psychopathologie: une psychopathologie plurielle. In Roussillon, R. & al., Manuel de psychologie et de psychopathologie clinique générale. Paris: Masson. P. 534.
11. *Golse B.* (2010). Les destins du développement chez l'enfant. Paris: Erès. P. 22.
12. *Jung Johann* (2015) Le narcissisme primaire, le double et l'altérité. Dans, pages 77 à 86. Le narcissisme primaire, le double et l'altérité | Cairn.info.
13. *Prat Régine* (2014) Aux origines du narcissisme : le corps et l'autre. Nature des expériences relationnelles et corporelles précoces. Le rythme et le territoire. Dans Journal de la psychanalyse de l'enfant. 1 (Vol. 4), pages 25 à 59.
14. *Ribas D.* (2014). Presses Universitaires de France | «Revue française de psychanalyse» 1 Vol. 78 | pages 83 à 97.
15. *Roussillon R.* (2007). Manuel de psychologie et de psychopathologie clinique générale. Paris: Masson. P. 54–55.
16. *Smith R.* (1987). Lives of the twins. Simon & Schuster.

Alterity in psychoanalysis. The destiny of alterity in F. Ozon's film «Double Lover»

L. V. Zakharova

Zakharova Larisa V., Master of Psychology (NRUHSE), candidate of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), candidate of the International Psychoanalytic Association (IPA), culturologist (MGUKI).

This work is a psychoanalytic study of the concept of alterity. The author starts from the theory of René Roussillon, who considered alterity in the context of the infant's contact with the mother, linking it with the process of symbolization. Modern psychoanalysts have traced the trajectory of alterity from primary to symbolic. The analysis of the film by Francois Ozon "Double Lover" was carried out from the point of view of the formation and idea of alterity in the subject. Primary alterity in the film is illustrated by the phenomenon and history of the existence of a parasitic twin in the body of the main character, Chloe. Imaginary alterity as a variant of transitional alterity is also presented in the film proposed for analysis. The author described an example of imaginary alterity, accepted in the cultural tradition, and also several examples from the film, indicating splitting, the formation of delirium and the imaginary reality inherent in psychosis. Symbolic alterity in the film fails, as it is the result of failures in the previous stages of the development of the main character. The psychotherapist's refusal from the symbolic, that is, from treating Chloe with the help of words alone, and his transition to actions – to sexual connection – led to negative consequences.

Keywords: alterity, narcissism, subject, imaginary, symbolic, imaginary double.

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Репарация внутренних объектов на примере жизни и творчества А. П. Чехова

М. И. Лукьянова

Лукьянова Мария Игоревна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант.

Жизнь и творчество Антона Павловича Чехова обстоятельно изучены с самых разных сторон – литературной, биографической, эпистолярной. Существует отдельное направление в литературе под названием «чеховедение», где подробнейшим образом изучают весь корпус материалов, который был создан Чеховым – произведения, письма, черновики, статьи, личные заметки. Не так много исследователей решается зайти на территорию более глубокого анализа личности Антона Павловича Чехова, его «психического», его внутреннего мира и соотнести это с тем, какие именно сюжеты и конфликты разворачиваются на страницах произведений автора.

В данной статье исследуются аспекты биографии и творчества Антона Павловича Чехова с психоаналитической стороны видения, в частности его «говорящие» псевдонимы как возможное отражение процесса репарации внутренних объектов. По теории Мелани Кляйн, репарация внутренних объектов является мощным импульсом для творческой деятельности субъекта. Репарация объектов внутренней реальности таким образом может находить свое воплощение через реальность внешнюю – через продукты художественного творчества, которые обогащают и автора, и читателей.

Ключевые слова: внутренние объекты, репарация, сублимация, творчество, теория объектных отношений, психоанализ художественных произведений.

Данная работа посвящена удивительному русскому писателю А. П. Чехову и его сложной биографии, которая очень ярко для нас, психоаналитически ориентированных специалистов, воплотилась и проявилась в его творчестве. Ниже автор статьи готов показать читателю проявление некоторого интересного психоаналитического феномена кляйнианской школы – репаративного процесса в отношении мира внутренних объектов – на примере продуктов творчества писателя и, в частности, смысла его многочисленных и говорящих с нами псевдонимов. Но прежде чем мы перейдем к психобиографическому анализу Чехова, уделим некоторое время самому процессу репарации внутреннего мира субъекта и феномену творчества в психоанализе.

Феномен творчества и его истоков изучается с самых разных сторон. Психоаналитическая мысль, начатая Фрейдом и продолжающаяся в современном психоанализе, формирует собственные гипотезы и представления в этом вопросе. Сам З. Фрейд в своих работах уделял особое внимание анализу творческих личностей: Леонардо да Винчи, Микеланджело, Достоевский и др. Он пытался понять, как мог быть устроен внутренний мир художника, как те или иные аффекты, желания и влечения находили свое выражение, разрешение, замещение или вытеснение. Почему такое исследование в принципе возможно со стороны психоанализа, Фрейд объясняет следующим образом: для психоанализа материал исследования не ограничивается датами и фактами из жизни, он также берет во внимание случайности, сны, влияние внешних объектов на субъект и то, как индивидуум на это реагирует. Психоаналитический метод изучает сущность субъекта в его динамическом реагировании, есть ли в них некоторая внутренняя бессознательная закономерность, как в этом раскрываются нереализованные и запретные желания субъекта. Если это исследование удастся и для него есть достаточно материала, то «из взаимодействия натуры и судьбы, внутренних сил и внешних факторов выясняется жизненное поведение личности» (Фрейд, 1995а).

Психоаналитическая теория не дает ответа на вопрос, из чего складывается художественная ценность, в чем именно выражается талант автора. Природа дара и творческого гения остается для психоанализа и для других наук открытым вопросом. Фрейд отмечал (Фрейд, 2003), что психоаналитическое понимание художественного творчества состоит не в объяснении этого феномена, а в интерпретации мотивов автора, его фантазий и замыслов художественного произведения. Психоанализ изучает то, какая за этим творческим процессом стоит бессознательная фантазия автора.

«Бессознательная фантазия» – один из терминов, введенных позже Мелани Кляйн. Ее концепции предполагают, что внутренний мир человека населен не двумя объектами, Эго и Суперэго, как считал Фрейд, а больше похож на «общезитие», населенное внутренними объектами – интроецированными объектами внешнего мира, чей эмоциональный и психический образ мы «усваиваем» внутрь себя. Как правило, такие объекты – это значимые для нас люди, окружавшие в детский период. Поддержание согласия и мира между интроецированными

объектами – существенный элемент психического здоровья и внутреннего благополучия субъекта. Такое состояние субъекта означает успешно проделанную работу по репарации.

Процесс репарации в широком смысле также можно обозначить как восстановление «хорошести» того или иного внутреннего объекта. Внутренние объекты могут быть интроецированы как целостные или фрагментарные, также условно их можно поделить на «хорошие» и «плохие». Чем более цельный и «хороший» внутренний объект, тем выше способность субъекта опираться на него, интегрировать его в последующий опыт, это способствует психическому благополучию такого человека. Частичные, фрагментарные или «плохие» внутренние объекты могут привести к дезинтеграции личности, расщеплению, к ощущению внутреннего неблагополучия.

Репаративный процесс способствует интеграции восприятия и опыта, стабильности внутренней организации личности, потенциальной трансформации. Репаративный процесс может зародиться именно в депрессивной позиции, это – ее неотделимая часть. Для того чтобы этот процесс был возможен, психический аппарат субъекта должен быть достаточно хорошо адаптирован к способности видеть объект именно как «другого», отличного от себя, любить его и уважать, испытывать по отношению к нему различные чувства. Сама по себе репарация участвует в депрессивных циклах и в переходе от параноидно-шизоидной позиции к депрессивной, но не с целью усугубить чувства вины и/или утраты, но с целью их проработки. Эта цикличность в движении от параноидно-шизоидной позиции к депрессивной и ее взаимодействие с процессом репарации могут быть корнем творческой реализации субъекта и его дальнейшего психического развития.

Творчество и творческую переработку также можно отнести к производным от внутренних репаративных процессов. Как отмечает Кляйн (Кляйн, 2001), если гипотетически представить младенца, у которого отсутствует конфликт и все его желания исполняются, то это лишит его возможности фантазировать и усиливать свое Эго. Наличие частично выполнимых (или совсем невыполнимых) желаний младенца и связанный с этим конфликт зарождают потребность младенца в его преодолении и вносят важный вклад в сублимацию и творческую деятельность. Почти любой период жизни человека, младенческий или уже взрослый, содержит в себе тот или иной конфликт, а также бессознательные желания, которые можно реализовать только до некоторой степени, но эти процессы могут иметь свое выражение в сублимации и в творчестве.

Процесс репарации так или иначе имеет отношение к психической боли. Боль, как ментальная, так и физическая, является источником многих процессов, репаративного в том числе. Если гипотетически представить субъект, во внутреннем мире которого присутствуют только цельные и связанные внутренние объекты, то в таких условиях процессу репарации нет места. Если нет разрушенного внутреннего объекта – целиком или частично, то и нет того, что психика будет стремиться репарировать. А разрушенные или «плохие» объекты так или иначе причиняют боль

и страдания субъекту. Боль является мощным импульсом и в некоторой степени необходимым условием для творчества многих художников, мыслителей, музыкантов и даже бизнесменов. Переживание боли способствует контейнированию этих чувств и болезненного опыта, что находит свою форму через создание художественного произведения и, соответственно, репарации.

Зигмунд Фрейд (Фрейд, 2005) отмечал, что художественные произведения и искусство можно анализировать подобно сновидениям – за ними также стоит бессознательная фантазия, в них также можно увидеть манифестное и латентное содержание. Более целостный смысл произведения и его связь с личностью автора раскрывает именно латентное содержание, к которому относятся скрытые мотивы, желания и мысли автора. Их интерпретация с психоаналитической точки зрения подчеркивает и подсвечивает этот смысл. Также Зигмунд Фрейд оставил без ответа вопрос, почему одни аффекты находят выражение в творческом процессе, а другие выражаются в невротических симптомах. Психоанализу еще предстоит выяснить, какие именно механизмы внутри личности влияют на это.

Внутренние конфликты, которые сопровождаются сильными и противоречивыми чувствами, являются мощным импульсом для создания идей и образов. Бессознательно субъект может выбрать, каким путем он может отреагировать на эти чувства, чтобы от них освободиться: в художественной фантазии или в создании невроза.

Вместо выражения в неврозе непереносимые чувства и аффекты могут перерабатываться в творчестве. Зигмунд Фрейд (Фрейд, 1995) также считал, что человек может найти замену действию в слове, выразить и отреагировать аффект в языке, что будет не менее эффективно. Писатель может выражать это через создаваемых им персонажей, образы, драматические ситуации. Через механизм проекции и экстернализации: все то, что выходит из-под пера писателя, окрашивается чертами его собственной личности. Персонажи могут выражать противоречивые черты его характера, конфликт пьесы может отражать грани внутреннего конфликта автора. Подобного рода репарация и сублимация ярко прослеживаются в жизни и в творчестве известного писателя – Антона Павловича Чехова.

Антон Павлович родился в 1860 году, прожил 44 года. Его жизнь аккуратно уложилась между двумя важными датами – отмена крепостного права в 1861 году и революция 1905 года. Это был относительно спокойный период в истории России, правление Александра III. Шла русско-турецкая война, но это было далеко от Чехова. На убийство Александра II в 1881 году – на тот момент Чехову был 21 год – он практически никак не отреагировал. Складывается ощущение, что внешние социальные и политические события оказывали не так много влияния на жизнь и взгляды Чехова – гораздо больше на его формирование повлияли особенности личной и семейной истории.

Мать писателя, Евгения Яковлевна Чехова, вырастила шестерых детей: Александра, Николая, Антона, Ивана, Михаила, Марию. Седьмой

ребенок, девочка Евгения, умерла в возрасте двух лет. В воспоминаниях сыновья пишут о матери с большой теплотой, о «ее активной любви и страдании ко всем обиженным и угнетенным» (Чехов, 1964, с. 9).

Отец писателя, Павел Егорович, был купцом, держал в Таганроге бакалейную лавку. Имел патриархальные взгляды, любил выстаивать многочасовые церковные службы, дома организовывал церковный хор. Из этого и складывалась основная семейная повседневность семьи Чеховых – церковные службы и работа в лавке отца, о чем Чехов вспоминает с грустью: «В детстве у меня не было детства».

Дед писателя, Егор Михайлович Чехов, был крепостным крестьянином. Ему удалось накопить состояние и выкупить семью из крепостничества. На тот момент отцу Чехова, Павлу Егоровичу, было около 15 лет. Сам Антон Павлович, даже став известным человеком, никогда не скрывал и не стеснялся своего происхождения – внук крепостного, сын купца.

Схематично семейную систему Чеховых можно представить следующим образом (см. рис. 1 ниже). На данной схеме присутствуют основные фигуры, которые составляли детское окружение Чехова. На момент появления Антона на свет у него было два старших брата – Александр (5 лет) и Николай (2 года). Чуть позже у Антона появились еще два младших брата – Иван и Михаил – и младшая сестра – Мария. Сестра Евгения,

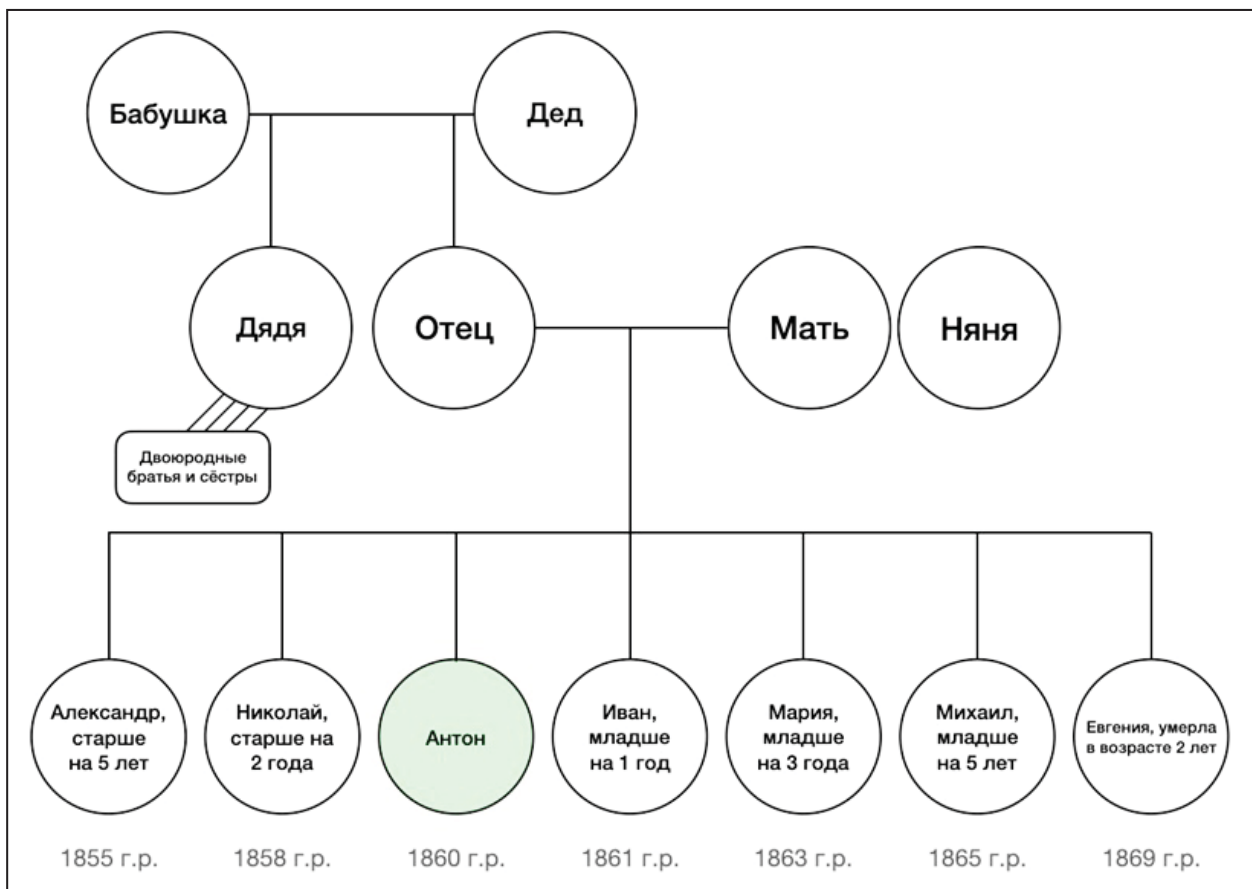

Рисунок 1

седьмой ребенок в семье, прожила недолго, она умерла в возрасте двух лет. В то время уровень детской смертности был достаточно высок. Интересно отметить, что в сохранившихся воспоминаниях Чехова и его сиблингов не встречается воспоминаний об утрате маленькой сестры.

Одно из событий юности Антона, которое сильно повлияло на всю семью как внешнее обстоятельство и не могло не отразиться на внутреннем мире Антона, – это разорение отца. В 1876 году отец Чехова, Павел Егорович, вынужден был остановить торговлю в своей лавке. В то время в Таганроге произошел упадок торговли из-за проведения новой железной дороги в Ростов, что вводило торговые пути из города. Но *«непосредственным поводом для разорения послужила постройка собственного небольшого каменного дома, которая по вине недобросовестного подрядчика обошлась очень дорого»* (Чехов, 1964, с. 304). Отец спешно бежал в Москву, опасаясь преследования кредиторов. В Москве к тому моменту уже жили два старших брата – Александр и Николай. Уехала вся семья, кроме Антона и его младшего брата Ивана. Они остались в Таганроге доучиваться в гимназии.

Антону в это время 16 лет, в этом возрасте он стал надеждой и опорой всей семьи. Для семьи Чеховых это был большой удар и фактическое разорение. Родители, Павел Егорович и Евгения Яковлевна, писали письма сыну Антону, в которых просили его продавать вещи и оставшуюся мебель, каким-то образом самостоятельно зарабатывать деньги и отсылать их в Москву. Там семье было почти не на что жить, они были в крайне стесненных обстоятельствах. Этот эпизод крайне важен в контексте всей биографии Чехова, а также дает нам пространство для психоаналитических гипотез.

Антон прожил так три года, после чего также переехал в Москву. Эти годы Антон был, по сути, предоставлен сам себе. Он учился в греческой гимназии, любил ходить в театр. Также некоторые биографы отмечают, что в то время считалось нормальным заходить в публичные дома, чем Чехов также пользовался. Важно отметить, что именно в этот период жизни, в эти три года после семейной катастрофы и жизни вдали от семьи, он пишет свою первую пьесу. Одно из ее названий – «Безотцовщина». Это достаточно большая драматическая пьеса, 160 страниц в рукописи. С этого момента Чехов предстает перед нами как молодой человек, который в 18 лет уже написал полноценную пьесу, который, возможно, мог мечтать о том, чтобы с ней по-настоящему войти в литературу. Уже с этим знанием о себе он строит свою последующую жизнь с интересом к литературе как к масштабной деятельности. В первом действии этой пьесы главный герой, Платонов, обвиняет своего покойного отца в равнодушии и нерадивости. При этом сам Платонов точно так же пренебрегает собственным малолетним сыном. Отцы и сыновья в пьесе предстают «эгоистичными дураками», но отцы стремятся утвердить и укрепить свою власть над сыновьями. Купец Венгерович Старший спрашивает у Платонова: «Я отец, а вы кто?», как будто сам факт отцовства наделяет его неограниченной

властью. Межпоколенческий конфликт – одна из нескольких тем, которые Чехов исследует в пьесе, где отцы и сыновья не понимают и даже ненавидят друг друга.

Почти все биографы А. П. Чехова вполне ясно описали то, что сегодня мы бы назвали жестоким обращением, которому Чехов и его братья подвергались в детстве. Порки были частым явлением в их семье, в переписке между собой братья Чехова называли это «экзекуцией» (Абрамова и др., 1962, с. 128). В России XIX века, как и в Европе, бить детей было отчасти нормой, особенно в крестьянской среде, несмотря на то что крепостное право официально было отменено в 1861 году. В воспоминаниях было отмечено, что маленький Антон иногда просыпался с мыслью: «Интересно, какой сегодня будет день – будут бить или нет?» Антон воспринимал это не только как физическое насилие со стороны отца, но и как унижение его человеческого достоинства, это причиняло ему много душевной боли и страданий, за которые он так и не смог простить отца. После избиения ребенок должен был, по обычаю, поцеловать руку, которая его била.

Помимо физического насилия Антон и его братья испытывали много страданий в детстве от настойчивого желания отца «воспитать» из своих детей церковный хор – он заставлял их петь часами, проводил домашние службы и ругался на них, если кто-то из детей осмеливался ослушаться его указаний. «Мы в это время чувствовали себя маленькими каторжниками». Так это описывает в воспоминаниях Александр Павлович, старший брат Антона: «Тяжеленько приходилось бедному Антоше, только еще слагавшемуся мальчику, с неразвившейся еще грудью, с плоховатым слухом и с жиденьким голоском... Немало было пролито им слез на спевках и много детского здорового сна отняли у него эти ночные, поздние спевки. Павел Егорович во всем, что касалось церковных служб, был аккуратен, строг и требователен. Если приходилось в большой праздник петь утреню, он будил детей в 2 и 3 часа ночи и, невзирая ни на какую погоду, вел их в церковь» (Абрамова и др., 1962).

Отец также заставлял сыновей работать в лавке. В то время как другие мальчишки могли гулять, бегать, играть в мяч и другие игры, Антону приходилось сидеть в лавке и отпускать товар покупателям. У братьев оставалось мало времени и сил на учебу, а за каждую плохую отметку отец их порол. В воспоминаниях Чехов называет этот период «каторжной жизнью». Мать пыталась защищать сыновей, давать им возможность хотя бы высыпаться между ночными службами, школой и домашними занятиями, но отец был непреклонен, в чем ему было крайне сложно перечить.

Энни Анаргирос (*Anargyros*, 2010), психоаналитик и исследовательница творчества Чехова, отмечает, что Чехов усвоил это насилие, это стало частью его внутреннего мира, но у него получилось это насилие трансформировать. В отличие от своих старших братьев, Александра и Николая, которые, как описано в воспоминаниях, мочились в постель до отрочества от страха перед побоями отца и после, во взрослом возрасте, страдали от алкоголизма, Антон не был таким. Чехов не позволял себе никаких проявлений внешнего насилия и поэтому стал, напротив, человеком,

который был особенно «терпим и уважителен к другим». Чехова ужасают алкоголизм и лень старших братьев. Осознавая разрыв между их неудачами и его успехом, он подталкивает их к тому, чтобы сдерживать себя, как и он сам, дисциплинировать и постоянно работать. Часть этой агрессивности была обращена внутрь, против него самого, что объясняет частые приступы депрессии, от которых он страдал.

Отдельно стоит отметить тесную взаимосвязь юмора и сарказма в творчестве Чехова. Зигмунд Фрейд в работе 1927 года «Остроумие и его отношение к бессознательному» (Фрейд, 2021) показывает, как Суперэго юмориста презрительно смотрит на Эго и его несчастья, которые кажутся крошечными и тривиальными. Юмор и сатира Чехова лишены гиперболоизации, как это, например, делал Гоголь, доводя специфичные черты своих героев до абсурда. У Чехова нет юмора как такового, он рассказывает о жизни так, как ее видит. Без каких-либо литературных амбиций он с обескураживающей легкостью пишет о фарсовых персонажах: обманутых мужьях, нечестных торговцах, неуклюжих зубных врачах, увядших старых девах. Персонажи Чехова описаны ровно такими, какие они предстают в жизни, и Чехов описывает их честно и прямо, подсвечивая абсурд жизни, но не выдуманный, а самый настоящий. Чехов показывает жизнь как игру, где нет ничего серьезного, но где все безнадежно абсурдно.

В творческом процессе Чехова это отмечается крайне ярко – как его взрослое Я сохраняет способность превращать беды и страдания окружающего мира в интересные истории. Чехов превратил свою депрессию в смех, и таким образом он справлялся со сложными чувствами и защищался от страданий. У Чехова трагедия отсутствия любви, неизбежности смерти просвечивает через «ткань повседневности». Однако он настаивал на комическом измерении своих пьес: ведь перемешанные комедия и трагедия, свойственные чеховскому стилю, создают впечатление, что жизнь, несмотря ни на что, остается сносной.

Травмы, передающиеся через поколения, во многом достались и Чехову, и он внутри себя это перерабатывал и выражал через художественные произведения. Внутренний мир Чехова состоял из целого «калейдоскопа персонажей», для которых был характерен колоссальный уровень несвободы. Прототипов таких персонажей он видел в отцовской лавке, в Таганроге, Москве, у себя на медицинских осмотрах, так как к нему приходили сотни и тысячи людей. Юмористическое описание персонажей также можно рассматривать как защитный механизм, а физическая медицинская помощь может быть также формой и ментальной репарации. При этом Чехов бесстрастно отмечал их невежество, зашоренность, несвободу, «футлярность».

Этот образ, в частности, выведен в коротком, но ярком рассказе Чехова «Человек в футляре» (Чехов, 1960). Главный герой – учитель греческого языка Беликов. Он был мнительным занудным человеком, который не умел отходить от правил и раздражался, если кто-то так делал. Все его вещи, вся его жизнь была будто в «чехольчике», в «футлярчике» – и часы, и перочинный нож, и зонтик. *«И лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник»* (Чехов, 1960).

Беликов в свои 40 лет решает жениться, но это изменение в жизни оказывается для него таким перенапряжением, что он заболевает и умирает. На похоронах его лицо стало будто бы светлее и спокойнее – в гробу он обрел свой самый надежный футляр.

Подобные персонажи Чехову могут быть даже ненавистны, они могут возмущать, раздражать, но он пишет о них с большим любопытством, будто бы желая раскрыть этот футляр, в котором спрятался маленький несмелый и несвободный человек, и, освободив его, освободить себя.

Чехов бессознательно идентифицировал себя с отцом, но всю жизнь он стремился быть не таким, как он: любые проявления насилия или жестокости были обращены внутрь. Придерживаясь противоположных отцовским взглядов и стремясь быть великодушным, уважительным к другим и указывать всем на хорошее и плохое, он таким образом отождествлял себя с многодетной матерью, способной постоянно генерировать новые символы. Мать Чехова, Евгения Яковлевна, за семь лет родила шестерых детей. На фотографиях ее лицо выглядит истощенным, а взгляд печальным, что было во многом вызвано безденежьем, которое постоянно сопровождало жизнь их семьи. Бессознательная идентификация с мазохизмом матери, ее послушной и покорной фигурой, которая страдает молча и никогда не бунтует, приводит к гомосексуальному подчинению отцу, жестокость которого удовлетворяет его мазохизм. Чехов идентифицировал себя «против» двух своих родителей, причем каждого из них по отдельности, а не как пару и партнеров.

Мы видим у Чехова отождествление с садизмом отца и мазохизмом матери, что также может представляться как внутренние объекты. Впоследствии, уже в более взрослом возрасте, такое качество внутренних объектов вызывало депрессивные состояния у Чехова, которые он успешно обращал в смех в собственных юмористических рассказах. В своем мазохистском триумфе Чехов убивает себя работой – как врач и как писатель он был крайне трудолюбив. Во многих его рассказах мы находим болезненные описания страданий, которые испытывают персонажи. Он почти до конца жизни не перестанет жаловаться на свое детство и на то, что его бил отец. Он будет стремиться показывать в своих произведениях ту жестокость, с которой обращаются с людьми, от крепостных до торговцев.

Так, в рассказе «Ванька» (Чехов, 1988) Чехов рассказывает печальную историю девятилетнего сироты. Его отправили в Москву работать подмастерьем у сапожника, где с ним жестоко обращались. В канун Рождества он написал дедушке письмо: *«Приезжай, милый дедушка, <...> Христом богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А наемни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и на силу очухался. Пропавшая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Алене, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой внук Иван Жуков, милый дедушка приезжай»*. Но письмо никогда не достигнет цели, потому что ребенок пишет на конверте: *«На деревню дедушке»* (Чехов, 1988).

Этот рассказ пронизан чеховским состраданием к ребенку, но он заканчивается, как и большинство его рассказов, молчанием и покинутостью, поскольку этот крик о помощи никогда не достигнет своего адресата. Он заставляет читателя испытать печаль от обманутой надежды, от неуслышанности, от молчания в ответ.

«Спать хочется» (Чехов, 1988) – это рассказ, в котором также идет повествование о несчастье ребенка, подвергшегося насилию, но жестокость здесь гораздо более радикальная. Варька – 13-летняя маленькая служанка. Весь день она подметает, стирает, бегаёт, прислуживает за столом, а ночью отвечает за младенца, баюкая его, когда он плачет. Она засыпает, но ее постоянно будят крики ребенка. Наконец в полусне, обуреваемая изнеможением, Варька теряет связь с реальностью: в почти гипнотическом состоянии она вдруг встает и душил ребенка. «Спать, спать, спать», – говорит она и сладко засыпает дальше. Можно предположить, что именно собственное детство вдохновило Чехова на написание этой страшной повести. Благодаря психической трансформации, вызванной писательской работой, он обнаруживает в себе фантазии об убийстве, что характерно для детей, подвергшихся насилию.

В творчестве Чехова можно найти многочисленные отголоски этой борьбы с отцовским насилием – травмой, которую он изображает в самых разнообразных художественных формах и ясно показывает в своих рассказах и пьесах, что эта неизлечимая рана всегда действовала в его бессознательном.

Репаративный процесс у Чехова тесно связан с формированием нравственных установок, с человеческим достоинством. В одном из писем Суворину Чехов предлагает ему тему рассказа – и, описывая главного героя, во многом говорит о самом себе: *«Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чиновничестве, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу, и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, – напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба, и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая»*.

Вопрос о свободе как внутренний конфликт Чехов ощущал остро. Это тот вопрос, с которым его семья в широком смысле слова справлялась на разных уровнях. Стремление к физической свободе помогло деду Чехова выкупить себя и почти всю семью из крепостничества. Стремление к свободе также и руководило его отцом, когда он открывал лавку и копил деньги на собственный дом. Для Антона это была свобода «внешняя», хотя и необходимая. Он понимал, что внутреннюю свободу не купить и не приобрести извне, что от рабства в душе и рабского мышления в голове просто так не освободиться. И что, несмотря на мечты деда и отца о свободе, их главной чертой был деспотизм, который проявлялся в жестокости,

в телесных наказаниях, неуважении к людям и к человеческому достоинству. Антон же в своей жизни ставил уже вопрос об иной свободе. Это была свобода от всего того, что связано с традициями крепостничества, собственности и мещанства, – это то, что передавалось через поколения и будто бы проникало в самую кровь людей. Соответственно, это было и в психическом поле.

У творческого наследия А. П. Чехова есть характерная особенность – это яркие, запоминающиеся и «говорящие» псевдонимы писателя, которые могут являться отражением эволюции и переработки его внутренних объектов.

Выражение своих мыслей и идей путем художественной переработки в прозе, в стихах или в другой форме – это способ, в целом схожий с методом свободных ассоциаций, который помогает немного заглянуть в бессознательное того или иного автора. Произведения, персонажи, их характеры и то, в какие ситуации они попадают, – это все является отражением противоречивых сторон своего Я, которые наделяются этими чертами путем проекции и экстернализации.

Первые публикации Чехова в периодических изданиях случились, когда Чехову было 20 лет. В основной массе это были короткие юмористические заметки, в чем-то даже похожие на анекдоты. Чуть позже его произведения начинают обретать форму рассказов, насыщенных персонажами. Они подписаны псевдонимами: **Антоша, Антоша Ч., Чехонте, Ан.Ч., Василий Семи-Булатов, Человек без селезенки, Гайка № 6, Брат моего брата, Штабс-капитан Хрусталева, Рувер и Ревур, Граф Черномордик.**

Чехову потребуется еще немало лет, чтобы позволить себе право претендовать на статус писателя и подписывать свои произведения собственным полным именем. Ближе к 27 годам писателя встречаются первые произведения, подписанные настоящим именем – **Антон Чехов**. Вначале они идут вперемешку с другими псевдонимами. Стабильно Чехов подписывается своим полным именем после 30 лет.

Псевдонимы, с которыми неразрывно связано раннее творчество А. П. Чехова, также могут иметь отношение к шуточным детским прозвищам, которые братья Чеховы охотно давали друг другу в детстве. Например, Антона прозвали Бомбой и Головастиком из-за того, что у него была в детстве большая голова, непропорциональная размеру тела.

Практика использования литературных псевдонимов была достаточно распространена в то время. Многие литераторы, писатели, художники публиковали свои произведения под выдуманными именами и фамилиями, это не было редкостью. В семье Чеховых страстью к писательству обладали и другие братья, они также использовали псевдонимы: старший брат, Александр Павлович, публиковался под именами Алоэ, А. Седой, младший брат, Михаил Павлович, – под именами М. Богемский, Капитан Кук.

Наиболее часто встречающийся псевдоним первых лет писательской жизни Чехова – **Антоша Чехонте**, его сокращения и вариации: **А.Ч., Ан.Ч., Ан.Чехов, Антоша Ч., Анче, А-н Ч-те, Ч. Хонте, Дон Антонио Чехонте**. Этим несколько насмешливым именем окрестил Антошу

Чехонте протоиерей Ф. П. Покровский, который был учителем Закона Божьего в гимназии, где учились братья Чеховы. Антон в это время учился в пятом классе, ему было 13 лет. Множество произведений писателя подписаны этим псевдонимом. Окончательно Чехов перестал называть себя Антошей Чехонте только лишь после 28 лет.

Это игриво-шутливое, в чем-то детское имя могло быть вполне уместно для Антоши-подростка и для его первых юмористических заметок в обычных газетах. Со временем Антон рос и развивался как личность, как писатель, как доктор – и будто бы это уже идет вразрез с его взрослым Я и более глубоким содержанием его рассказов. И выглядит немного противостоестественно, что взрослый человек, который уже обрел популярность и статус, подписывается таким детско-подростковым псевдонимом. Будто бы взрослый человек пытается влезть обратно в свою детскую одежду. С другой стороны, это можно интерпретировать как попытку сохранения контакта со своим детским Я и его частями, так как псевдоним порой встречается в сокращенном виде: А.Ч., Ан.Ч., Анче, А-н Ч-те.

А. П. Чехов был трудолюбивым человеком и, если так можно выразиться, продуктивным писателем. Из-под его пера за небольшой период творческой жизни, начиная с первого произведения, когда ему было 17 лет, и до самой смерти в 44 года (итого получается 27 лет творческой жизни), вышло 30 томов, куда входят рассказы, повести, пьесы, статьи, письма и прочее. Стоит учесть, что сюда не входят черновики его произведений, Чехов предпочитал их уничтожать. За семь лет, когда Чехов учился на медицинском факультете, он написал две трети объема всей своей прозы – это огромная работа. Для сравнения – объем наследия Льва Николаевича Толстого, который прожил гораздо дольше, 82 года, составляет 90 томов. Также для понимания интенсивности работы Чехова как писателя стоит отметить, что он мастер небольших произведений, это порядка 600 текстов, а значит, 600 заголовков, тысячи персонажей, фамилий, ситуаций, пейзажей, а также десятки псевдонимов. Таким образом, можно сделать вывод, что сокращение псевдонима из Антоши Чехонте в А-н Ч-те, А.Ч., Ан.Ч., Анче, А-н Ч-те, Ч. Хонте – не случайность, не описка и не «лень» писателя. Это обращение к частям своего детского Я, иногда более цельного, иногда более фрагментарного.

Множественные вариации псевдонимов А. П. Чехова так или иначе отсылают нас к детству писателя. Когда родился Антон, его старшим братьям Александру и Николаю было пять лет и два года соответственно. Спустя лишь один год после рождения Антона появляется на свет его младший брат Иван. Когда Антону Чехову было три года, рождается его сестра Мария, а в его пять лет у него появляется еще один младший брат – Михаил. В многодетной семье и при такой небольшой разнице в возрасте с сиблингами есть большая вероятность дефицита материнского внимания по отношению к детям и, возможно, конфликт конкуренции и слияния с братьями, которые были близки по возрасту. Особенно Антон был близок с братом Иваном, который был лишь на 1,4 года младше. Их связывает не только небольшая разница в возрасте, но и тот непростой период в жизни всей семьи, когда отец Чехова разорился и бежал в Москву.

Антон остался в Таганроге вместе с братом Иваном. Антон был за старшего не только для Ивана, но и для всей семьи. У Ивана также сложились непростые отношения с отцом. На протяжении многих лет Антон поддерживал Ивана и был для него во многом фигурой авторитетной и даже замещающей отца. Иван советовался с Антоном по поводу переходов по службе, переездов и заработка. Вероятно, эта тесная кровная связь с фигурой Ивана, как одним из внутренних объектов, выразилась в другом псевдониме Антона Павловича Чехова – **«Брат моего брата»**. Узы дружбы с братьями имели для Чехова огромное значение.

Также есть версия, которая может объяснить появление этого псевдонима как следствие помощи старшего брата Александра: когда Антон только переехал в Москву, Александр помогал ему пробиться в редакции московских газет и журналов. Желая подчеркнуть свою второстепенную роль по сравнению со старшим братом, Антон периодически подписывался именно так: **«Брат моего брата»**.

Псевдоним **«Брат моего брата»** можно интерпретировать с различных сторон: я (Антон) как брат моего брата (Ивана или другого из четверых братьев в семье Чеховых). Он (Иван, например) как брат другого брата (например, Александра). Таких взаимосвязей между каждым из пятерых братьев – множество. Это тесная связь по крови, в ней чувствуется опора и семейные узы, но в этом, безусловно, есть и сиблинговая конкуренция. В этом даже есть некая обезличенность – что важен не сам человек, а именно его родство. В этом можно увидеть и гомосексуальный подтекст, который также прослеживается на бессознательном уровне.

Семейная система Чеховых сложилась таким образом, что Антон взял на себя роль человека, связующего, организующего семью, связывающего членов этой семьи. Он был тем, кто покупал дома и имения и обязательно звал своих родных пожить вместе. С одной стороны, для него это было обузой, с другой – иначе он не мог. Как брат своего брата, сын своей матери и сын своего отца, он был крайне привязан к семье и ощущал кровные узы. Примечательно, что в переписке с братьями он иногда подписывался *«Ваш папаша А. Чехов»*.

Чехова с братьями объединял детский опыт физического насилия со стороны отца. Каждый из пяти братьев был и участником, и свидетелем «экзекуции». Зигмунд Фрейд показал взаимосвязь между эротическими фантазиями и сценами физического насилия, увиденными в детстве. Для Чехова и его братьев фантазия **«быть побитым отцом»** исходит из бессознательного инцестуозного желания быть любимым отцом. Для Чехова речь шла об избиении отцом в действительности, а не в фантазии, что могло только усилить аффекты и ощущение страха, стыда, унижения, а также возбуждение, провоцирующее бессознательную эротическую фиксацию.

Помимо вышперечисленных псевдонимов крайне интересным представляется подпись Чехова **«Человек без селезенки»**. Селезенка и в наше время считается малоизученным органом, а во времена Чехова в конце XIX века было известно о нем еще меньше. Селезенка выполняет роль фильтрации крови и вырабатывает антитела для борьбы с вирусами

и бактериями. Без селезенки человек может выжить, но у него может снизиться иммунитет и могут проявиться другие побочные эффекты. Чехов как доктор того времени вполне мог понимать, что даже если наука пока не ответила на вопрос «зачем», то есть природа, которая зачем-то этот орган все-таки создала. В целом это выглядит достаточно символично, что Чехов пытался внутренне и психически перерабатывать самые разные пласты как из личной, так и семейной истории – возможно, он был метафорической селезенкой для своей семьи и для своего рода. Но подписывается он как «Человек без селезенки», или сокращенно: **Ч. Б. С., Ч. без С.** Возможно, в этом есть некоторое отчаяние Чехова – будто бы он старается, но этого недостаточно. Будто бы он мог переработать все наболевшее, но непонятно, нужно ли оно кому-то, кроме него, как и сама селезенка – нужна она человеку или нет, ведь и без нее можно выжить.

Несколько похожий медицинский юмор можно уловить в другом псевдониме Чехова: «**Врач без пациентов**». Врач – повторяющийся персонаж в чеховских пьесах. Может ли врач назвать себя врачом, если у него нет пациентов? И по аналогии – может ли человек назвать себя человеком, если он не перерабатывает собственную историю?

Читая произведения Чехова в хронологическом порядке, можно наблюдать развитие формы произведений – они становятся более цельными. Из разрозненных юмористических заметок они трансформируются в более длинные и глубокие рассказы и пьесы. Аналогичным образом из более частичных и фрагментарных псевдонимов постепенно будто бы формируется полное имя писателя – **Антон Чехов**.

С целью визуализации разнообразия чеховских псевдонимов и процесса их интеграции в настоящее имя писателя к данному исследованию предлагается следующая схема (см. *рис. 2*):

- Это временная шкала, на которой отмечены годы жизни Чехова, начиная с его первой публикации в 1879 году.
- В рамках каждого года указаны псевдонимы, которыми Чехов подписывался под произведениями, изданными в этот год.
- В скобках рядом с каждым из псевдонимов указано количество произведений, которые были подписаны таким образом.
- Круги расположены в последовательности от наибольшего к наименьшему.

Как утверждают многие психоаналитики в исследованиях вопросов творчества, способность творить в основном присуща не самым счастливым людям, скорее наоборот – только определенная доля внутренней неудовлетворенности, внутренней конфликтности и противоречивости может сподвигнуть на самовыражение через творческий акт.

Писательство для А. П. Чехова было крепостью и убежищем, его персонажи и псевдонимы – элементами его внутреннего мира и проективной идентификации, а драматические произведения – репрезентациями внутренних конфликтов и поиском их решения. Это перенос реальности в условный художественный вымысел работ Чехова. С психоаналитической точки зрения, творчество Чехова можно назвать вариантом сублимации, борьбой с деструктивностью, поиском психического исцеления

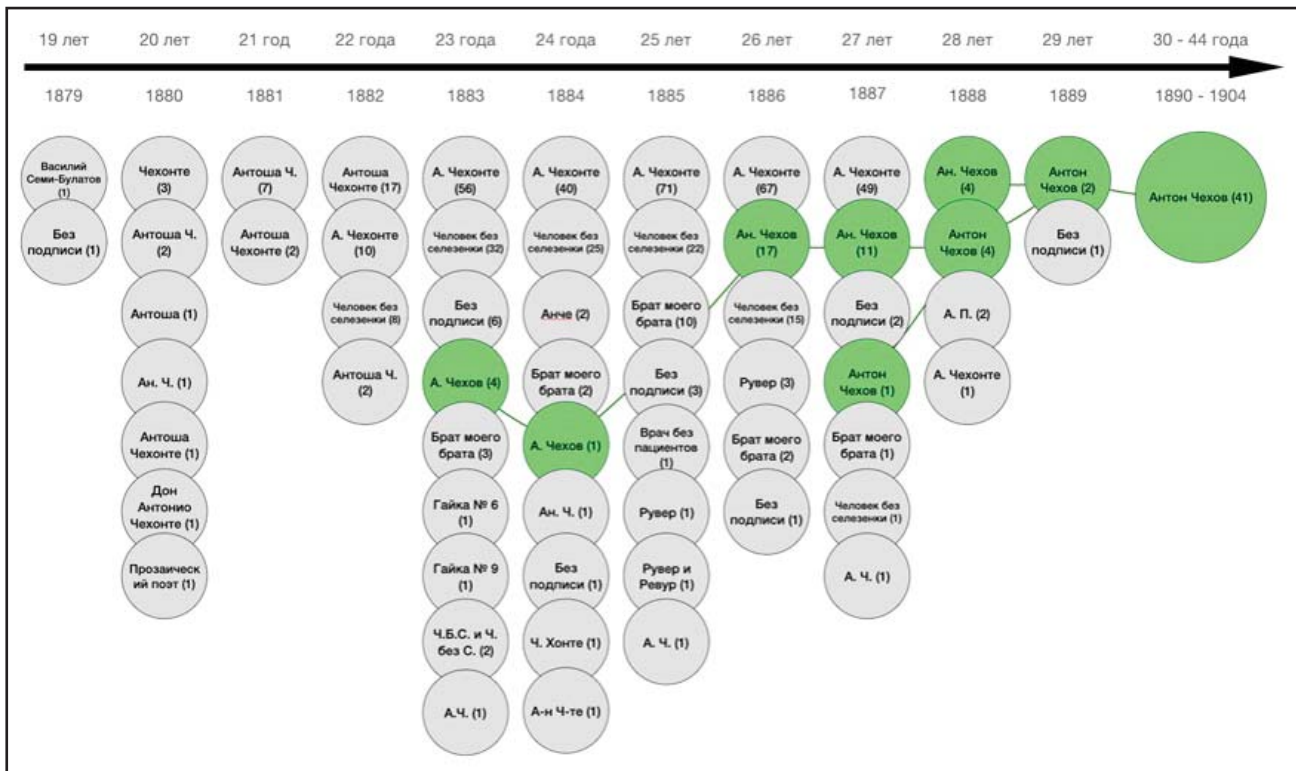

Рисунок 2

и внутреннего репаративного процесса, который сопровождался переработкой «затапливающих» бета-элементов (Иглицкая, 2016).

Художественная форма для выражения аффекта зачастую является такой же эффективной по мере воздействия на индивида, как реальное действие или отреагирование в реальности. Чем глубже и подробнее писатель прорабатывает характеры героев, их особенности, черты, манеры, то через них как будто бы проигрывается и разрешается внутренний конфликт, что в результате позволяет автору испытывать более определенное внутреннее благополучие и более цельное и взрослое отношение к сложной и противоречивой жизни. Путем творческого процесса Чехов пытался репарировать частичные или частично разрушенные внутренние объекты. В рамках жизни Антона Павловича Чехова и его творчества в широком смысле слова это было выражено через процесс написания художественных произведений, через его врачебную деятельность, через социально-благотворительные действия.

Написание каждой пьесы было для него катарсисом, разрядкой внутреннего напряжения, безошибочным средством избавления от депрессивного состояния. Это было его лекарством, потому что он нашел в этом возможность выразить свои настроения и противоречивые импульсы, которые заставляли его страдать.

Это внутреннее напряжение находит свой выход в переводе боли во взрыв смеха: так драма дезактивируется, разряжается, будто бы отменяется, а пустота и бессвязность оказываются в центре сцены. Например, частый прием в пьесах Чехова: если актеры начинают рыдать, они должны

немедленно начинать смеяться, а если они грустят, их горе тут же переходит в сарказм. Так дедрамматизация ситуации, которая тем не менее напряжена и болезненна, порождает другой вид чеховской драмы – о бессвязности и противоречивости нашего мира.

Наследие художественных произведений А. П. Чехова – это сотни рассказов, повестей и пьес, это тысячи детально описанных героев с характерными чертами. Мы можем представить Чехова как **мать своих персонажей**. Скромный и сдержанный в жизни и в общении с другими людьми, которые отмечали в нем некоторую отстраненность, Чехов раскрывает себя и свое Я гораздо более откровенно через созданных им персонажей. Современники видели в нем человека, чувствительного к страданиям других людей и полного сочувствия к ним, однако мы не можем игнорировать холодность и жестокость взгляда, которым он смотрит на своих персонажей. И холодность, и сострадание связаны с иронией и сарказмом, которые будто бы смягчают трагическое и успокаивают боль.

Творческий процесс и самовыражение Чехова через письмо в этом случае были тесно связаны с внутренней работой, которую проделывал писатель. Бессознательная идентификация с жестоким отцом и мазохизмом матери, которая в фантазии Антона также страдала от жестокости своего мужа, приносила тяжелое внутреннее страдание. Одновременно с этим Чехову пришлось расти из позиции «не быть как отец» и строить свою жизнь против образа отца: отец был деспотом, а Чехов воспитывал в себе терпимость и уважение к другим; отец бил своих сыновей, как били его самого, но Чехов никогда никого не побьет, и детей он не имел.

Схематически можно изобразить внутренние объекты А. П. Чехова и его отношение к ним следующим образом (см. *рис. 3*):

- Идентификация с отцом и его садизмом, идентификация с матерью и ее мазохизмом. Они воспринимались Чеховым будто бы по отдельности, не как пара. Это, вероятно, может быть причиной и двойственной идентичности Чехова, в двух профессиональных ролях – врача и как писателя.

- Через оба эти объекта происходила репарация внутреннего детского Я, пострадавшего в сиблинговой конкуренции за мать и от телесных наказаний со стороны отца.

- Линия отношений с отцом тесно связано с образом дома, семьи, близких родственными отношений, без которых Чехов не мог, но находясь с которыми испытывал тягость и страдание – и с ними плохо, и без них плохо.

- Эдипальный конфликт с отцом-матерью, перенесенный на отношения с младшей сестрой.

- Для братьев (и для всей семьи) Чехов занял позицию отца, старшего в семье, таким образом заменяя отца для своих сиблингов, особенно младших.

- Линия отношений Антон – отец – дед ведет к истоку трансгенерационной травмы, связанной с крепостничеством, несвободой, каторгой, тюрьмой. Этот внутренний объект был бессознательным двигателем Чехова во время его поездки на Сахалин.

привязанности к матери и сестре, дает ему приют и нарциссическую поддержку. Чехов был счастлив, что смог осуществить мечту о собственном доме, о семейном коконе, без которого он не мог обойтись. Это было что-то вроде зависимости, регрессивной привязанности к первичным объектам, которая превращала этот же самый дом в объект, который стал удушающей тюрьмой.

Желание иметь дом у Чехова было очень явное, дом является ностальгическим символом и объектом тоски по этому волшебному месту, которое бы объединило всю семью и где узы детства были бы увековечены. Чехов, безусловно, чувствует регрессивную и парализующую сторону этого объекта – дом является пространством, где заперты предметы его детства, от которых он не может оторваться. Из этого чувства у Чехова появляется потребность путешествовать, что порой похоже на побег из этого дома, из той жизни, которую он продолжал делить со своим отцом, матерью, сестрой, братьями.

Внутренний репаративный процесс у Чехова также тесно связан с формированием нравственных установок, с человеческим достоинством. Как внук крепостного, Чехов ясно осознавал свое наследие и никогда этого не скрывал. Он всю жизнь пытался «выдавливает из себя раба», и к концу жизни у него это получилось. Как было отмечено одним из современников, *«вот Чехов, поражает меня. Третий раз с ним встречаюсь. И вот первые два раза в нем очень много было хамства, купеческих замашек. Увидел его в третий раз – изменился тон голоса, как бы сама посадка головы, какой-то интонационный посыл. В нем возникло благородство»* (Чехов, 1970). У А. П. Чехова это получилось – воспитать в себе благородство. Этот же посыл он четко сформулировал для своего младшего брата, но и для себя в том числе. В одном из писем младший брат Михаил подписался как *«Братишка твой, ничтожный и незаметный»*. На что Чехов возмущенно ответил: *«Ничтожество свое сознавай знаешь где? Перед Богом, пожалуй, перед умом, красотой, природой, но не перед людьми... Среди людей нужно сознавать свое достоинство»* (Чехов, 1970). Это наставление Михаил Чехов запомнил на всю жизнь.

Фамилия Чеховых была богата на таланты, но Антон занимает самое яркое в ней место не только благодаря художественным произведениям, но и тем, что своей жизнью и своей фигурой он показал своим сиблингам пример. Два старших брата Антона, Александр и Николай, имели предрасположенность к творчеству: один мог бы тоже стать писателем, второй писал картины, но они не сумели воспользоваться творчеством как возможностью проработки травмирующих событий из детства. У них сформировалась склонность к зависимостям, в частности алкоголизм.

В творчестве Чехова можно найти многочисленные отголоски этой борьбы с отцовским насилием – травмой, которую он изображает в самых разнообразных художественных формах и ясно показывает в своих рассказах и пьесах, что эта неизлечимая рана всегда действовала в его бессознательном. Чехов часто говорил о внутренней борьбе и постоянной работе над собой, которая дает возможность стать свободным человеком. Эта трансформация позволила ему освободиться от обиды и ненависти,

вызванных в нем насилием отца. В спасительном для него повороте эта ненависть превратилась в заботу. Этот поворот против собственного насилия дорого ему обошелся – внутренними страданиями, депрессивными настроениями и физическим недомоганием от туберкулеза легких, от чего он умер в возрасте 44 лет.

Антон же в своем психическом поле перерабатывал множество бета-элементов, тем самым он смог продлить и свою жизнь, несмотря на туберкулез, и передать новые смыслы в жизнь своих младших братьев, младшей сестры и рода Чеховых в будущем. Чехов должен был за все платить – временем, заработанными деньгами, собственным здоровьем, непрестанным трудом и работой над собой: «*Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценой молодости*». Антон Павлович на протяжении своей жизни перерабатывал трансгенерационные и детские травмы, благодаря чему последующие наследники фамилии Чеховых получали таким образом более интегрированный и переосмысленный опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова Н. С., Вебер Г. С., Тишина З. В.* Из школьных лет Антона Чехова. М.: Детгиз, 1962. С. 128.
2. *Иглицкая И. М.* Художественное произведение с точки зрения психоаналитической теории сновидений Фрейда – к вопросу о методе анализа // Психолог. 2016. № 6. С. 65–88.
3. *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Издательство Б.С.К., 2001.
4. *Кляйн М.* О теории вины и тревоги // Кляйн М. и др. Развитие в психоанализе. М., 2001. С. 394–423.
5. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ // Фрейд З. Собр. соч.: В 10 т. М.: ООО «Фирма СТД», 2003. Т. 1. 624 с.
6. *Фрейд З.* Леонардо Да Винчи. Воспоминание детства // «Фрейд. Художник и фантазирование». М.: Республика, 1995.
7. *Фрейд З.* Толкование сновидений // Фрейд З. Собр. соч.: В 10 т. М.: ООО «Фирма СТД», 2005. Т. 2. 682 с.
8. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 2021.
9. *Чехов А. П.* Избранные произведения в двух томах. Лениздат, 1960.
10. *Чехов А. П.* Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1988.
11. *Чехов М. П.* Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. Московский рабочий, 1964.
12. *Чехов С. М.* О семье Чеховых. Ярославль, 1970.
13. *Anargyros A.* (2010). Une psychanalyste lit Tchékhev. France: Editions L'Harmattan.

Reparation of internal objects in A. P. Chekhov's biography and writing

M. I. Lukyanova

Lukyanova Maria I., Master of Psychology (HSE), psychoanalytically oriented business consultant.

The life and work of Anton Pavlovich Chekhov have been extensively studied from many different angles – literary, biographical, epistolary. There is a specific direction in literature called "chekhovedeniye" where it's studied in detail materials created by Chekhov – works, letters, drafts, articles, personal notes. Few researchers venture into the territory of a deeper analysis of Anton Pavlovich Chekhov's personality, his "mental", his inner world, and relate this to what kind of plots and conflicts unfold in the pages of the author's works. This paper explores aspects of Anton Pavlovich Chekhov's biography and work from the psychoanalytic side, especially his 'talking' pseudonyms as a possible reflection of the process of internal object reparation.

According to Melanie Klein's theory the reparation of inner objects is a powerful impulse for the creative activity of the subject. The reparation of internal objects can thus be embodied through external reality – through the products of artistic creation that enrich both the author and the readers.

Keywords: inner objects, reparation, sublimation, creativity, object relations theory, psychoanalysis of creativity.